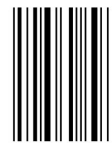

ISSN 2409-336X

9 772409 336004

2 50 0 2

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

2 (66)
2025

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д. С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р экан. навук прафесар Н. У. Макоўская (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я. Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А)
канд. гіст. навук А. І. Галавач (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Д. У. Дук (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар К. М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І. А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М. І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар Г. А. Круглова (Мінск)
д-р філас. навук прафесар В. В. Плябанек (Санкт-Пецярбург, Расія)
д-р філас. навук прафесар С. М. Астапаў (Растоў-на-Доне, Расія)
канд. філас. навук дацэнт В. У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А. В. Дзячэнка (Мінск)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт Н. В. Якавенка (Мінск)
д-р філал. навук прафесар Т. М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т. Р. Міхальчук (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Я. Я. Іваноў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А. А. Балтоўская (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А. А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
vesnik_mdu@mail.ru

**MOGILEV STATE
A. KULESHOV UNIVERSITY
BULLETIN**

THEORETICAL-SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in December 1998

Series A. HUMANITIES
(History, Philosophy, Philology)

Published twice per year

**2 (66)
2025**

Editorial Board:

Lavrinovich D. S., Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Makovskaya N. V., Deputy Chief Editor, Doctor of Economic Sciences, Professor
Riyer Y. G., Chairman of the Editorial Committee (Series A),
Doctor of Historical Sciences, Professor
Golovach E. I., Executive Secretary of the Editorial Board, Ph.D.

History:

Duk D. V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Bondarenko K. M., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Marzaliuk I. A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Minsk)

Philosophy:

Vishnevsky M. I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Mogilev)
Kruglova G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Minsk)
Plebanek O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
Ostapov S. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Rostov-na-Donu, Russia)
Starostenko V. V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dyachenko O. V., Ph.D., Associate Professor (Minsk)

Philology:

Yakovenko N. V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor (Minsk)
Volynets T. N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Minsk)
Mikhalchuk T. G., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Ivanov E. E., Doctor of Philological Sciences, Professor (Mogilev)
Boltovskaya E. A., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Theoretical-scientific journal
“Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin”
is included in the bibliographic database
“Russian Science Citation Index”,
License agreement № 811-12/2014

The editorial board address:
212022, Mogilev, Kosmonavtov Str., 1,
vesnik_mdu@mail.ru

З М Е С Т

LAVRINOVICH D. S. Elections to the iv state дума of the russian empire in the territory of the belarusian provinces	7
РИЕР Я. Г. К анализу одной исторической концепции: по материалам публикаций Б. М. Кондорского	15
КИСЕЛЕВ А. А. Изменения в структуре и деятельности городских полицейских управлений Могилевской губернии (конец XIX – начало XX в.)	25
ВОРОБЬЕВ А. А., ИГНАТОВИЧ А. Е. Боевые действия на Восточном фронте Первой мировой войны в 1916 году и их оценка генералом Людендорфом	32
РАЕМСКИЙ Ю. А. Влияние свиты императора Николая II на маршрут литературных поездов 28 февраля 1917 г.	37
BURAKOV V. N. Property rights of citizens to residential premises in the Byelorussian SSR	43
КОЛОСОВ А. В. К вопросу о синкретических культурах в мезолите Белорусского поднепровья: результаты корреляции данных	48
КОЗЛОВА Н. Н. Патриотическая деятельность клириков православной церкви на территории Гомельщины в годы Великой Отечественной войны	59
СТАРАСЦЕНКА В. У. Дахтрынальна-дагматычная спецыфіка і дзяржаўна-канфесійныя адносіны іегавізму	65
ЛЯШЧЫНСКАЯ В. А. Адбор колеранайменняў пры ўтварэнні фразеалагізмаў беларускай мовы	71
БОЛТОВСКАЯ Е. А. Соотношение вариантов формы родительного падежа единственного числа имен существительных мужского рода в русском языке середины XX – первой четверти XXI в.	76
СИВАКОВА Н. А. Роль хронотопа в смысловой организации сборника рассказов З. Прилепина «Собаки и другие люди»	83
ШАРШНЁВА В. М. Працяжнік як сродак актуалізацыі прагматычнага патэнцыялу мастацкага праявінага тэксту	88
БАСОВЕЦ И. М. Влияние референциальных характеристик субъектов сведений на референциальный фокус высказываний в англо- и белорусскоязычных газетных текстах	94
КАРНЕЕВА В. І. Трансфармаваныя фразеалагічныя адзінкі: агляд класіфікацый.....	101
СУН КЭЛИНЬ Восприятие языковой личности Конфуция в сознании русскоговорящих по результатам анкетирования.....	107

C O N T E N T S

LAVRINOVICH D. S. Elections to the iv state дума of the russian empire in the territory of the belarusian provinces	7
RIER Y. G. On the analysis of a historical concept: based on the publications of B. M. Kondorsky	15
KISELEV A. A. Changes in the structure and activity of the city police departments of Mogilev province (late XIX – early XX century)	25
VOROBIEVA A. A., IGNATOVICH A. E. Combat operations on the eastern front during World War I in 1916 and their assessment by general Ludendorff	32
RAYEMSKI, Y. A. The influence of the retinue of Emperor Nicholas II on the route of special trains on February 28, 1917	37
BURAKOV V. N. Property rights of citizens to residential premises in the byelorussian SSR	43
KOLOSOVA V. On the issue of syncretic cultures in the mesolithic of the Belarusian Dnieper region: data correlation results	48
KOZLOVA N. N. The patriotic activities of the orthodox church clerics in the territory of Gomel region during the Great Patriotic War	59
STARASCIENKA V. U. Doctrinal and dogmatic specificity and state-confessional relations of jehovah's witnesses	65
LYASHCHYNSKAYA V. A. Selection of color names when forming phraseology of the belarusian language	71
BOLTOVSKAYA E. A. Comparison of variant forms of the genitive singular of masculine nouns in Russian from the mid-XX to the first quarter of the XXI century	76
SIVAKOVA N. A. The role of chronotope in the semantic organization of Zakhar Prilepin's short story collection "Dogs and other people"	83
SHARSHNIOVA V. M. Dash as a means of actualizing the communicative-pragmatic potential of fiction prose text	88
BASOVETS I. M. The influence of referential characteristics of subjects of information on the referential focus of statements in english and belarusian newspaper texts	94
KARNEEVA V. I. Transformed phraseological units: a review of classifications.....	101
SONG KELIN. Perception of the linguistic personality of confucius in the minds of russian speakers according to the results of questionnaires	107

ІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 329.12(=161.1)(476)«1912/1917»

ELECTIONS TO THE IV STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE TERRITORY OF THE BELARUSIAN PROVINCES

D. S. Lavrinovich

Doctor of Historical Sciences, Professor
Mogilev State A. Kuleshov University

The article examines the distinctive features of the election campaign to the IV State Duma in the Belarusian provinces, where the nomination of candidates for deputy positions took into account political, social, and national factors. In the Vilna province, the Polish electoral committee, representing the interests of agrarians and the Catholic Church, succeeded in having its representatives elected as deputies. Among the Russian population of the Vilna province, representatives of the local extreme right wing were elected to the IV Duma. The elections in the Vitebsk, Grodno, Minsk, and Mogilev provinces shared a common feature: an active role of the Orthodox Church, supported by local authorities, in the election campaign. As a result, right-wing candidates prevailed. Compared to the III Duma, the composition of deputies from these provinces became more conservative: the majority were supporters of the Union of the Russian People and the All-Russian National Union, while the number of Octobrist deputies noticeably decreased

Key words: election campaign, State Duma, Belarusian provinces, political parties, national groups.

Introduction

The dynamics of the socio-political life of the Russian Empire at the beginning of the 20th century was largely caused by the participation of various political forces and national groups in the elections to the State Duma.

According to the Electoral Law of June 3, 1907, in the territory of European Russia, electors were distributed among curias as follows: peasants received 22.4% of the seats, landowners – 51.3%, townspeople – 24.2%, workers – 2.3%. For the Belarusian provinces, representation from landowners was determined taking into account the “Polish” factor. Thus, in the Minsk province, landowners elected 51.9% of electors to the pro-

vincial electoral assembly, in Mogilev – 51.2%, in Vilna – 48%, in Vitebsk – 45.3%, in Grodno – 41.1%. By order of the Ministry of Internal Affairs, the congresses of landowners in the Grodno, Minsk, Mogilev provinces and 7 districts of the Vitebsk province were divided into 2 sections according to nationality: the 1st section included all non-Poles (Russians, Orthodox Belarusians, Germans, Tatars and others) and the 2nd section included Poles, which also included Catholic Belarusians [1, pp. 120–122].

In the Minsk province, the first congresses of city voters were divided into three sections: Russian (which included all Orthodox Christians, as well as Germans and Tatars), Polish (including Catholics in addition to Poles and Belarusians), and Jewish. Each section, despite the different number of voters, elected the same number of electors. The electors from the first congress of city voters in the Bobruisk, Dvinsk, Grodno and Belostok districts were divided into two sections (“Russian” and “non-Russian”), as well as the electors from the second congress of city voters in the Bobruisk, Minsk and Grodno districts. In the Vitebsk, Dvinsk and Mogilev districts, all voters, who were not Jews, were assigned to the first section, and the Jews – to the second section. Workers in the Grodno and Minsk provinces could elect two electors to the provincial assembly, workers in the Vilna and Mogilev provinces – one each [1, pp. 121, 122].

It is not surprising that the peculiarity of the Belarusian provinces was that the nomination of candidates for deputies took place taking into account both socio-political and national factors.

Main Body

In the Vilna province, according to the electoral law of June 3, 1907, a special “Russian” curia was created, according to which elections of 2 deputies out of 7 were held [1, pp. 120–122]. The main struggle was conducted between local

© Lavrinovich D. S., 2025

Робота выполнена по гранту Президента Республики Беларусь в сфере науки в 2024 г.

departments of the right-wing and liberal parties and organizations.

Right-wing parties in the Vilna province were represented by 4 departments of the All-Russian Dubrovin Union of the Russian People (VDSRN), 3 departments of the SRN-Renovationist and 3 departments of the Russian People's Union named after Michael the Archangel (SMA) [2, p. 120]. A department of the All-Russian National Union (VNS) was opened in Vilna [3]. An influential organization, politically oriented towards the rightists and Russian nationalists, was the Vilna Holy Spiritual Brotherhood [4].

The liberal camp was represented by the department of the Constitutional Democratic Party (KDP) in Vilna, which also reflected the interests of the Jewish population of the city [5, p. 165]. In September 1912, the Vilna liberals jointly began publishing the Evening Newspaper. Its de facto editor was one of the leaders of the Belarusian Socialist Community, A.I. Lutskevich [6, p. 34]. A committee of Russian progressive voters was formed in Vilna [7].

The Belarusian Society decided to participate in the elections as an independent political force. Its newspaper, the Belarusian Herald, which began publishing in Vilna in 1912, assessed the activities of the deputy corps of the previous Duma in relation to Belarus negatively: "The Legislative Assembly... forgot about the existence of the Belarusian, and the nine-million-strong nation remained voiceless for five years" [8]. The Russian Non-Party Electoral Committee was located in the newspaper's office [9]. On September 23, at its initiative, the first general meeting of Russian voters in Vilna was held. It was attended by up to 500 people. At the meeting, it became clear that it was impossible to compile a single list of candidates for electors of deputies of the State Duma from the Russian population of the city due to acute political disagreements between the group of "progressives" on one side and Russian nationalists on the other [10].

Thus, in 1912, the Orthodox population (Russian, Belarusian) of the Vilna province found itself faced with a choice among many parties, electoral committees and lists of candidates for deputies: the rightists, the All-Russian National Union, the Holy Spiritual Brotherhood, the Committee of Russian Progressive Voters, the Russian Non-Party Electoral Committee. In this situation, thanks to the administrative resource, the scales inevitably had to tip in favor of the candidates supported by the authorities. Ultimately, representatives of the right camp

became deputies: G.G. Zamyslovsky, the acting deputy prosecutor of the Vilna Judicial Chamber, member of the Main Council of the SRN G.G. (for the second time) and V.P. Yuzvyuk, the rector of the church in Golshany, Oshmyany district, chairman of the local department of the SRN [11, pp. 202, 718].

Polish public organizations and parties took an active part in the elections. The Polish Central Electoral Committee (CEC) was formed in December 1911. It united Polish public figures of a moderately liberal orientation, supporters of the National Democratic Party, and representatives of the Catholic Church [12, p. 265]. Polish democrats created the Provisional Democratic Electoral Committee [12, p. 265]. Large landowners and entrepreneurs of the region became candidates for deputies from the Polish CEC; the candidacy of priest S.G. Matseevich, a former deputy in the III State Duma, was nominated again. Polish democrats nominated the candidacy of Vilna lawyer B. Kryzhanovsky [12, pp. 266, 267].

The candidates supported by the Polish Central Electoral Committee won the elections. B. Kryzhanovsky was able to gain only 541 votes, significantly behind his opponent, S.G. Matseevich, for whom 5,397 voters voted [12, p. 269]. In addition to S.G. Matseevich, the following became deputies for the second time: a large entrepreneur and landowner G.I. Svetsitsky, a Lithuanian peasant M.E. Tsiunelis, as well as L.S. Putkammer, a large landowner in the Vilna and Minsk provinces, a member of the Council of the Vilna Society of Rural Owners, a supporter of the National Democratic Party, and a former deputy of the Second State Duma. V.I. Bankovsky, a member of the Vilna City Duma and a wealthy homeowner, was elected to the Duma for the first time [11, pp. 35, 512, 550, 668].

An attempt by Vilna Jews to nominate their own candidate, O. O. Gruzenberg (for the third time since 1906), failed. Fearing that the Jews would be able to reach an agreement with the Polish democrats on mutual support, the authorities ordered that Gruzenberg's name not be included in the electoral lists and that all complaints from his supporters be ignored [12, p. 263]. As a result, the Jewish population of the Vilna province was left without a representative in the State Duma, although according to the 1897 census, about 40% of Jews lived in Vilna alone [13].

In the Vitebsk province, monarchist parties and organizations, with the support of local authorities, formed the Vitebsk Provincial

Russian Election Committee, which set as its goal "to promote the election to the highest state legislative and local electoral institutions of persons belonging to the indigenous Russian population or organically merged with the Russian people and imbued with the consciousness of the need for a single and indivisible Russian Empire, and the limitation in all its parts of the interests of the Russian people under the authority of the Autocrat of All Russia" [14, p. 2]. In addition to representatives of local right-wing parties and the Union of October 17, it included deputies of the Third State Duma and a member of the State Council, elected from the Vitebsk province.

The provincial authorities provided significant support to the Russian election committee [14, p. 2]. In order to promote pro-government candidates in the elections, they decided to involve the Orthodox clergy. In December 1912, the Vitebsk governor wrote in a letter to the Ministry of Internal Affairs: "During the election campaign that took place this year... there was intensive agitation by left-wing parties supported by the Polish-Jewish bloc, which was expressed both in the personal influence of individuals on the population and through the periodical press." Therefore, according to the governor, it was necessary to make a lot of effort not to allow revolutionary and opposition elements into the lower house, but to "elect candidates from the Russian group." He added that such "success" was due to the vice-governor A.F. Rosen, who was in charge of the election proceedings, as well as a number of district officials. In addition, in his opinion, the Orthodox clergy rendered a great service with their "authoritative influence on the rural population" [15, p. 12–13]. Bishop Nikodim of Polotsk and Vitebsk issued a corresponding appeal, and already in May–June 1912, pre-election meetings of the clergy and parishioners with the participation of representatives of right-wing parties were held in Vitebsk, Polotsk, Velizh, Sebezh and other localities [1, p. 189, 190].

Local authorities did everything to eliminate the potential for undesirable candidates to become deputies. For example, the elections at the second congress of city electors were scheduled for September 29, Saturday, a day when Jewish voters could not participate for religious reasons. Only in Drissa did Jews try to compete with I. F. Polovtsev, the local leader of the nobility, but they were unsuccessful [16, p. 2, 2 rev.]. In most districts, the rightists won [1, p. 197].

The provincial electoral meeting was held in Vitebsk on October 25, 1912. All the

elected candidates belonged to the government camp. Compared to the Third State Duma, the composition of the deputies from the Vitebsk province became more right-wing, due to the reduction of representation from the Union of October 17. Of the seven deputies, only one person was an Octobrist, six deputies were supporters of the SRN and the VNS.

In the Grodno province, the struggle in the elections was also between the right-wing and liberal forces. By the time of the elections to the IV State Duma, the SRN-Renovationist departments existed in the towns of Dyvin, Lapsk and Khoroshchansk, and the VDSRN - in Grodno and Bialystok [2, pp. 185–189]. The SMA departments worked in Brest-Litovsk and Zhirovichi [2, pp. 186, 187].

In 1910, the Russian National Union of the Grodno province was founded in Grodno, which essentially became a department of the VNS. Its leaders were local high-ranking officials: the provincial leader of the nobility N.G. Neverovich, the former vice-governor and landowner A.A. Oznobishin, and others. Bishop Mikhail of Grodno and Brest, who was also the honorary chairman of the Sofia Orthodox Brotherhood, also took an active part in the work of the department [17, p. 233]. The election program of the latter, published in 1912, directly stated that "in a political sense, embracing the state and civil structure, the Brotherhood fully subscribes to the goals and objectives of the All-Russian National Union, and therefore, in the elections to the IV State Duma, it will support only those individuals who staunchly share the goals and objectives of the Brotherhood" [17, p. 229]. In 1910–1911, VNS departments were also opened in Brest-Litovsk, Volkovysk and Kobrin [2, pp. 185–188].

The authorities of the Grodno province tried to ensure that candidates who supported the government would get into the IV State Duma. Particular attention was paid to peasants. An illustrative case is one that occurred in the Pruzhany district. On September 26, 1912, 36 peasant representatives from the volosts elected 6 electors, whom the district marshal of the nobility considered to be "progressives". In order to rectify the situation, he filed a complaint with the district commission about violations during the elections. In the end, the commission cancelled their results and scheduled new elections for November 1. Only the "trustworthy" representatives, of whom there were 6, were notified of this date. They became electors, essentially electing themselves. The date of the repeat elections in the Pruzhany

district was published in the Grodno Provincial Herald only on November 2 [1, pp. 202, 203; 18, s. 259]. As a result, 38 peasant electors took part in the provincial electoral meeting – mainly chairmen and members of volost boards and village elders [1, p. 200; 18, p. 260].

As during the previous elections, the Sofia Orthodox Brotherhood took over the guardianship of the peasant electors located in the people's house. As early as June 1912, with the blessing of Archbishop Mikhail, a Russian election committee was formed in Grodno, which coordinated the work of representatives of the local administration and the Orthodox clergy to unite the peasant electors, essentially on the political platform of the All-Russian National Union [17, p. 226].

In addition to the peasant electors, 44 representatives from the congresses of landowners, 23 from the congresses of city voters (12 from the first and 11 from the second), and 2 representatives from workers took part in the provincial electoral meeting [1, p. 200; 18, p. 260]. From the congresses of landowners, 14 Poles were electors, including 2 priests, 11 Orthodox landowners, and 19 representatives of the Orthodox clergy. Of the city electors, 15 were Jews, 7 were Orthodox, including 1 priest, and 1 was a Catholic [18, p. 260]. In terms of political composition, supporters of the rightists and the All-Russian National Union predominated among the electors – 53 electors. 1 elector identified himself as an Octobrist. 22 electors identified themselves as liberals. Among those who remained were leftists and voters who had not decided on their political positions. The elections lasted more than 18 hours. With the active interference of local authorities, 6 of the 7 elected deputies were rightists. Polish and Jewish voters also voted for the progressive F.I. Loshkeit, nominated by the Russian pre-election committee [17, pp. 247, 248]. As a result, 6 of the 7 elected deputies were rightists, they joined the faction of Russian nationalists and moderate rightists.

Grodno Governor V.M. Borzenko noted in the report to the Ministry of Internal Affairs on the results of the election campaign that “the Russian party (the All-Russian People's Party and its allies. – D.L.), despite its numerical minority compared to other nationalities, managed to unite so firmly that during the entire election period it did not need the support of other parties and firmly achieved its intended goal – to get only its own deputies into the State Duma, without giving a single seat to any foreigners, which was mainly

facilitated by the Orthodox clergy with their influence on local parishioners” [17, p. 226, 227]. A complaint to the governor about violations committed during the election procedure, filed by Polish (including former deputy V.K. Esman) and Jewish voters, was recognized as unfounded and did not lead to a change in the election results [1, p. 200].

A distinctive feature of the election campaign in the Minsk province was the combination of elements of competition between both political parties and national groups. Of the right-wing parties, the All-Russian Dubrovin Union of the Russian People and the Russian People's Union named after Michael the Archangel operated in the Minsk province. Departments of the VDSRN existed in Minsk, Pinsk, Baranovichi, and Luninets [2, p. 123]. The RNSMA had departments in Minsk and Baranovichi [2, p. 123]. In 1911–1912, departments of the VNS were formed in Minsk, Borisov, Bobruisk, and Mozyr [19, p. 92].

The liberal forces in the Minsk province were represented by supporters of the Constitutional Democratic Party. The Jewish population of the Minsk province also oriented itself towards the Cadets.

Polish landowners grouped around the Minsk Society of Rural Owners, the chairman of which was a large landowner, a respected public figure and philanthropist in the province, a member of the State Council, E. Voynilovich.

In September 1912, the Minsk Russian Newspaper began issuing, publishing the election platform of local liberals. It included provisions on the inviolability of the person, freedom of conscience, speech, unions, meetings and strikes, equality of all citizens before the law, the abolition of class privileges and the death penalty, the independence of the courts, universal free education, and a complete political amnesty. On the agrarian issue, it was proposed to alienate privately owned lands. On the national issue, it was proposed to “satisfy the needs of national minorities in preserving their identity.” A fundamental reform of the state system was also proposed: universal suffrage in local government bodies, the abolition of the “Regulation on Enhanced and Emergency Security,” the liquidation of the State Council and the creation of a “government responsible” to the State Duma (or a “government of trust”) [20].

The liberals nominated lawyer I.I. Metlin as a candidate for deputy. In the second issue of the Minsk Russian Newspaper, he published his election platform, which included points on the struggle for

universal suffrage, civil liberties and equality, and the introduction of universal education [21]. I.I. Metlin's positions were close to the program of the Constitutional Democratic Party.

The government of the Russian Empire was interested in the victory of candidates from right-wing parties and organizations. In order to consolidate pro-government forces, one of the leaders of the faction of Russian nationalists and moderate rightists in the III State Duma, V.A. Bobrinsky, was sent to Minsk from St. Petersburg. On March 29, 1912, in the premises of the Minsk Russian Public Assembly, he gave a lecture entitled "Our Russian National Cause. Elections to the IV Duma. Our Enemies and Allies." The meeting was attended by the leaders of the Minsk province: Governor Ya.E. Erdeli, provincial leader of the nobility A.S. Dolgovo-Saburov, and Minsk district leader of the nobility S.N. Sornev. Also participating in the meeting were Bishop Ioann of Slutsk, deputies of the III State Duma from the Minsk province - the wealthy landowner G.A. Lashkarev ((was a member of the right-wing faction) and priest S.I. Solovievich (was a member of the faction of Russian nationalists and moderate rightists) [1, p. 187].

But, unlike the liberals, the Minsk rightists were unable to create a single organization to conduct the elections. The competing centers were the Minsk governor Ya.E. Erdeli, who was supported by Bishop Ioann of Slutsk, and the Minsk department of the All-Russian National Union, whose leaders D.V. Skrynchenko and I.D. Chigirev were in a long-standing conflict with the local authorities.

In March 1912, a congress of right-wing organizations was held in Minsk. It created a Russian election committee and approved its leader, Bishop Ioann of Slutsk. In early June, he organized a pre-election meeting in the provincial center, which essentially served as a "review" of forces. Representatives of the Union of the Russian People, the Borisov Department of the All-Russian National Union, and the Minsk Orthodox People's Brotherhood in the Name of the Life-Giving Cross of the Lord took part in the meeting [1, pp. 188, 189]. On June 23, Bishop Ioann's powers were confirmed by the Synod, which officially approved him as the chairman of the Minsk provincial election committee. The bishop could control the election campaign of all right-wing and conservative parties, as well as societies in the territory of the Minsk province. The Russian committee called on all monarchist groups to unite around the slogan "Orthodoxy,

Autocracy, Russian Nationality, and Indivisible Rus'." The provincial department of the Union of the Russian People, the railway department of the Russian People's Union named after Michael the Archangel, the Borisov department of the All-Russian National Union, Orthodox brotherhoods and district Russian noble organizations joined it. In addition to Bishop Ioann, the leadership core of the association included governor Ya. E. Erdeli and the chairman of the provincial zemstvo council B. N. Samoylenko [22]. S. N. Sornev and the representative of the Union of the Russian People A. Glinka were nominated as candidates for deputy from the city of Minsk [1, p. 189].

At the committee meetings, the tactics for the upcoming elections were determined. It was decided not to form a bloc with the "foreigners" and liberals under any circumstances. Even with regard to the Octobrists, it was recognized that an alliance with them was impossible: only individual members of the Union of October 17 could be admitted to joint voting [23]. The Russian election committee published the newspaper "Minskoye Russkoye Slovo" ("Minsk Russian Word"). In September 1912, the publication of an election leaflet entitled "Down with the Masks" was launched, the purpose of which was to consolidate all right-wing voters.

The Orthodox hierarchs of the Minsk province took steps to mobilize the clergy to participate in the election campaign on the side of the Russian election committee. In March 1912, Bishop Mikhail of Minsk organized a congress of Orthodox brotherhoods of the western provinces of the Russian Empire in Minsk. The resolutions of the congress "recommended" that the clergy take an active part in the elections and provide assistance to candidates from right-wing parties and organizations [1, p. 188]. After the death of Bishop Mikhail of Minsk on May 28, 1912, his work on coordinating the pre-election activities of the clergy was continued by Bishop Ioann of Slutsk.

The Minsk department of the All-Russian People's Assembly did not join the Russian election committee and participated in the election campaign independently, forming its own election committee at the end of the summer of 1912, which was headed by I.D. Chigirev.

The authorities, who supported the Russian election committee of Bishop Ioann, persecuted the "independent" Minsk nationalists. For example, on September 8, police chief D.A. Sokolov dissolved the meeting of their group chaired by I.D. Chigirev [24]. Then the latter

entered into an agreement with the liberals, headed by I.I. Metlin. The parties pledged to support each other's candidates in the elections. The "progressive national bloc" was formed [25]. It became the main competitor of the Russian election committee in its work among Orthodox voters.

Jewish and Polish election committees were also formed in Minsk. The well-known Zionist figure, physician Yu.D. Bruskus, was nominated as a candidate for deputy by the Jewish committee. On September 18, he presented his election program, in which he sharply distanced himself from the alliance with the Cadets and declared the need to create an independent Jewish faction in the State Duma [1, p. 197].

The Polish election committee nominated E. I. Lyubansky, a landowner from the Minsk district and a member of the Minsk City Duma, a former deputy of the First State Duma, as a candidate for deputy [1, p. 196].

The competition between the "progressive national bloc" and the Jewish and Polish committees weakened the forces of the liberal camp in Minsk. Thanks to the support of the government and local authorities, the rightists had an advantage in the elections in the landowners' curia. Compared to the elections in 1906–1907, Polish landowners showed absenteeism. Thus, in the Minsk district, only 6 out of 48 Polish landowners who had full qualifications came to the elections [1, p. 195]. The elections in the peasant curia were completely controlled by the authorities and the clergy, so candidates from right wing parties and organizations had an advantage there too. The leftists traditionally won the elections in the workers' curia [1, p. 199], but this had no effect on the overall outcome of the election campaign.

The campaign of the provincial authorities to support pro-government candidates achieved its goals. A total of 137 electors participated in the provincial electoral meeting on October 25, 1912 [1, p. 201]. All nine candidates for deputy who won the elections were protégés of the rightists and the All-Russian People's Assembly. The candidate of the Russian election committee S.N. Sornev became a deputy from the 1st and 2nd congresses of city electors, G.A. Lashkarev – from the congress of landowners, and I.F. Malaychuk, a peasant from the Morochansaya volost of the Pinsk district and a supporter of the All-Russian People's Assembly, became a deputy from the congress of authorized representatives from the volosts. At the provincial meeting, the

following were elected as deputies: Orthodox priests K.M. Okolovich and V.A. Yakubovich, landowners and nobles V.A. Kadygrovov and A.P. Fotinsky, and peasants S.D. Verbilo and K.A. Smeyan [1, p. 201].

The elections in the Mogilev province were also held under the control of the governor. The local authorities also decided to rely on the active participation of the Orthodox clergy in the election campaign. The election campaign of the rightists was headed by Bishop Mitrofan of Gomel. He managed to form a bloc of right-wing forces with the participation of the SRN [1, p. 190].

Local authorities actively interfered in the election process, supporting Bishop Mitrofan. Thus, during the elections for the first section of the second congress of city voters in Mogilev: "... the police considered themselves generally called upon to participate passively, and where necessary, actively in the elections". Karnakov, a member of the Mogilev district commission for elections to the State Duma, "not only distributed envelopes with Bishop Mitrofan's ballots in the very room where the elections were held, but did not hesitate to even put election notes of the same candidate into the envelopes of illiterate people when he was asked to write down the name of another person" [26, p. 2]. In addition, the chairman of the local department of the SRN Gromyko repeatedly entered the room where the elections were held and "remained in it for a long time," and a police officer wrote down the names of all those who cast votes for the opposition candidate Yu. Yu. Bekhli, and not for Mitrofan. More than 50 notes, in which the name of Yu. Yu. Bekhli was mentioned, were declared invalid and, as a result, Bishop Mitrofan became a candidate for deputy [26, p. 11 rev.]. Even the Mogilev provincial leader of the nobility admitted in a report to the governor that the clergy "persistently sought to influence the outcome of the elections in order to get their candidates into the Duma, both from the clergy and from among the secular people, which undoubtedly made an unfavorable impression on the majority of secular voters..." [27, p. 15 rev.].

On October 18, 1912, a provincial election meeting was held in Mogilev. Pressure was also exerted on the electors. For example, the Gomel police captain Mizgaylo directly asked voters not to submit notes for a candidate he did not like [27, p. 19]. When the time came for the balloting of the relative majority of the last three candidates, an official appeared to distribute the travel money to the out-of-town voters: when distributing the

money, the latter were “instilled with the idea that, by receiving the travel money, [they] should also vote for certain people” [27, p. 19 rev.]. As a result, the candidates of pro-government parties and organizations won: 4 deputies represented the All-Russian People's Assembly, 1 supported the extreme rightists, 1 was a centrist, 1 was an Octobrist. The liberals tried to challenge the election results, but were unsuccessful [27, p. 19 rev.].

Of the revolutionary parties in the territory of the Belarusian provinces, the Bund was the most active, but under the conditions of the June 3 political system it had no chance of success [1, p. 195].

Conclusion

Thus, in the Vilna province the main struggle for a deputy seat was between the Russian (Orthodox) and Polish national groups, represented by various political parties and associations. National interests were placed above political preferences. Despite the restrictions imposed, the Polish electoral committee, representing the interests of the agrarians and the Catholic church, was able to get its candidates into the IV State Duma. From the Russian population of the Vilna province, representatives of the local extreme rightists entered the IV Duma. Not a single representative from the Jewish population of the Vilna province was in the State Duma.

In the Vitebsk province, the Octobrists and the rightists created a joint Vitebsk provincial Russian election committee, to the aid of which the local authorities mobilized the Orthodox clergy. The rightists won the elections. The composition of the deputies from the Vitebsk province in the IV State Duma, compared to the III Duma, became more right-wing: 6 deputies were supporters of the SRN and the All-Russian People's Assembly, 1 was a member of the Union of October 17.

During the elections to the IV State Duma, the authorities of the Grodno province also tried to ensure that candidates who supported the government became deputies. Particular attention was paid to the peasants, who were looked after by the Sophia Orthodox Brotherhood. With the active interference of the administration, out of the 7 elected deputies, 6 were right-wing, they joined the faction of Russian nationalists and moderate rightists.

The peculiarity of the election campaign in the Minsk province was the struggle between both political parties and national groups – the Jewish and Polish election committees. The “progressive national bloc” also competed with the rightists. But the provincial administration, with the

active help of the Orthodox clergy, managed to unite the right-wing forces around the Russian election committee headed by Bishop Ioann of Slutsk. The rightists, controlling the peasant curia, taking advantage of the absenteeism of the Polish landowners, gained an advantage in the landowners' curia. As a result, 9 candidates won the elections, who were the protégés of the Russian election committee, the right-wing parties and the All-Russian People's Assembly.

In the Mogilev province, the Orthodox clergy, headed by Bishop Mitrofan of Gomel, also took an active part in the elections, helping to create a bloc of right-wing parties and organizations. Local authorities interfered in the election process and supported Bishop Mitrofan. The provincial elections were won by candidates from pro-government parties and organizations. The All-Russian People's Assembly was able to get four of its candidates elected. The remaining seats were taken by a candidate supported by the extreme rightists, one deputy declared himself a centrist, and one was an Octobrist.

LIST OF REFERENCES

1. *Забайскі, М. М.* Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906 – 1917 гг.) / М. М. Забайскі. – Мн. : БДПУ імя М. Танка, 2008. – 267 с.
2. *Бондаренко, К. М.* Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.) : моногр. / К. М. Бондаренко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. – 416 с.
3. Русские избиратели! // Библиотека Литовской Академии наук. – Ф. 21. Д. 2231. Л. 151.
4. Воззвание к русским людям Виленской губернии // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1741. Оп. 1. Д. 13470.
5. *Лавринович, Д. С.* Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905–1918 гг.) / Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2015. – 328 с. : ил.
6. Антон Луцкевич: материалы следственного дела НКВД БССР / подгот. к печати, введ. и коммент. В. Н. Михнюка, Н. М. Климовича, А. Н. Гесь. – Мн. : БелНИИДАД, 1997. – 204 с. – (Возвращенные из небытия).
7. От русских прогрессивных избирателей города Вильны // Вечерняя газета. – 1912. – 29 сент. – С. 1.
8. Вильна, 15 июля // Белорусский вестник. – 1912. – 15 июля. – С. 1.
9. Празднование годовщины Белорусского Общественного Собрания // Белорусский вестник. – 1912. – 23 сент. – С. 3.

10. Общее собрание русских избирателей // Белорусский вестник. – 1912. – 1 окт. – С. 1.
11. Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энцикл. / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 2008. – 735 с.
12. **Смалянчук, А. Ф.** Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Ф. Смалянчук. – СПб. : Неўскі працяг, 2004. – 406 с.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел; под ред. Н. А. Тройницкого. – [СПб.], 1897 – 1905. – [Вып.] 4: Виленская губерния, тетр. 3 (последняя). – 1904. – [4], XII, 179 с.: табл.
14. Дело об учреждении общества «Витебский губернский русский предвыборный комитет» (23.02. – 24.04.1912) // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2649. Оп. 1. Д. 426.
15. Дело о представлении к награждению за личные заслуги по выборам в IV Государственную думу (1 – 31 декабря 1914 г.) // НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49012.
16. Дело по совершенно секретной переписке и циркулярам по выборам в IV Государственную думу и рапорты полиции об антиправительственной агитации (1912) // НИАБ. – Ф. 1416. Оп. 1. Д. 2297.
17. **Черепица, В. Н.** Звенья единой цепи: Большие и малые события в истории Гродненщины XIX – XX столетий: монография / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 608 с.
18. **Jurkowski, R.** Sukcesy i poronki. Ziemianstwo polskie Ziem Zabraných w wyborach do Dumy Panstwowej i Rady Panstwa 1906–1913 / R. Jurkowski. – Olsztyn, 2009. – 550 s.
19. **Бондаренко, К. М.** Русские и белорусские монархисты в начале XX века / К. М. Бондаренко, Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 212 с.
20. Наша платформа // Минская русская газета. – 1912. – № 1. – С. 2.
21. **Метлин, И.** Задачи народного представительства / И. Метлин // Минская русская газета. – № 2. – С. 1.
22. Собрание минских националистов // Минское русское слово. – 1912. – 1 июля. – С. 2.
23. Собрание объединенных русских организаций // Минское русское слово. – 1912. – 17 сент. – С. 3.
24. Местная жизнь // Минское русское слово. – 1912. – 9 сент. – С. 2.
25. Местная жизнь // Минское русское слово. – 1912. – 12 сент. – С. 3.
26. Дело по жалобе Ю. Ю. Бехли, И. И. Протасевича и присяжного поверенного И.Ф. Фуровича на постановление Могилевской уездной по выборам в Государственную думу комиссии от 10 октября 1912 г. о нарушениях, допущенных при выборах по I отделению II съезда городских избирателей по г. Могилеву (16 – 17 октября 1912 г.) // НИАБ. – Ф. 2058. Оп. 1. Д. 10.
27. Переписка с могилевским губернским предводителем дворянства о выборах в IV Государственную думу и списки членов Государственной думы от Могилевской губернии (23 октября 1912 – 19 апреля 1913 г.) // НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2080.

Received by the editors on 25.04.2025

Contacts: lavrinovich@m.msu.by (Lavrinovich Dmitry Sergeevich)

Лавринович Д. С. ВЫБОРЫ В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ

В статье раскрываются особенности избирательной кампании в IV Государственную думу на территории белорусских губерний, где выдвижение кандидатов в депутаты происходило с учетом как политических и социальных, так и национальных факторов. В Виленской губернии польский избирательный комитет, представлявший интересы аграриев и костела, смог провести своих представителей в депутаты. От русского населения Виленской губернии в IV Думу прошли представители местных крайних правых. Выборы в Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях имели общую особенность – активную роль православной церкви, поддерживаемой местными властями, в избирательной кампании. В итоге правые кандидаты одержали победу. Состав депутатов от вышеперечисленных губерний, по сравнению с III Думой, стал более консервативным: большинство депутатов были сторонниками Союза русского народа и Всероссийского национального союза, а число октябристов заметно сократилось.

Ключевые слова: избирательная кампания, Государственная дума, белорусские губернии, политические партии, национальные группы.

УДК 94(4)"04/14"

К АНАЛИЗУ ОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИКАЦИЙ Б. М. КОНДОРСКОГО

Я. Г. Риер

доктор исторических наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Анализируется серия публикаций кандидата биологических наук Б. М. Кондорского о всемирно-историческом процессе. Автор представляет оригинальные концепции и вводит новые понятия с собственным толкованием терминов: ойкумена, революции, изгои. При наличии весьма точных характеристик некоторых исторических явлений в целом авторские концепции представляются ошибочными.

Ключевые слова: профессионализм, пределы компетенций, концепции исторического процесса, компаративный анализ, ойкумены, архаические общества, революции.

Введение

Мне уже приходилось писать о взглядах на исторические процессы и, соответственно о концепциях авторов, пришедших в историческую науку с иным образованием (чаще – техническим) и иным исследовательским опытом (кандидаты негуманитарных наук) [1–3]. Эти воззрения и даже основанные на них теории нередко выглядят довольно экзотично, что связано, на мой взгляд, с отсутствием систематического исторического образования, которое редко можно заменить обилием специально проштудированной литературы по тем или иным темам или периодам истории. Как исключение отмечу исторические штудии Э. С. Кульпина, сумевшего уловить общие закономерности исторических процессов и связать их природной средой в рамках предложенной автором концепции социоестественной истории [4].

Вероятно, все же без базового исторического образования сложно охватить, даже в общих чертах, основные исторические процессы, в которых участвовали тысячи поколений людей на протяжении более 100 тысяч лет существования современного вида *Homo sapiens*. Это сложно и для профессиональных историков, о чем свидетельствуют многолетние дискуссии среди них по огромному количеству проблем, связанных не только с ограниченностью источников (для ранних

исторических этапов), но и с разными интерпретациями.

Впрочем, и историческое образование порой не уберегает от необоснованных суждений. Например, философа и литератора В. Ю. Даренского [5]. Возможно, в неточностях его некоторых представлений сказалось писательское мышление, не ограниченное строгими научными рамками¹.

Но вернемся к тем, кто увлекся историей, уже состоявшим в своей первоначальной профессии. Поводом к написанию предлагаемого текста стала серия публикаций кандидата биологических наук Б. М. Кондорского с изложением собственной концепции исторического процесса (опираюсь на доступные тексты из интернета последнего десятилетия).

Основная часть

Наиболее ранней из известных публикаций Бориса Михайловича Кондорского была статья о Древнем Китае, которая привлекла подзаголовком (Попытка сравнительно-исторического анализа) [6]. В целом статья, представленная в серьезном научном издании, показалась весьма интересной и новаторской, что и привело к поискам других публикаций этого автора. Но по мере их изучения стали накапливаться замечания и возражения, которыми в определенный момент захотелось поделиться. Ибо автор, как показалось, настолько увлекся сложившейся у него концепцией, что перестал замечать ее несоответствие как историческим фактам, так и принятой историками терминологии. Последнее бросилось в глаза уже при прочтении вышеназванной статьи. И то, что первоначально воспринялось как частное понятие, оказалось одним из стержней авторской концепции. Имеется в виду применение термина *революция* в трудах Бориса Михайловича.

К этому термину еще вернемся, хотелось бы обратить внимание на начало названной статьи: *Использование сравнительного мето-*

¹ Информацию о нем см.: <http://ruspole.info/taxonomy/term/3190>.

да в исторических исследованиях, в отличие от биологических, больше исключение, чем правило [6, с.16]. Однако осмелюсь заметить, что этот метод уже давно применяется историками, хотя и не всегда корректно, в чем автор прав. Но такая историографическая неточность всегда настораживает, ибо, если приведена в обобщающем виде, свидетельствует о недостаточном знании литературы. И, далее, автор пишет: *Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. Здесь этот термин используется не в переносном (метафорическом) смысле, а в буквальном. Действовали те же основные законы, что и во время классических буржуазных революций* [6, с.16]. Такой перенос понятия противоречит и его же вышевысказанному утверждению, что *аналогичные формы, имея различное происхождение, сходны только внешне. И Революция, в первую очередь, происходит в голове. Один тип социального сознания сменяется другим. На смену старому архетипу социальной организации приходит принципиально новый*. Но это поверхностное сходство. Буржуазные революции вызревали в достаточно структурированных обществах с длительной историей развития. Преобразования в архаических обществах возникали на совершенно иных основах, различных, кстати, в разных по ландшафтам регионах и в очень, даже по историческим меркам, растянутых сроках. Так что если говорить о *революции в головах* (по М. Булгакову?), то на сколько тысячелетий этот процесс растянулся? Даже в биологии это типичная *эволюция*, а уж в общественной среде и подавно. Термин *революция* подразумевает бурные, взрывные процессы. По крайней мере, так их обычно называют. Но в последующих своих публикациях Кондорский опирается на свое определение *революции* как постулат и широко применяет его в разных вариациях, что и вызвало вышеприведенный комментарий.

Вообще-то споры о терминах отдают схоластикой. У каждой области знаний есть свой глоссарий. Автор, безусловно, волен вносить личные уточнения, особенно в эпоху интернета. Но стоит ли множить сущности, как замечал более полтысячелетия тому назад В. Оккам? Тем более что далее Борис Михайлович использует этот термин и вовсе, как представляется, некорректно: *В процессе исторического развития можно выделить следующие основные революции (точнее эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические,*

архаические, феодальные и революции Нового времени. Здесь спутано, что называется, «холодное с кислым». *Неолитическая* – это революция, прежде всего, *технологическая*, и она действительно резко преобразовала общества, перешедшие к земледелию и использованию жаропрочной посуды, что существенно ускорило человеческое развитие². *Архаические революции* – это довольно длительные многофакторные *социальные* преобразования, как и *феодальные*. А *революции Нового времени* – понятие *хронологическое*.

Далее в статье предложен весьма корректный компаративный анализ древних цивилизаций Средиземноморья и Востока (особенно Дальнего), свидетельствующий об эрудиции автора. О том же – приведенные в заключении статьи вполне обоснованные рассуждения о феодализме.

Статью о Древней Руси автор вновь начал с утверждения, что *использование сравнительного метода в исторических исследованиях (в широком смысле этого слова), в отличие от биологических, больше исключение, чем правило. Медиевист редко использует материал периода древности для понимания событий и явлений в Средние века. В свою очередь, специалисты по истории Древней Греции не так часто обращаются к событиям по аналогичному периоду соседнего Рима или Ближнего Востока. Я здесь уже не говорю об Индии или, тем более, Китае* [7]. Кроме как ограниченным знанием соответствующей литературы такое утверждение не объяснить. Это заметно и по ссылкам в статье, особенно в отношении к Западной Европе. Не оттого ли такие утверждения, что *собственно германские племена и их объединения исторически к этому [феодальной революции] отношения не имели* [7, с. 146]. А собственно, кто имел, как не их потомки? Литературы об этой эпохе немерено, в том числе и самой современной. Но автор ссылается только на одну из статей уважаемого востоковеда Л. С. Васильева о власти-собственности, весьма важной для понимания именно «восточного феодализма». Не отсюда ли сопоставление рыцарей с мужскими союзами первобытности? Некое сходство найти можно, ну так ведь все военные корпорации в чем-то похожи друг на друга.

Здесь же появляется и авторская концеп-

² Замечу, что и в данном случае термин *революция* неадекватен, но он привился. Хотя другой похожий термин *демографическая революция* все же преобразовался в *демографический переход*.

ция *изгоев* как отщепенцев-пассионариев – «двигателей» социального развития. К ним он относит и бандитов Нового времени, и воинов Александра Македонского, что требует пояснений. Хотя, следуя логике автора, я бы отнес к таковым «людей длинной воли» (по монгольской терминологии), из которых вырос Темучин-Чингисхан³. Но рыцари – это уже иное: замкнутое сословие со своим обособленным этосом...

Далее, автор возвращается к своей концепции *ойкумены* – опять неологизм. Обычно под ней еще со времен Геродота понимают земли, заселенные людьми, а еще точнее, заселенные людьми до их расселения за пределы первоначального обитания. В том контексте, который использует Кондорский как *единство биологических, географических, геохимических, гидрологических, атмосферных систем*, это широко применяемый теперь термин *локальные цивилизации*⁴.

Дальнейшие рассуждения автора о древнерусской эпохе вполне корректны, ибо обусловлены довольно широким кругом литературных источников. Вполне можно согласиться с тем, что в Древней Руси не было феодализма – была феодализация [7, с.156]. Хотя утверждение, что «Архетип Древней Руси очень близок к таковому кочевых сообществ», нельзя принять без оговорок: иная природная среда, иной тип хозяйства, соответственно, иная ментальность. Разве что стремление к расселению в условиях бедных почв, континентального климата и вследствие этого – слабой заселенности. Но ведь при освоении / захвате новых земель – оседлость. В целом, несмотря на некоторые неточности и необоснованные параллели, текст указанной статьи интересен определенной свежестью суждения, что свойственно неопитам.

Концепт *ойкумены* автор развивает и в последующих публикациях, например, в статье о кочевом мире [9]. При этом признает, что есть и иные обозначения данного концепта. А далее выделяет некую *евроазиатскую неолитическую ойкумену*, охватывавшую и Северную Африку, от которой на рубеже II–I тыс. до н.э. отделяется Китай⁵. Такое обобщение едва ли обосновано, если речь идет о кочевом мире. Китайское общество уже в бронзовом веке

(II тыс. до н.э.) формировалось как сельскохозяйственное, на протяжении всей своей истории противостоящееномадам.

Далее, автор, опираясь на исследования специалистов, дает обобщенную характеристику кочевников, в общем-то правильную, но одностороннюю. Соглашаясь с другими авторами, что *кочевники разрушали все преграды, препятствующие их свободному перемещению...*, что в чужих землях можно было *грабить и убивать*, что государственность кочевых империй была условной, Кондорский почему-то утверждает *исключительную роль торговли в обеспечении стабильности кочевых государств*. Правда, и здесь следует ссылка на других исследователей. Но это утверждение противоречит вышеприведенному о роли насилия в организации кочевого мира.

Кстати, далее в статье автор пишет о *цивилизациях* кочевников, что более соответствует общепринятой терминологии, чем *ойкумены*. Дальнейшие рассуждения автора о кочевниках, их взаимоотношениях с Китаем возражений не вызывают. Но к заключительной фразе статьи о презрительном отношении к кочевникам у османов можно было бы добавить, что в их ментальности сохранилось свойственное *именно* кочевникам презрительное отношение к городам, которое, кстати, стало одной из причин упадка Османской империи в Новое время.

Общим вопросам исторического процесса посвящена статья Кондорского в сборнике о глобалистике [10]. Стремясь в небольшой публикации охватить глобальные сюжеты, автор представил ряд интересных и обоснованных суждений, но не избежал и неточностей. Например, дополнил уже рассмотренное выше утверждение о том, что раннесредневековое западноевропейское население было лишено и германского, и латинского сознания [10, с. 568]. Мысль не совсем понятна: что подразумевается под *сознанием*? Тем более что как раз таки именно там произошел довольно сбалансированный симбиоз германского и римского права, что в целом получило в медиевистике название *уравновешенного германо-романского синтеза*, легшего в основу западноевропейских феодальных порядков – сеньориального строя.

В той же статье автор констатирует, что известные достижения средневекового Китая *не получили дальнейшего развития* и что *все эти изобретения не имели таких фундаментальных социально-политических последствий*,

³ В более поздних статьях этот термин употребил и Б. М. Кондорский.

⁴ См., напр. [8]. Там же приведена соответствующая литература.

⁵ Автор пишет, I–II тыс. до н.э., что среди историков не принято, но, возможно, это опечатка.

как в Европе. Но почему-то избегает указания на причины такого отставания. А ведь именно эти причины имели *фундаментальное* значение для всего мирового развития.

Указание, что причинами отставания развития Тропической Африки была ее изоляция, можно было бы дополнить и спецификой ее природной среды (жаркий климат, тонкий плодородный слой почвы, муха цеце), что вполне вписывается в общую концепцию автора об *ойкуменах*.

Обратившись к процессам, происходившим в Восточной Европе, автор подчеркивает роль репрессий по отношению к городским общинам со стороны князей, тем самым возводя насилие в основной фактор прогресса в регионе. При этом роль Александра Невского подмечена точно. Обратившись к истории ВКЛ, автор называет эпоху его существования архаичной. Действительно, начальный этап существования княжества был таковым. Но дальнейшее его развитие было весьма динамичным и в симбиозе со славянским социумом, и в развитии городского самоуправления. А Литовский статут? Здесь у автора всё поверхностно.

Абзац про Украину оставлю без комментариев, ибо это *политика, опрокинутая в прошлое*. И в целом, начиная с этого места, дальнейшие рассуждения автора становятся все более обобщенными, не связанными, по сути, с предыдущим текстом, с конкретной историей [10, с. 569-570]. Эти общие рассуждения не вызывают возражений, потому что банальны.

Возможно, автору не хватило места (из-за ограниченности объема статьи?) и в попытке объять необъятное Кондорский забыл об известном совете Козьмы Прутков. Он скользит по поверхности, не анализирует, не отвечает на вопрос: а почему происходило то, что он констатирует. А констатирует общеизвестное.

Статью о проблемах генезиса древнерусского общества автор начинает с очередного объяснения своего понятия *ойкумены* [11]. Так действительно, стоит ли множить сущности? Далее следует утверждение, что *Большинство специалистов склоняется к тому, что прародина славян должна помещаться между Одером и Вислой*. Действительно, это была долгое время одна из основных концепций. Но в последнее время появилось больше свидетельств о распространении славянской прародины от верховьев Вислы, северо-восточного Прикарпатья, южнее Полесья и, возможно, до правобережья Днепра. Последующее рассуждение об антах чисто умозрительное и упрощенное.

Далее, в статье: *У славян первой половины – середины первого тысячелетия была характерна ойкумена племенного типа*. Так ведь проще – *племенной строй*. И не надо было тратить ограниченное место текста на пояснение указанного понятия. Дальнейшие рассуждения о славянском обществе последней четверти I тыс., аналогии с германцами Тацита тривиальны и без ссылок. А вот рассуждения о том, что русы – изгои разного этнического происхождения, хоть и не общепринято, но, полагаем, вполне убедительно, как и сравнение их и с бандитами, и с *людьми длинной воли* [11, с. 37]. Я тоже использую этот термин для обозначения возникавших у варваров дружин. Также считаю вполне обоснованным утверждение о роли торговли в регионе и русах – купцах в противоположность местному славянскому земледельческому населению. Мнение автора о происхождении термина *рус* также вполне приемлемо как одна из точек зрения. Не вызывают возражений и дальнейшие рассуждения автора [11, с. 39-41]. Хотя фразы *во второй половине X в. происходит упадок городищ, которые были основой предыдущей ойкумены*, и, далее, *с формированием ойкумены нового типа* [11, с. 42] создают неправильное представление о коренной смене общественного устройства, а учитывая и предыдущие рассуждения о русах – и этноса, что неверно. Здесь явно видна опасность неологизмов и автор может быть неправильно понят.

Последний абзац статьи *Формирование нового типа сознания происходит в рамках революционного периода. Для Руси (России) феодально-революционный период начался в 1262 г., когда Александр Невский вместе с татарским войском жестоко подавил восстание городских общин Северо-Восточной Руси против баскаков. Закончился революционный период уже при Иване III с присоединением к Московскому государству последних реликтов старой Руси – Новгорода и Пскова* [11, с. 43]. кратко, но адекватно отражает происходившие процессы. Но компаративный подход, постулируемый автором, требует хотя бы лаконичного, но сопоставления с другими *ойкуменами*. Но Кондорский здесь ставит точку.

Вновь обратившись к теме исторического развития Китая, Б. М. Кондорский на восьми страницах представил общий обзор более чем трехтысячелетней истории этой страны с целью обосновать на локальном примере свою концепцию *ойкумены* [12]. После очередного объяснения этого понятия автор обращается

к собственно китайской истории. Предельно краткий, естественно, обзор ранней и древней истории Китая свидетельствует об эрудиции автора, сумевшего выделить узловые моменты. Но в попытке объяснить ослабление поздней Хань, сравнивая ситуацию с поздним Римом, автор усложняет ситуацию. В обоих случаях причиной кризиса была элементарная раздробленность, вызванная разрастанием элит, чья власть основана на контроле над землей, которой стало недостаточно.

Переходя к эпохе раннего Средневековья, Кондорский отмечает, что феодализация в Китае напоминает аналогичные процессы в Византии [12, с. 142]. Но ведь в отличие от Китая, изолированного в своем регионе, что подчеркивает и сам автор в начале статьи, Византия, находясь на стыке Европы и Азии, была, наоборот, в центре бурных событий. Здесь параллель выглядит произвольной.

Объясняя *рыванный ритм* китайской истории (взлеты и падения), автор пишет о некоей неустойчивости *фундамента китайской ойкумены* [12, с. 143]. Но это ничего не объясняет. Понять ситуацию позволяет общий анализ существования восточных обществ: традиционная парадигма государств Востока была связана с общей закономерностью аграрного общества – ростом населения и сокращением ресурсов, что вело к борьбе за них с ослаблением политической власти. На это еще в XIV в. обратил внимание исламский эрудит, возможно, первый из известных социологов – Ахмед ибн Хальдун.

Также упрощенно выглядит, с ссылкой на особенности ойкумены, объяснение упадка династии Мин. Автор обращает внимание на неудачи создателя династии. Но ведь она просуществовала несколько столетий. Поэтому и сравнение с Иваном Грозным некорректно, ибо его тирания привела Московское царство к довольно быстрой деградации. А династия Мин погибла не столько из-за внутреннего упадка, но, как и предыдущие, от внешней агрессии, совпавшей с вышеуказанной парадигмой аграрных государств.

Далее, автор справедливо констатирует, что многочисленные технические достижения Китая не имели для него социальных последствий [12, с. 143-144]. Но причина не столько в изолированности. Исламский мир, например, не был изолированным, как и средневековая Индия, да и Московия. Но они тоже оказались в застое, в отличие от Западной Европы. Очевидно, причина – в деспотических формах

правления, основанных на государственной земельной собственности, чего не было на западе нашего континента.

Объяснение отсутствия результатов многочисленных морских экспедиций эпохи ранних Мин в том числе неповоротливостью, неуклюжестью китайских кораблей интересно как демонстрация уровня компетентности автора-биолога [12, с. 144]. Но просто в тогдашнем китайском социуме, кроме как у узкого круга придворных евнухов, не было материальной заинтересованности в установлении контактов, связей или в завоеваниях.

Характеристика современной истории Китая позволяет уточнить авторское понимание *ойкумены*. Если в западных странах после буржуазных революций законы Ойкумены практически перестают действовать, то в Китае, России, Индии и других странах бывшего «третьего мира»... они до сих пор оказывают определяющее влияние на внутреннюю и внешнюю политику [12, с. 145]. Получается, что, по автору, ойкумена – доиндустриальная, патриархальная или вообще архаическая цивилизация? То есть автор вуалирует признание отсталости таких сообществ.

И, заключает автор, «глубинную суть китайского проекта «*Экономический пояс Шелкового пути*» можно понять только на основе законов Ойкумены», ссылаясь при этом на свою более раннюю статью. По-моему, в данном случае введение дополнительной сущности ничего не объясняет. Представляется, что в этом – отражение специфики китайской цивилизации. Ибо современный экономический взлет Китая произошел вопреки этим традициям китайского общества, вследствие реформ Ден Сяопина, который сумел преодолеть очередную деградацию Китая, на этот раз из-за политики Мао Цзэдуна, и прагматично принял капитализм как форму, которая ведет к экономическому прогрессу (по принципу «не важно, какого цвета кошка, лишь бы ловила мышей»).

Наконец, о недавней статье Б. М. Кондорского, посвященной раскрытию расширенного толкования термина *изгой* [13]. Уже в начале статьи к *хрестоматийным изгоям* среди других исторических персонажей автор отнес и Цезаря, правда только после перехода Рубикона. Если других деятелей: Ромула, Чингисхана, Христа, Мухаммеда можно отнести к таковым, то Цезаря? Ведь он оставался военачальником такой военной силы, которой не было у сената. Потому и быстро достиг успеха

и власти. И далее – Цезарь не подходит под представленное определение изгойства: *«Изгой (часто добровольный) – это человек (индивид), имеющий социальное сознание, которое принципиально отличается от традиционного. Человек, который не может ужиться в традиционной общине, традиционной среде, представляющий определенную опасность для ее существования. Пассионарий, по терминологии Л. Гумилева»* [13, с. 47]. Цезарь таковым не был. Ведь полководец в Риме – это не просто военачальник, а в определенной степени «отец солдатам». И вообще, не каждый изгой – пассионарий – при всей неопределенности, а значит, ненаучности этого понятия.

Далее автор переходит к другому своему изобретению – *революционной концепции исторического развития*. Выше я уже комментировал предложенную периодизацию. Но вот с последующим заключением вполне согласен. Речь идет о том, что *революции формируют потенциал последующего развития. Основной целью всех революций является устранение носителей «старого сознания»*. Соответственно, чем больше уровень преемственности с предыдущим периодом, тем более низкий потенциал последующего развития мы имеем [13, с. 47]. Здесь, в социологии с ее абстракциями, автор лучше разбирается, чем в истории, науке конкретной.

Понимание автором сути древнеегипетского государства также не вызывает возражений. Но представление об античном обществе неточное: если в Египте основой действительно был Дом, то здесь – уже совсем другой мир – не семья, а общество (полития).

В изложении *системного характера ойкумены* автор пытается описать исторические понятия иным языком. Ойкумена в понимании автора *пространство обмена и диффузии информации* [13, с. 49]. Хотя имеется в виду, очевидно, синтез географической среды и человеческого сообщества.

Далее следует краткое описание *Евразийской ойкумены* в эпоху неолита. Автор включает в нее территории от Северной Африки до Тихого океана, ссылаясь при этом на обобщающие, но давнишние работы авторитетных востоковедов – И. М. Дьяконова и Л. С. Васильева. Но то, что в Передней Азии история началась раньше, не доказательство переноса местных открытий в другие регионы. Возможны и автохтонно возникавшие центры. Ближневосточные корни **всего** на Дальнем Востоке

не всем очевидны (особенно при детальном рассмотрении археологами в последние годы). Процесс развития региона автор сравнивает с развитием растительных сообществ, что естественно для биолога. Но человек не растение, его расселение на земле отличалось от аналогичных процессов в растительном и животном мире не только умением приспособиться к любому ландшафту (даже в вечной мерзлоте), но постепенным обретением навыков подчинения заселяемых ландшафтов, что и обеспечило выход за пределы ойкумены (в ее обычном понимании, а не в изобретенном автором значении).

Далее следует: *Субъектами ойкумены были отдельные индивиды, потерявшие связь с традиционными общинами. Эти «изгой» как носители информации должны были все время находиться в движении. Любое стационарное существование порождает общину и соответствующий тип сознания* [подчеркнуто мной. – Я. Р.]. Но община ведь не статична, она хотя и медленно, даже с точки зрения истории, но развивалась от ранних, кровнородственных форм до соседских (передельной, марки и т.д.).

Затем автор утверждает, что *распространение нововведений в рамках Евразийской ойкумены шло за счет групп индивидуумов, свободных от традиционного общинного сознания*, ибо в основе цивилизаций поздней древности (наконец термин *цивилизация* применен в традиционном значении). Ну так до неолита все человеческие сообщества были кочевыми. А затем пастушескими оставались те, кто находился в соответствующих ландшафтах, где их развитие замедлилось или остановилось. А дальнейшее развитие определялось освоением земледелия – потому все указанные автором цивилизационные очаги были созданы уже оседлым населением, т.е. земледельцами. И причем здесь *изгой*? Возникавших в процессе развития земледельческих цивилизаций племенных вождей, из которых затем выделялись и первые государи, вот их – да, можно таковыми называть, да и то не всех.

При анализе *традиционной общины* автор вновь упрощает ситуацию, прибегая к биологическим аналогиям. Возможно потому, что считает первобытную общину *черным ящиком* [13, с. 50]. Но благодаря современной исторической антропологии она уже таковой не выглядит: выяснены многие ее особенности, причем в разных вариантах, но в форме гипотез, а не аксиом, что «естественниками» обычно воспринимается скептически.

В описании устройства первобытной общины автор ее генерализует, а значит, упрощает. А ведь всё зависит и от контекста: вспомним развитие германской общины, обеспеченной более достоверными источниками. В одних случаях общины оставались неизменными, а в других – из них формировались вождества и государства.

То же относится к констатации эгалитарности ранних общин. Но так было в архаичных общинах. Однако при определенных обстоятельствах в них возникало неравенство, как у тех же германцев в первой половине I тыс. (вспомним сообщения Тацита, Салическую правду и т.д.). То есть автор рассматривает общину статичной, забывая о ее динамике. Вот и получается у него, что прогресс движется изгойми, а не эволюцией внутри общества.

Заключая об общине, автор пишет, что *традиционное сообщество отрицает индивидуальность. Личность не выделена из коллектива своих родственников. Его члены должны вести себя «как все». Здесь отсутствует историческое сознание. По существу традиционная община представляет собой органическое целое. Для общины характерны замкнутость и слабая мобильность, что резко отличает члена общины от горожанина. Общине свойственна ориентация на традицию, на воспроизводство опыта предков (там же).* Здесь все правильно, но статично. И непонятно, о какой эпохе идет речь. Судя по сравнению с горожанами, имеются в виду не первобытные общества, а, по крайней мере, древние цивилизации. Но более поздние общины хотя и подавляли личность, но, как отмечалось, уже не были эгалитарными.

Далее описывается феномен *мужского союза* [13, с. 51]. Автор в плену созданного им образа и не видит многообразия общественных форм даже в первобытности. Он ссылается на пример американских индейцев. Но это лишь пример, но не доказательство.

Переходя к *ранней древности*, автор пишет, что *заселение междуречья Тигра и Евфрата происходило за счет пришельцев из различных регионов в V–VI тыс. до н. э., то есть, по существу, изгоев. Основу земледельческих общин в Месопотамии составили автономные индивиды...* [13, с. 51]. С этим нельзя согласиться. Ибо даже по элементарной логике: как разрозненные индивиды, а не спаянные коллективы могли осваивать те (да и любые) земли? Как они могли организовать хозяйство и ту же ирригацию? Автор вне реальной исто-

рии. Демографическое давление выталкивало отдельные сообщества на поиски новых угодий, где и происходило перемешивание и создание новых, более дееспособных (благодаря конвергенции разных традиций и навыков) сообществ. А не изгоев!

Собственно, автор на следующей странице, противореча себе, пишет о том, что в новых условиях *изгои* объединялись *соответствующей инфраструктурой, включающей строительство каналов, дамб, водохранилищ*. Но если *изгоев* была *масса*, то это уже не *изгой*! *Появилась потребность в административных структурах, которые могли планировать и организовывать ирригационные работы. Все это требовало индивидуально-группового, а не общинного труда и деятельности. Происходит формирование Месопотамской ойкумены на основе ирригационной инфраструктуры*. Тут, с ссылкой на специалиста, все правильно.

А затем автор пытается встроить в процесс создания государств региона свою концепцию *изгоев* как демиургов исторического развития и пишет: *В раннединастический период храмы отделяются от общины и органов общинного самоуправления и начинают аккумулировать в рамках своего хозяйства обедневших членов общины*. Но это же не те креативные изгойи, о которых автор пишет выше, а обедневшие, т.е. неудачники, которые не могли быть лидерами. И вообще изгойство по автору – нагромождение неопределенностей, т.е. избыточных сущностей (по Оккаму). Может, для историков-любителей это интересно, но специалистам суть описанных процессов в Месопотамии и так известна. Замечу в дополнение, что ссылки на литературу, изданную с разницей почти в полстолетия, не корректны без уточнений, ведь в новейших публикациях могут быть отражены и новые факты, и новые подходы. Всё-таки исторические знания не окаменелость, они развиваются, даже для таких далеких эпох.

Тут, к слову, мелочь, но... на с. 53 читаем о *законах реципркации*. Может – *реципрокции*?

Описывая храмовые хозяйства, автор заключает, что именно процесс «связывания» *изгоев* был важнейшим институтом древности, обеспечивающим стабильность существования социума [13, с. 53]. Ничем не обоснованная модернизация. Тут скорее элементарная потребность выделявшихся хозяйств у элит в рабочей силе. *Изгойство* этих работников вызывалось не их креативностью, а выдавлива-

нием из городских и сельских общин лишних людей, не имевших средств к более независимому существованию — люмпенов. И, далее, Б. М. Кондорский упоминает Саргона, тоже *изгой* (по его же классификации). Но это уже другой изгой, которого можно отнести к «людям длинной воли». Тут же к изгоям автор относит и Эхнатона, представителя высшей элиты, аристократа и интеллектуала того времени. Здесь и комментировать нечего. А проблемы этого фараона возникли из-за того, что его реформа лишала жрецов их места в обществе. Это было главным в неприятии реформы в дополнение к известному консерватизму необразованных масс.

Дальше автор пишет: *Земледельческий характер хозяйствования отнюдь не способствовал мобильности потоков информации в рамках Месопотамской ойкумены, что объясняет консервативность здесь социального сознания* [13, с. 53]. Зачем такая модернизация? Просто любое аграрное общество заведомо консервативно, как консервативно само сельскохозяйственное хозяйство доиндустриальных эпох.

В ассирийском обществе автор отмечает влияние купцов. Но, прежде чем оседлать торговые пути, ассирийцы захватили, то, что сложилось до них. И захватили не купцы, а воины. Именно своей воинственностью, организованностью и подвижностью и прославились ассирийцы. А купцы в любом обществе — самый динамичный слой в силу своей деятельности (волка ноги кормят). И дело не в том, что они индивиды, а в сути их деятельности, предполагающей постоянный динамизм и взаимную конкуренцию, в противоположность застойному аграрному сообществу. Последнее зависело от устойчивых природных факторов и погодных циклов: урожай не созреет быстрее, чем обусловлено природой, а купеческая деятельность — наоборот, зависит от индивидуальной креативности. И, вероятно, если бы купцам не мешала консервативная землевладельческая власть, они бы и тогда создавали свой «капитализм».

Своеобразно видение автором греческого общества [13, с. 56]. Оно не было земледельческим, как, кстати, и финикийское. Разнообразная хозяйственная деятельность подрывала влияние традиционной аристократии, опиравшейся на земельные владения, которых в греческом природном ландшафте было мало. А тираны — не «изгой», они не были маргиналами в своем социуме, но боролись за личную деспотическую власть. При авторском подходе

к изгоям надо относить любого авторитарного правителя во все времена — получается слишком расширительное, неконкретное понятие.

Режим в Афинах после реформ Клисфена автор назвал *тоталитарной демократией* (с. 57). Опять упрощение. В те времена не было понятия «прав человека». Вспомним наличие не только рабов (с ними понятно), но, в Афинах, метеков — таких же полноценных свободных греков, но не граждан Афин. Поэтому остракизм — изгнание своих «слишком умных» — не воспринимался как нарушение абстрактных прав. Любое меньшинство в те времена прав не имело.

Упрощения, свойственные автору, но менее существенные, есть и в описании римского общества [13, с. 59-61].

Заключение

Б. М. Кондорский излагает свое представление о формировании государства: *Разложение родоплеменных отношений, в свою очередь, способствует уже появлению изгоев субпассионального характера, лишенных своего «природного» имущества и требующих определенной опеки. Появляется потребность в государстве. Именно государство берет на себя заботу об индивидах, оказавшихся в силу тех или иных причин за пределами общины* [13, с. 61]. Получается, что создание государства — это осознанный процесс первобытных людей? Реально было наоборот: государство создавалось в ходе длительного процесса возникновения и обособления элит, выделения вождей, которые были не изгоями, а лидерами в своих сообществах. И эти лидеры, опирающиеся на своих воинов (возможно и изгоев), возвышались над родовыми институтами и создавали свои надродовые органы власти, которые в итоге приобрели те формы, которые мы называем государством.

После архаических революций формируется полисная гражданская община, диалектически сочетающая в себе потенциал исторического развития и определенный уровень стабильности в плане социального существования. И в Греции, и в Риме создателями полисов классического типа являются индивиды — изгой по происхождению [13, с. 62]. Получилась механистическая концепция: ойкумена со своими закономерностями перемещается по Передней Азии, затем в Грецию и Рим как некая самодостаточная структура. А почему в Передней Азии не произошло того,

что сформировалось в античном мире? Это были разные типы цивилизаций [14].

И общий вывод: *В широком смысле этого слова каждому этапу исторического развития соответствует определенный тип личности. Государство, с одной стороны, контролирует личностный потенциал пассионариев, а с другой – обеспечивает определенным социальным минимумом неимущих субпассионариев. Каков тип личности, таков и тип государства.* Последнее – бесспорно, но далее: *Несомненно, концепция изгойства имеет определенный потенциал дальнейшего теоретического развития, позволяет анализировать и осмысливать те или иные социальные явления и институты с неординарной стороны. Авторам здесь намечены только отдельные пролегомены.*

Все это уже довольно подробно разработано историками в концепциях локальных цивилизаций. Автор со «своей колокольни» те же процессы пытается обобщить иными формулировками и терминами. Так зачем, повторяюсь, «множить сущности»?

Двигатель исторического прогресса автор видит в *изгойстве*. А если копнуть глубже, то почему в одних случаях эти «изгой», возникнув в колыбели человечества – Передней Азии (с точки зрения европейцев – на Ближнем Востоке), не сохранили динамизм развития во 2 тыс. н.э., а «изгой» античного мира сумели заложить основы для последующего динамичного развития периферийного для Евразии и ранее отсталого крайнего западного полуострова субконтинента – Западной Европы? Ответ на это даст концепция локальных морских и ручных цивилизаций. В основе этой концепции лежит анализ совокупности природно-географических, хозяйственных и социальных факторов, что как раз и соответствует концепции СОИ основателя журнала «История и современность».

Так нужны ли новые сущности???

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Риер, Я. Г.** Об особенностях Запада и востока Европы в средние века: заметки на полях новой книги о Золотой Орде / Я. Г. Риер // *Вестник Магілєўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія).* – 2010. – № 1 (35). – С. 15–27.
2. **Риер, Я. Г.** Климат и исторические процессы: по поводу исторических представлений проф. В. В. Клименко / Я. Г. Риер // *Человек и природа в пространстве и времени. Сер. Социоспециальная история. Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. XXXVI.* – М.: ИАЦ-Энергия, 2012. – С. 261–298.
3. **Риер, Я. Г.** Клиометрия и история: некоторые комментарии к междисциплинарным подходам (на примере книги П. В. Турчина «Историческая динамика: на пути к теоретической истории») / Я. Г. Риер // *Природа и общество в эпоху перемен. Сер. Социоспециальная история. Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. XXXVIII.* – М., 2014. – С. 221–253.
4. **Кульпин, Э. С.** Научное завещание. Основные понятия, постулаты и методология социоспециальной истории / Э. С. Кульпин // *История и современность.* – 2016. – № 1. – С. 5–11.
5. **Риер, Я. Г.** О ментальности историка: размышления на полях одной статьи / Я. Г. Риер // *Вестник Магілєўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія).* – 2015. – № 2 (46). – С. 102–107.
6. **Кондорский, Б. М.** Архаическая революция в древнем Китае (Попытка сравнительно-исторического анализа) / Б. М. Кондорский // *Общество и государство в Китае. Т. XLIII. Ч. 2.* – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 16–28.
7. **Кондорский, Б. М.** Характер формирования и развития княжеской власти в Древней Руси / Б. М. Кондорский // *Творческое наследие А. А. Зимина и современная российская историография: VI Зиминские чтения: Междунар. науч. конф., Москва, 7 апреля 2015 г.* – М.: Древлехранилище, 2017. – С. 143–157.
8. **Риер, Я. Г.** Локальные цивилизации средневековья и начала нового времени: истоки и особенности / Я. Г. Риер. – Могилев, 2016. – С. 18–24.
9. **Кондорский, Б. М.** Кочевая ойкумена / Б. М. Кондорский // *Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. Кн. 2.* – Улан-Удэ, 2019. – С. 39–42.
10. **Кондорский, Б. М.** Революционная концепция процесса исторического развития / Б. М. Кондорский // *VI Международные научные проблемы и будущее человечества.* – М., 2020. – С. 566–571.
11. **Кондорский, Б. М.** Проблема русов и концепция ойкумены в Древней Руси / Б. М. Кондорский // *История. Общество. Политика.* – 2021. – № 1 (17). – С. 35–45.
12. **Кондорский, Б. М.** Процесс историче-

ского развития китайской ойкумены (с периода неолита до наших дней) / Б. М. Кондорский // Россия – Китай: история и культура : сб. ст. и докладов участников XIV Междунар. научно-практ. конф. – Казань, 2021. – С. 139–147.

13. **Кондорский, Б. М.** Элементы теории изгойства (на примере периода древности) / Б. М. Кондорский // История и современность. – 2023. – № 2. – С. 46–66.

14. **Риер, Я. Г.** Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общественных процессов: природная среда и социальное развитие / Я. Г. Риер. – Могилев, 2016. – С. 37–64.

Поступила в редакцию 25.01.2025 г.

Контакты: gier_iag@m.msu.by (Риер Яков Григорьевич)

Rier Y. G. ON THE ANALYSIS OF A HISTORICAL CONCEPT: BASED ON THE PUBLICATIONS OF B. M. KONDORSKY

This paper analyses a series of publications by B.M. Kondorsky, Candidate of Biological Sciences, on the subject of the world-historical process. The author presents original concepts and introduces new terms with personal interpretations of notions such as oikoumene, revolutions, and outcasts. Despite offering rather precise characterisations of certain historical phenomena, the overall concepts proposed by the author appear to be flawed.

Keywords: professionalism, limits of competence, concepts of the historical process, comparative analysis, oikoumene, archaic societies, revolutions.

УДК 94 (476): 351.745

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКИХ ПОЛИЦЕЙСКИХ УПРАВЛЕНИЙ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

А. А. Киселёв

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории
Белорусский государственный экономический университет

В конце XIX – начале XX в. структура городской полиции Могилева и Гомеля не соответствовала усложнившейся социально-экономической ситуации. Правительство оперативно не реагировало на отставание штатов полиции от возросшего объема полицейских обязанностей. Преобразование городской полиции откладывалось до полицейской реформы октября 1916 г. В свою очередь, органы городского самоуправления, как правило, не брали на себя расходы по содержанию новых штатов городской полиции. Городская полиция действовала на пределе своих физических и организационных возможностей.

Ключевые слова: городская полиция, белорусские губернии, деятельность полиции, организационно-штатная структура, сыскная полиция.

Введение

Эволюция структуры полицейских учреждений дореволюционной России не является новой темой в исторической науке. В советской историографии в общих чертах констатировался факт внесения изменений в организацию полицейских органов в пореформенный период с целью централизации и усиления полицейского влияния «на широкие массы населения» [1, с. 225]. В российской исторической науке городские полицейские управления (далее – ГПУ) неоднократно становились предметом всестороннего анализа [2; 3; 4; 5]. Это позволило детально охарактеризовать один из основных государственных институтов, который являлся «организатором и координатором городской жизни империи, особенно в окраинных городах» [4, с. 179]. Вместе с тем в отечественной историографии это направление исследований до последнего времени не пользовалось значительным вниманием, что обуславливает необходимость обращения к данной проблематике на примере Могилевской губернии.

Основная часть

Городские полицейские управления учреждались в губернском городе и отдельных крупных уездных центрах, причем по импе-

рии их структура «была везде приблизительно одинаковой» [6, с. 72]. В начале 80-х гг. XIX в. в пределах Могилевской губернии действовало лишь Могилевское ГПУ. Его штатный состав насчитывал 46 городских под началом полицеймейстера, его помощника, секретаря, 3-х приставов и 6 их помощников. В 1880 г. плотность полиции составила 1,46 чел. на 1000 жителей Могилева. Несмотря на малочисленность, чины полиции активно боролись с преступностью. Так, в 1879 г. по Могилеву было раскрыто убийство, 2 случая грабежей, зафиксировано 90 краж, из которых в 55 (61 %) удалось обнаружить виновных. Общая оценка ущерба, нанесенного преступниками, составила 37800 руб., причем похищенные вещи и деньги удалось вернуть владельцам в 58 случаях на сумму в 34040 руб. (90 %) [7, л. 8].

После закона от 14 апреля 1887 г. полицейская команда увеличилась на 14 чинов, а плотность городской полиции в Могилеве повысилась до 1,64 чел. на 1000 чел. Такой штат устраивал местные власти на протяжении десяти лет до принятия в 1897 г. «Положения о казенной продаже вина». Необходимость усиления надзора за соблюдением правил торговли спиртными напитками диктовалась всплеском правонарушений в этой области. Отмечалось, что только за половину 1897 г. полицейскими было составлено около 1000 протоколов, связанных не только с контролем за соблюдением «правил о казенной продаже вина, но и вообще для надзора за внешним порядком в местах производства означенной продажи» [8, л. 2]. Это обусловило обращение могилевского губернатора Н. А. Зиновьева в Министерство внутренних дел (далее – МВД) с просьбой о расширении команды на 10 городских. Единственное возражение последовало со стороны Государственного контроля, который потребовал взять финансирование городских на средства городского бюджета. Однако Государственный совет поддержал предложение могилевского губернатора. В результате

4 декабря 1899 г. было принято решение о выделении с 1 января 1900 г. из казначейства денег на 2 старших и 8 младших городских. На этом штат городских не остановился в своем росте, поскольку к 1906 г. их команда составила 80 чел. После общеперского увеличения числа нижних чинов в 1906 г. состав полицейских стражей Могилева насчитывал 108 чел.

С 1 июля 1908 г. в Могилевском ГПУ учреждалось сыскное отделение III разряда в составе 8 служащих полиции: начальника отделения, 3 надзирателей и 4 городских [9, с. 448-449]. Интересно, что в более населенном Гомеле специальное подразделение по борьбе с уголовной преступностью создано не было. Новосозданному сысному отделению было далеко до высокого уровня профессионализма в борьбе с преступностью уже вследствие кадровой «текучки» среди его сотрудников [10, с. 35].

3 декабря 1912 г. губернская администрация обратилась к министру внутренних дел с проектом по расширению штата Могилевского ГПУ. В обосновании указывалось, что по сравнению со временем полицейской реформы 1862 г. существенно изменились социально-экономические условия. В частности, площадь городской застройки выросла в 3,4 раза, а население – в 4,6 раза. Разрастание числа строений требовало учреждения новых полицейских постов. В самом городе усложнилась вся социальная инфраструктура. Так, в Могилеве действовало 33 гостиницы и 9 постоялых домов, 97 трактиров, 7 банков и их отделений, 10 средних учебных заведений, театр и два концертных зала, не говоря о 9 фабричных предприяттиях. В результате для полицейских чиновников выполнение «служебных обязанностей, при всей их энергии, бдительности и старании, является в высшей степени затруднительным и почти непосильным» [11, л. 1 об.]. Показателем возросшей нагрузки стал рост документооборота с 1907 по 1911 г. в канцелярии на 82 %, в частях – на 32 %. Только число расследованных полицией преступлений и проступков за четыре года с 1908 по 1911 г. выросло с 1640 до 4059, т.е. в 2,48 раза. В 1910 г. городской полицией были переданы материалы дознаний судебным следователям на 220 человек, возбуждены судебные преследования против 2505 лиц. В 127 случаях полицейские не смогли найти виновных [12, л. 353]. По-прежнему значительную часть полицейской деятельности составляли взыскания разного рода налогов, которые рас-

ценивались администрацией как «важный род обязанностей» [13, с. 20], вручение горожанам повесток.

Сыскное отделение Могилевского ГПУ вело напряженную борьбу с преступностью, причем с относительно неплохим результатом. Так, в 1911 г. из 130 зарегистрированных простых краж было раскрыто 88 (68 %). Из 5 краж на сумму более 300 руб. преступники были обнаружены в 4-х (80 %) случаях. Половина из 19 краж со взломом также закончилась поимкой виновных. Чины сысского отделения за год зарегистрировали 300 преступников, сфотографировали 673, выявили 58 рецидивистов. Ими было обнаружено похищенных вещей на сумму в 16443,48 руб., принято по заявлениям в розыск 239 дел, а неоконченными оставались лишь 2 дела [14, л. 96]. Следует отметить, что именно кражи разного рода считались «наиболее часто наблюдаемыми в Могилеве преступными деяниями» [12, л. 353].

В связи с несоответствием штатной организации служебной нагрузке могилевский губернатор А. И. Пильц настаивал на расширении штата, введя в его состав должность пристава, 7 их помощников и 62 городских. При полицейском управлении испрашивалось разрешение на открытие должностей 2-х столоначальников, регистратора, заведующего учетом нижних чинов запаса. Помимо этого, настаивалось на увеличении канцелярских сумм для городского управления до 2500 руб., приставам – до 500 руб., помощникам – до 200 руб.

Обращению губернатора предшествовала проработка вопроса в Могилевской Городской думе 21 декабря 1911 г. Для пристава четвертой полицейской части, 3-х помощников пристава, 26 городских предлагалось изыскать из городских доходов около 10 тыс. руб. После оценки имеющейся задолженности бюджета гласные Городской думы единогласно постановили, что средств не имеется, причем предлагалось ходатайствовать об освобождении города от содержания полиции в принципе. Однако А. И. Пильц сумел добиться от городских властей выделения денег под временное расширение штата 31 марта 1913 г. на пристава, его помощника и 20 городских на срок с 1 апреля 1913 г. до 1 января 1915 г.

4 января 1914 г. могилевский губернатор настаивал перед руководством МВД об ускорении утверждения проектируемого им штата. Однако 16 января 1914 г. продвижение проекта в столице приостановилось, поскольку пред-

ложения шли вразрез с уже разработанным в рамках готовящейся полицейской реформы штатом могилевской полиции, который предусматривал 3 участка, меньшую по численности команду городских. Такой должности, как зав. учетом нижних чинов в принципе не предусматривалось. МВД также обратило внимание на то, что и Министерство финансов, и Государственный контроль выступят против финансирования полиции на государственный счет.

В результате штатная структура была скорректирована в сторону ее приближения к разработанной в министерстве. 10 февраля 1914 г. губернатор А. И. Пильц предложил учредить должность пристава, 18 околоточных надзирателей, 67 городских, 3-х столоначальников, регистратора, бухгалтера, 4-х писмоводителей приставов при отказе от двух должностей помощников приставов. Понимая, что и этот вариант превышал спроектированный в Петербурге, губернатор все равно настаивал на нем, поскольку исходил из оценки населения Могилева в 70 тыс. человек. В принципе эта идея была поддержана министерством, но с существенными оговорками из-за тяжелого финансового положения военного времени. Так, 8 июля 1915 г. тов. министра В.Ф. Джунковский считал возможным увеличить штат на должность пристава, 3-х столоначальников, регистратора и 4-х писмоводителей. Он специально отметил, что это возможно при условии сокращения 2-х помощников приставов и назначении окладов по старому должностному расписанию. Команду городских планировалось довести до 57 чинов, а состав околоточных надзирателей до 16 человек.

Однако начальник Могилевской губернии 5 июня 1915 г. настаивал на финансировании пристава, его помощника и 20 городских из государственного бюджета. Это обуславливалось тем, что «производимые городом расходы, в связи с затратами, вызываемыми войною, ложатся тяжелым бременем на городской бюджет» [11, л. 44 об.]. Настойчивость А. И. Пильца была оправдана, поскольку до 30 апреля 1916 г. из Министерства финансов ответ на запрос не поступал. Отмалчивалось и ведомство внутренних дел. По крайней мере могилевский губернатор Д. Г. Явленский 20 мая 1916 г. обратился в МВД с просьбой поторопиться с ответом, поскольку Дума сумела найти деньги лишь на три месяца. При этом губернатор указывал на острую необходимость в 4-м полицейском участке, особенно

с учетом размещения в Могилеве Ставки. К 3 июня 1916 г. только Государственный контроль одобрил изменение штата на пристава, 16 околоточных надзирателей, 57 городских, 3 столоначальников, регистратора и 4-х писмоводителей, но Министерство финансов хранило молчание. В результате дело с реорганизацией Могилевского ГПУ затянулось до полицейской реформы 1916 г.

Если в Могилеве местная администрация стремилась расширить штат городской полиции, то в Гомеле с 1862 г. за охрану общественного порядка в городе и во всем уезде отвечали полицейские чины Гомельского Уездного полицейского управления. В самом Гомеле полицейские функции исполняли трое надзирателей и городовые. Однако местные власти еще с 1883 г. ходатайствовали о расширении штата городских стражей порядка. В частности, 25 мая 1883 г. гомельский исправник И. Р. Еленский констатировал, что полицейский надзиратель вынужден ежедневно исполнять не менее 10 поручений, не говоря об устных распоряжениях, единолично совершать полный обход участка. В итоге ему становилось крайне сложно справляться в одиночку со всеми обязанностями. Из старших городских надзиратель подбирал себе помощников, но с полицейской командой положение обстояло еще хуже. На весь Гомель с населением в 28 тысяч жителей приходилось 25 нижних чинов. Начальник уездной полиции, по всей видимости, включил в полицейскую команду еще и пожарных, поскольку в 1879 г. штат собственно городских насчитывал всего 15 человек [7, л. 4–6]. Нижним чинам приходилось «не менее 14 часов в сутки» [15, л. 7], т.е. полицейская служба была достаточно тяжелой. Ее тяготы были таковы, что команду нижних чинов преследовал «почти постоянный отказ от оной, то есть увольнение от службы городских» [15, л. 1 об.]. На ночной обход по городу получалось выставлять только один патруль из 4-х городских вместо трех положенных. На улицах дежурили лишь 6 стационарных постов, хотя их число следовало удвоить. Однако 29 июля 1883 г. МВД отклонило проект по введению двух полицейских надзирателей и дополнительных нижних чинов из-за нехватки финансов.

В течение 1895–1896 гг. была предпринята попытка учредить Гомельское ГПУ. Так, 8 мая 1895 г. могилевский губернатор Н. А. Зиновьев направил в Департамент полиции соответствующий проект. Необходимость ГПУ

диктовалась быстрым развитием города, через который в 1886 г. прошла Полесская железная дорога и наладилось регулярное пароходное сообщение по Сою. Население с 1883 по 1893 г. выросло приблизительно на 30 %, при этом не менее 45 % жителей Гомеля приходилось на евреев. Первый вариант штатов городской полиции был отклонен 10 июля 1895 г. после консультации с Министерством финансов. 29 сентября 1895 г. Н. А. Зиновьев направил новый проект, который был утвержден 23 декабря 1896 г. [16, с. 807]. В состав Гомельского ГПУ входили полицеймейстер, секретарь, пристав, 4 его помощника и 40 городских. Плотность городской полиции в Гомеле составила 0,9 на 1000 чел. Такое слабое полицейское присутствие на улицах негативно проявилось в условиях кризиса 1905–1907 гг. Так, гомельская полиция оказалась совершенно беспомощной в условиях массовых столкновений 13–14 января 1906 г. Расследование высокопоставленного чиновника МВД Г. Г. Савича установило, что в городе с населением «до 60 тыс. жителей» охрана общественного порядка на улицах города в дневное время «возлагается всего лишь на 17 городских» [17, с. 384]. Такой мизерный состав обуславливался тем, что именно столько городских могло одновременно находиться на 15 двухсменных и двух дневных стационарных полицейских постах. Остальные нижние чины распределялись следующим образом: 4 несли службу в городском предместье Белица на левом берегу Сожа на «расстоянии 5 верст от города», 2 старших городских неофициально исполняли обязанности околоточных надзирателей, 3 – писарей при помощниках приставов, 10 находились «при арестантской камере» и столько же при «канцелярии полицейского управления» [17, с. 384]. Итоговый вывод столичного чиновника оказался просто убийственным для Гомельского ГПУ. Г. Г. Савич заключил, что «ни полицеймейстер г. Гомеля, ни его помощники, в качестве пристава и помощников последнего, ни состав городских не только не представляют собою полицейско-охранной силы, но даже не пользуются авторитетом среди местного населения» [17, с. 384]. Рапорт привел к тому, что команда городских 31 января 1906 г. увеличилась на 31 чин [18, с. 64–65].

21 марта 1907 г. Департамент полиции МВД представил обоснование о расширении штата Гомельского ГПУ. В нем отмечалось, что полицеймейстер практически не руководил деятельностью канцелярии, занимаясь

«наружной службой» и передавая все делопроизводство секретарю. В результате при «ограниченном составе канцелярии, совершенно не соответствующем количеству поступающих бумаг, не может быть достигнута успешная постановка делопроизводства» [19, л. 2 об.]. Для решения проблемы рекомендовалось ввести должность помощника полицеймейстера, который, помимо контроля за делопроизводством, мог бы «облегчать непосильный труд полицеймейстера по общему административному управлению городом» [19, л. 3]. Для найма писцов предлагалось повысить суммы из-за нарастания объема делопроизводства на 28 % с 1902 до 1907 г. Помимо этого, требовалось ввести должность пристава и 8 околоточных надзирателей. Однако сразу же этот проект встретил возражения со стороны Министерства финансов и Государственного контроля. В частности, финансовое ведомство предлагало срезать 2 должности помощника пристава, сократить расходы на канцелярию, а 2000 руб. переложить на городской бюджет. Государственный контроль выступил против введения поста помощника полицеймейстера на том основании, что во многих губернских или более населенных городах такая должность отсутствует. Ведомство внутренних дел выступило против попыток коррекции новых штатов Гомельского ГПУ. Например, на доводы Государственного контроля министерство возразило, что условия «жизни в Гомеле, население которого распадается на две резко обособленные друг от друга части: русских и евреев, чрезвычайно сложны и обязанности полицейского начальства ни в каком случае не могут идти в сравнение с таковыми же в городах, где-либо в средней России» [19, л. 6–6 об.]. Парируя доводы финансового ведомства, МВД отметило, что сложится ситуация, при которой один помощник пристава будет надзирать за порядком в Белице, а второй окажется занят канцелярской работой, что делает бессмысленным разделение города на два полицейских участка. Отметалась и попытка переложить расход в 5 тыс. руб. на городской бюджет в силу его неблагоприятного финансового состояния. Совет министров 31 марта 1907 г. в основном встал на сторону министра внутренних дел, но все же упразднил одного помощника пристава и настоял на разделении расходов на содержание добавочного штата. Наконец, 6 июля 1908 г. было принято решение о преобразовании Гомельского ГПУ [20, с. 482], по которому полиция с 1 мая 1908 г.

по 1 января 1912 г. приводилась к следующему составу: полицеймейстер, помощник полицеймейстера, секретарь, 2 пристава, 3 помощника, 6 околоточных надзирателей и 92 городских.

Однако эта мера не поспевала за ростом города и его инфраструктуры. В Гомеле насчитывалось «свыше 90000 жителей, значительную часть которого составляют евреи, являющиеся вместе с тем и самою подвижною и изменчивою частью городского населения» [21, л. 2]. Вся площадь городского поселения уже составляла 1289,5 гектар, на которых располагалось 146 улиц. В итоге в 1914 г. Департамент полиции МВД вынужден был заметить, что состав полиции «в виду быстрого роста Гомеля, обширности городской территории и указанного выше состава населения... не соответствует потребности города» [21, л. 2–3]. Полицейские чиновники из-за большого объема работы «принуждены нести наружную полицейскую службу почти бессменно, будучи, кроме того, обременены весьма обширной перепиской, производством дознаний и разного рода денежными взысканиями» [8, л. 3]. В этой связи признавалось, что не только окраины, но и центр города оказались лишены «должного надзора». На нижние чины выпадала нагрузка, которая превышала время работы на промышленных предприятиях. В частности, городским «приходится нести постовую службу от 12 до 16 часов в сутки» [21, л. 3].

Несмотря на все усилия, приходилось признавать, что постепенно рос уровень преступности. Только с 1908 по 1910 гг. включительно число зарегистрированных преступлений выросло на 41 % (с 342 до 488), а нарушений обязательных постановлений городской думы – на 144 % (с 1541 до 3769). При этом увеличивалось число нераскрытых преступлений. Так, в 1908 г. таковых значилось 113, а в 1910 г. – 117 случаев (24 %). Наиболее распространенными уголовными преступлениями являлись кражи: в 1908 г. на них приходилось 58,8 % всех правонарушений, причем 39 % из них не были раскрыты. В 1910 г. на кражи пришлось 56 % преступлений, а винных не удалось обнаружить в 23 % случаев. Лучше обстояло дело с раскрываемостью по тяжким уголовным преступлениям, поскольку в 1908 г. были раскрыты все 7 убийств и 7 из 8 грабежей. В 1910 г. уголовная статистика оставалась неплохой, так как убийцу не нашли в одном случае из 5, а из 12 ограблений только одно дело не дошло до суда. В 1910 г. в мировых судебных учреждениях по инициативе

полиции было возбуждено преследование против 1232 лиц, а в руки судебных следователей передали материалы 196 дознаний [12, л. 357]. Как снежный ком нарастал объем делопроизводства. Только через канцелярию Гомельского ГПУ по сравнению с 1906 г. к 1911 г. количество ежегодных входящих и исходящих бумаг увеличилось на 110 %. Через канцелярию пристава 1-й части документооборот с 1906 по 1910 г. увеличился на 139 % и достиг 136922 зарегистрированных документа.

Губернатор А. И. Пильц предлагал учредить 2 должности приставов, их 3-х помощников, 9 околоточных надзирателей, 58 городских, открыть сыскное отделение III разряда и усилить канцелярию за счет двух столоначальников и регистратора. Гомельская Городская дума отказалась финансировать новый штат, поэтому начальник губернии просил взять на государственный счет расходы на содержание полиции. Эти предложения подверглись коррекции со стороны Государственного контроля и Министерства финансов. Государственный контроль предложил понизить разряд сыскного отделения, а Министерство финансов настаивало на учреждении в каждой из четырех частей всего лишь одной должности помощника пристава и 3-х околоточных надзирателей. Однако МВД выступило против этих замечаний. Численность населения Гомеля просто исключала возможность понижения разряда, а сокращенный штат офицеров «в наиболее бойких участках окажется недостаточным» [21, л. 20]. В этой связи предлагалось в центральных участках оставить по два помощника пристава и по 4–5 околоточных надзирателей, а в двух окраинных последовать совету Министерства финансов. 22 марта 1913 г. проект ушел в Совет министров, а оттуда был направлен 15 июля 1914 г. в Государственную думу, где дело застопорилось, поскольку только 28 января 1915 г. законопроект был передан в соответствующую комиссию, чтобы 17 декабря 1916 г. вернуться к министру. К этому времени актуальность расширения штата Гомельского ГПУ исчезла, поскольку в октябре 1916 г. произошла полицейская реформа.

Согласно реформе городские полицейские управления по-прежнему сохранялись только в Могилеве и Гомеле, имели одинаковую структуру и отличались лишь незначительными количественными параметрами. Так, в Могилевском ГПУ команда городских была меньше на 6 нижних чинов, чем в гомельской городской полиции, и составляла 134 пеших городских.

В Гомельском ГПУ в штате было меньше на одного помощника пристава (4 чиновника), но на одного полицейского надзирателя больше (14 офицеров), чем в могилевской городской полиции. Всего в обоих ГПУ в последние месяцы монархии служили 402 классных и нижних чина, т.е. на 75 % больше по сравнению с предвоенным временем. Наиболее существенным изменением стало усиление состава канцелярии полиции: в ней, помимо секретаря, появились 3 столоначальника, по одному бухгалтеру и журналисту, а при частных приставах – по штатному письмоводителю [22]. Уже 24 декабря 1916 г. могилевский губернатор рапортовал в министерство о том, что к 1 января 1917 г. им будут укомплектованы все новые штаты полиции. Помимо этого, во время Первой мировой войны при ГПУ в Могилеве (27 августа 1915 г.) и Гомеле (25 ноября 1916 г.) удалось учредить адресные столы для улучшения контроля над населением [23].

Заключение

Таким образом, организационно-штатная структура Могилевского и Гомельского ГПУ не соответствовали социально-экономическому уровню развития этих городов. Накануне Первой мировой войны соотношение числа полицейских в Гомеле составило 1 чел. на 1000 жителей, в губернском Могилеве – 2,16 чел. на 1000 жителей. Проекты местной администрации по расширению штатов из-за ограниченности городских бюджетов не получали поддержки со стороны городского самоуправления. В этом отношении пример Могилевской губернии не являлся оригинальным, поскольку подобные факты фиксировались в самых разных регионах империи [24, с. 122; 25, с. 37–38]. Кроме того, идеи увеличения состава полиции не получали поддержки из-за негативной позиции Министерства финансов. Изменения в структуре городской полиции Могилева и Гомеля происходили в рамках общеимперских преобразований или были вызваны исключительными обстоятельствами революции 1905–1907 гг. В последнем случае причина увеличения штата Гомельского ГПУ – конфликт на этнической почве – являлась спецификой Могилевской губернии. Следует отметить, что деятельность могилевской и гомельской полиции в период революции 1905–1907 гг. осложнялась вооруженным противодействием против полицейских. Так, в 1905 г. только в Могилеве по материалам га-

зеты «Право» произошло не менее 4-х вооруженных покушений на чинов полиции, одно из которых закончилось убийством городского. В результате более-менее существенные изменения в структуре полиции произошли лишь по итогам полицейской реформы в октябре 1916 г. В данный период чиновники полиции с трудом справлялись с возрастающим объемом делопроизводства и служебных обязанностей. Несмотря на свою малочисленность, полиция, как представляется, все же сдерживала рост преступности, не оставляя правонарушителей безнаказанными. Например, раскрываемость по зарегистрированным кражам, наиболее распространенным видом преступлений в Могилеве и Гомеле, по косвенным данным, колебалась от 60 % и выше. По этому показателю ГПУ были близки к эффективности полиции в прочих городах империи. Так, в Самарском ГПУ раскрываемость составила 70–75 % [3, с. 129], Пензенском ГПУ – от 62 до 78 % [25, с. 146]. Вместе с тем нельзя не согласиться с тем, что по современным нормативам оценки эффективности деятельность городской полиции Могилевской губернии оставляла желать лучшего [26, с. 97]. Следует отметить, что свои многочисленные обязанности полиция выполняла на пределе возможностей. В октябре 1916 г. вследствие полицейской реформы штаты городских полицейских управлений Могилева и Гомеля увеличились на 75 %. Интересно, что обстоятельства военного времени, усилившие служебную нагрузку на городскую полицию, привели к тому, что еще до полицейской реформы на улицах Могилева и Гомеля удалось временно увеличить численность полиции за счет эвакуированных полицейских чиновников, причем Могилевская губерния занимала первое место в империи по количеству откомандированных в нее служащих полиции [27].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Ерошкин, Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – 352 с.
2. *Чернова, И. В.* Томская городская полиция в конце XVIII – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Чернова Ирина Владимировна. – Томск, 2005. – 181 л.
3. *Гомонова, С. А.* Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Гомонова Светлана Александровна. – Самара, 2012. – 259 л.

4. *Евтехов, Р. А.* Верхнеудинская городская полиция в системе административно-управленческого аппарата Забайкалья : становление и развитие в XVIII – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Евтехов Роман Артурович. – Улан-Удэ, 2017. – 237 л.
5. *Романова, А. В.* Городская и уездная полиция Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : эволюция института и деятельность : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Романова Анна Валерьевна. – Ульяновск, 2017. – 298 л.
6. *Реент, Ю. А.* Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.) / Ю. А. Реент. – Рязань : Узорочье, 2001. – 284 с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1316. Оп. 1. Д. 85.
8. РГИА. – Ф. 1149. Оп. 12. Д. 156.
9. Об организации сыскной части // ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – 1911. – Т. XXVIII. – № 30672.
10. *Косенко, А. А.* Розыскная деятельность полиции в 1862–1917 гг. в белорусских губерниях / А. А. Косенко // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі. – 2022. – № 1. – С. 32–38.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. Оп. 72. Д. 91.
12. РГИА. – Ф. 1217. Оп. 1. Д. 8.
13. Памятная книжка Могилевской губернии на 1909 год / издание Могилевского губернского статистического комитета. – Могилев : Губ. тип., 1909. – 375 с.
14. РГИА. – Ф. 1217. Оп. 1. Д. 11.
15. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2141.
16. Об утверждении штата Гомельского Городского полицейского управления // ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – 1899. – Т. XVI. – № 13581.
17. Материалы к истории контрреволюции. Т. I : Погромы по официальным документам. – СПб. : Тип. т-ва «Общественная Польза», 1908. – 451 с.
18. О численном составе и окладах содержания чинов городских полицейских команд // ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – 1909. – Т. XXVI. – № 27309.
19. РГИА. – Ф. 1276. Оп. 96. Д. 255.
20. Об усилении Гомельской городской полиции // ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – 1911. – Т. XXVIII. – № 30745.
21. РГИА. – Ф. 1276. Оп. 9. Д. 16.
22. ГАРФ. – Ф. 102. Оп. 75. Д. 66. Ч. 22.
23. ГАРФ. – Ф. 102. Оп. 73. Д. 10. Ч. 16.
24. *Шиловский, Д. М.* Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Шиловский Денис Михайлович. – Новосибирск, 2002. – 251 л.
25. *Кладов, В. Ю.* Полиция Пензенской губернии в 1903–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Кладов Виктор Юрьевич. – Пенза, 2007. – 215 л.
26. *Косенко, А. А.* Организация деятельности городской полиции в белорусских губерниях / А. А. Косенко // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 94–97.
27. *Киселев, А. А.* Эвакуация и изменения в численности полиции белорусских губерний в годы Первой мировой войны / А. А. Киселев // Первая мировая война в исторической памяти и актуальном дискурсе ученых : сб. науч. ст. / под ред. А. А. Адылова ; Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. – С. 100–110.

Поступила в редакцию 25.04.2025 г.

Контакты: kiselev@list.ru (Киселев Александр Александрович)

Kiselev A. A. CHANGES IN THE STRUCTURE AND ACTIVITY OF THE CITY POLICE DEPARTMENTS OF MOGILEV PROVINCE (LATE XIX – EARLY XX CENTURY)

At the end of the 19th and the beginning of the 20th century the structure of the city police of Mogilev and Gomel did not correspond to the complicated socio-economic situation. The government did not react promptly to the fact that the police personnel did not keep pace with the increased volume of policing tasks. The transformation of the city police was postponed until the police reform of October 1916. As a rule, the municipal governments did not bear the costs of maintaining the new municipal police. The City Police operated at the limits of its physical and organizational capabilities.

Keywords: city police, Belarusian provinces, police activity, organizational and personnel structure, criminal police.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 1916 ГОДУ И ИХ ОЦЕНКА ГЕНЕРАЛОМ ЛЮДЕНДОРФОМ

А. А. Воробьев

кандидат исторических наук, доцент
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

А. Е. Игнатович

кандидат исторических наук, доцент
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

Публикация посвящена боевым действиям на Восточном фронте в 1916 году и их оценке генералом Людендорфом.

Ключевые слова: Восточный фронт, русская армия, Первая мировая война, Россия, Германия, Антанта, Четверной союз.

Введение

Мировая история имеет немало так называемых «белых пятен», к числу которых, в определенной степени, относится история Первой мировой войны, в силу ряда обстоятельств нуждающаяся во всестороннем изучении, несмотря на более чем столетние юбилеи с момента ее начала и окончания. Ранее нам приходилось последовательно рассматривать различные ее аспекты, используя в основном исторические источники, которые относились как к советскому, так и постсоветскому периодам. Боевым действиям на Восточном (русско-германском) фронте с самого начала Первой мировой войны (1914 г.) был посвящен ряд наших исследований, опубликованных по итогам проведения научных конференций в Военной академии Республики Беларусь. Затем, в двух публикациях, нами были рассмотрены боевые действия на Восточном фронте в 1915 году. В большинстве своем вышеуказанные публикации опирались на оценки советских и современных отечественных и российских историков. Последние наши исследования посвящены историческим оценкам с другой (немецкой) стороны, т.е. со стороны военного руководства Германии, среди которого выделялся генерал Эрих фон Людендорф, взгляды которого на ход боевых действий на Восточном фронте в 1914–1915 годах были рассмотрены также в двух публикациях [1; 2]. Данная статья будет посвящена оценкам генералом Людендорфом событий на Восточном фронте

© Воробьев А. А., Игнатович А. Е., 2025

Первой мировой войны в 1916 году.

По нашему мнению, как военная кампания 1914 года, так и военная кампания 1915 года желательных для Германии результатов не принесли. В разработанный еще до начала Первой мировой войны «план Шлиффена» прямо по ходу войны пришлось вносить коррективы. Так, если в 1914 году основной удар немецкие войска наносили на западе (против Франции и Англии), то в 1915 году основной удар был нанесен уже на востоке (против России). И если в 1914 году помощь России своим союзникам не позволила Германии добиться победы на западе, то в 1915 году Россия в одиночку, без помощи англичан и французов, сумела устоять против наступления войск Четверного союза во главе с Германией.

Основная часть

В 1916 году Четверной блок во главе с Германией решил нанести главный удар опять-таки на западе (как и в 1914 году), не без оснований считая, что брошенная без помощи союзников в 1915 году ослабленная Россия уже не будет иметь возможности ему помешать. Согласно воспоминаниям Людендорфа, оба верховных командования (германское и австро-венгерское) стремились добиться успеха в 1916 году наступательными действиями. Германское верховное командование наметало атаку у Вердена, а австро-венгерское – наступление из Тироля в Италию. Из этого для всего Восточного фронта вытекали две задачи: во-первых, выделение на другие фронты части войск и, во-вторых, отражение русских атак, которых можно было ожидать с уверенностью [3, с. 187]. Таким образом, Германия и Австро-Венгрия хотели в 1916 году вывести из войны своих главных противников на западе: Германию – Францию, а Австро-Вен-

грия – Италию. С учетом того, что в 1915 году Четверной блок объединенными усилиями разгромил и фактически вывел из войны Сербию и Черногорию, в случае успешного наступления германских и австро-венгерских войск на Западном фронте Четверной блок имел все шансы выиграть всю войну в целом.

Немецкие войска, как и в 1914 году, главный свой удар нацелили на столицу Франции – Париж. Основные боевые действия на Западном фронте развернулись у французского города-крепости Верден, прикрывавшего направление на Париж. По мнению Людендорфа, выбор Вердена пунктом атаки являлся стратегически правильным решением. Эта крепость всегда была для немцев очень чувствительным пунктом, атака (наступление немцев) началась 21 февраля 1916 года и сразу же дала крупные результаты, но атака была проведена на слишком узком фронте и весьма быстро застопорилась. В начале марта весь мир находился под обаянием (влиянием) германской победы под Верденом. Атака австро-венгерской армии из Тироля вглубь верхней Италии состоялась лишь в конце апреля – начале мая 1916 года. Для организации удара на Верден германский Восточный фронт, по словам Людендорфа, должен был отослать тяжелую артиллерию на запад. Сверх того, высшее немецкое командование перебросило часть своих войск из Сербии, а австро-венгерское верховное командование также существенно ослабило Восточный фронт в пользу Итальянского [3, с. 187].

Казалось бы, все шло по военным планам, разработанным высшим германским и австро-венгерским командованием. Тем не менее эти планы стали постепенно нарушаться еще с самого начала 1916 года, когда русские войска развернули наступление на Кавказском фронте против одной из стран Четверного блока – Турции. Уже к исходу февраля 1916 года русские войска сумели взять крупный турецкий город Эрзерум, а к лету этого же года – города Трапезунд (ныне Трабзон в Турции) и Эрзинджан с прилегающей территорией. Наступление германской армии на Западном фронте в немалой степени застало врасплох французские и английские войска. Ввиду сильного натиска немцев союзники (Англия и Франция) незамедлительно затребовали наступательных действий от Италии и России. Эти наступательные действия итальянских и русских войск были сразу же отмечены Людендорфом: «Русское наступление в Армении, озаглавленное взятием Трапезунда и Эрзерума, не имело

стратегического значения, германский удар на Верден в марте вызвал 5-ю атаку Изонцо итальянскими войсками, опять оказалась она безрезультатной» [3, с. 188–189].

Наступательные действия русских войск в далекой от Европы азиатской части Турции мало волновали генерала Людендорфа, поэтому он и дал им такую оценку, может быть, в немалой степени, потому, что в то время, когда русская армия успешно наступала в центральной части Турции (Анатолии), английские войска под командованием генерала Таунсенда позорно сдались в плен туркам под городом Кут-эль-Амара. Впрочем, невысоко оценил Людендорф и наступление итальянской армии в районе реки Изонцо, которое не привело к победе итальянцев. Значительно больше внимания генерал Эрих фон Людендорф уделил наступлению русской армии на Восточном фронте против германских и австро-венгерских войск. По данным Людендорфа, 16 марта 1916 года русские войска начали наступление между озерами Вишнево и Нарочь (т.е. на территории нынешней Беларуси). Атаки русских войск, согласно данным Людендорфа, продолжались до конца марта. Людендорф оценил потери русских войск как чрезвычайные, ибо, по образному выражению генерала, «русские утонули в болоте и крови» [3, с. 189–191].

Наступление русской армии на Западном отрезке Восточного фронта, который проходил по белорусским землям, было не единственным, русские войска попытались освободить от немцев занятую ими в 1915 году часть территории Латвии (Курляндию), но из этого наступления ничего не вышло, как и из наступления под озером Нарочь. Зато, по словам Людендорфа, русским удалось добиться значительных успехов южнее, где они вели боевые действия против австро-венгерских войск, поддерживаемых немецкими войсками. Так, 4 июня 1916 года русские атаковали австро-венгерские войска восточнее Луцка, у Тарнополя и непосредственно севернее Днестра (в истории России эти события называются Луцким или Брусиловским прорывом). Русская атака в излучине реки Стири, по словам генерала Людендорфа, имела полный успех, ввиду чего 7 июля 1916 года генерал фон Линцинген отвел свое левое крыло за реку Стоход. Русское наступление на Днестре привело к прорыву фронта дивизий под командованием генерала Пфлянциер-Балтина, и к концу июня русские войска заняли административный центр Буковины – город Черновцы [3, с. 199,

200, 203].

Немцы вновь, как и в 1914 году, с одной стороны, были вынуждены оказывать спешную помощь своим терпящим поражение австро-венгерским союзникам, а с другой – усиливать свои собственные воинские части на Восточном фронте. Германское командование, по свидетельству Людендорфа, подвезло свои дивизии с запада, а Австро-Венгрия прекратила наступление в Италии и также перебросила войска на Восточный фронт. Далее генерал Людендорф отметил, что около Риги бои поутихли, но 25 июля 1916 года русские войска атаковали немцев под Барановичами, а 27 июля началась большая русская атака (т.е. наступление) вдоль Стохода, которая продолжалась до вечера 1 августа 1916 года [3, с. 199, 206–207].

На этом русское наступление утратило силу и внезапность и вскоре прекратилось. В принципе, если следовать предыдущей логике рассуждений генерала Людендорфа, то, по аналогии с 1915 годом, он мог бы и прервать свои размышления о ходе боевых действий на Восточном фронте. Однако русское наступление и фактический крупный разгром сил австро-венгерской армии довольно неожиданно привели к изменению позиции правящих кругов Румынии относительно участия в Первой мировой войне. Следует сказать, что Румыния еще в 1914 году провела переговоры как с Антантой, так и с Тройственным еще на тот момент времени союзом относительно перспектив участия в войне. Германия предлагала Румынии за вступление на своей стороне Бессарабию, которая входила в состав России, а Россия за вступление в войну на стороне Антанты обещала Румынии Трансильванию, которая являлась частью Австро-Венгрии.

В 1914 году Румыния занимала выжидательную позицию и в войну не вступила (хотя была склонна это сделать на стороне Антанты, ибо территория Трансильвании была существенно больше Бессарабии), а в 1915 году румынские правящие круги были озадачены «великим отступлением» русской армии и не рискнули вступить в войну. Неудача немцев под Верденом и грандиозное наступление Брусилова подняли в 1916 году шансы Антанты, а 17 августа 1916 года был заключен договор между Румынией и четырьмя державами Антанты. Румыния брала на себя обязательство объявить войну Австро-Венгрии, за что ей были обещаны Трансильвания, часть Буковины и Банат, и 28 августа 1916 года Румыния

объявила войну Австро-Венгрии [4, с. 835].

Вступление Румынии в войну на стороне Антанты в немалой степени оказалось неожиданным для стран Четверного блока и особенно для Австро-Венгрии, земли которой и предполагалось отдать Румынии в случае победы Антанты. Румынские войска начали боевые действия против Австро-Венгрии очень неспешно и тем самым в огромной степени утратили фактор внезапности. Генерал Людендорф очень метко выразился по этому поводу в своих воспоминаниях: «В ожидании перехода русских через Карпаты румынская армия продвигалась вперед черепашьям шагом. Энергичным продвижением в наше расположение румыны должны были бы с тыла открыть русским перевалы через Карпаты. Они сделали противное. Не понимая большой войны, они не использовали благоприятного положения, которое все время создавалось для них вследствие оттягивания дивизий (немецких и австро-венгерских) к Днестру и Карпатам. Они продвигались чрезвычайно медленно и теряли попусту время. Для нас же каждый день много значил. Русские также действовали нецелесообразно: они предпочитали устремляться на хребет Карпат, вместо того, чтобы через Молдавию нанести удар по нашему открытому флангу. Вступление Румынии в войну произошло непланово. Возможность совместных (с русскими) действий не была обеспечена [3, с. 251].

Лучше, чем это сделал генерал Людендорф, оценить действия Румынии сразу после ее вступления в войну, пожалуй, невозможно. Таким образом, вступление в войну на стороне Антанты Румынии не принесло никаких ощутимых выгод ни Франции с Англией, ни России. Довольно скоро немцы и их австро-венгерские союзники сумели перебросить в Трансильванию, на которую претендовала Румыния, свои войска, которые сначала отбросили румын с занятых ими земель Австро-Венгрии, а потом и вовсе начали наступление против румынской армии уже на территории самой Румынии. При этом следует отметить, что страны Четверного союза начали наступление против Румынии сразу по двум направлениям: с востока (из Трансильвании, или Семиградья, как эту территорию называли раньше) и с юга – со стороны южной Добруджи, которая входила в состав Болгарии. Это наступление, которое в основном обеспечивалось немецкими и австро-венгерскими войсками, было очень эффективным и очень быстро принесло на-

ступавшим успех.

Это не замедлил отметить Эрих фон Людендорф: «Наступление на румын генерал-фельдмаршала фон Макензена дало прекрасные результаты. Около двух румынских дивизий сдались после короткого сопротивления 6 сентября 1916 года. Благодаря быстроте действий 9 сентября пала Силистрия (ныне город Силистра находится в Болгарии). Добрик (ныне город Добрич в Болгарии) был занят еще 4 сентября» [3, с. 253]. В середине октября – ноябре 1916 года войска Четверного союза, возглавляемые Германией, возобновили наступление в Румынии, стремясь разгромить ее армию и заставить Румынию капитулировать и подписать сепаратный мирный договор. Больших успехов в этом наступлении добилась совместная германо-австро-венгерско-болгаро-турецкая группировка войск под общим командованием уже упоминавшегося нами генерал-фельдмаршала фон Макензена. Она сумела форсировать Дунай и повести наступление на столицу Румынии – Бухарест. В ходе наступления войска Четверного союза нанесли ряд поражений румынским войскам и захватили все черноморское побережье Румынии, а к началу декабря 1916 года подошли к столице Румынии.

Генерал Людендорф отметил, что 5 декабря 1916 года атаки русских войск юго-восточнее Бухареста были незначительны, ввиду чего он недоумевал, почему русские допустили разбить румын в одиночку. 6 декабря 1916 года немцы заняли Бухарест, Плоешти и Кампину, захватив нефтеносный район, в котором румыны произвели самые основательные разрушения. Бои восточнее линии Бухарест – Плоешти, по свидетельству генерала Людендорфа, получили уже другой характер, чем предыдущие, ибо немецкие войска устали, а русские появились в большом числе и дрались лучше румын [3, с. 266]. Вскоре боевые действия на территории Румынии прекратились и линия нового, Румынского, фронта Первой мировой войны стабилизировалась благодаря русским войскам, которые не допустили полного разгрома Румынии и ее выхода из войны.

Этим и завершился генерал Людендорф свои описания боевых действий на Восточном фронте, сделав довольно неоднозначные оценки всего 1916 года, которые мы намерены более подробно рассмотреть в завершающей части нашей публикации: «С окончанием похода на Румынию бои осенью 1916 года были окончательно решены в нашу пользу. Мы

добились успехов не только на полях Семиградья, Валахии и Добруджи, где получили внешнее выражение, но также и в борьбе на Западном фронте, на Изонцо, в Македонии и на востоке. Это было устремление всех наличных сил к одной цели – отражению натиска Антанты и сохранению за собой возможности существования. Наступление Антанты потерпело поражение, и богатые средства Валахии были в наших руках. Огромное превосходство Антанты в количестве людей и материальных средств разбилось о твердость наших войск и об уверенность и решимость нашего командования» [3, с. 268].

Заключение

В завершение нашей публикации можно сделать несколько выводов. Генерал Людендорф – виднейший военный теоретик Германии начала XX столетия – был одним из авторов ведения Германией боевых действий в ходе Первой мировой войны. Безусловно, он участвовал и в планировании военных операций стран Четверного союза в 1916 году. Решающий удар немецкие войска, как главная сила Четверного блока, планировали на западе – против Франции и Англии. Русская армия считалась верховным германским военным командованием неспособной к ведению крупных наступательных операций после тяжелых поражений и «великого отступления» 1915 года. Однако уже в самом начале 1916 года военная верхушка стран Четверного блока убедилась в своей ошибке, недооценив степень боеспособности русской армии. И если наступление русских войск против Турции на Кавказском фронте, который достаточно справедливо считался почти всеми странами-участницами Первой мировой войны периферийным, не могло сколь-нибудь значительно повлиять на ход войны (что, кстати, отметил и генерал Людендорф), то наступление русской армии против германо-австро-венгерских войск вновь существенно на него повлияло. Правда, Людендорф, по своему обыкновению, предположил этого не заметить и обошел молчанием.

Следует вновь обратить пристальное внимание на недомолвки генерала, которые существенно искажали роль русской армии в период Первой мировой войны. Именно наступление русской армии весной-летом 1916 года вновь позволило Антанте устоять перед натиском войск Четверного блока во главе с Германией. Своим наступлением русская армия спасла от неминуемого разгрома и фран-

цузов с англичанами под Верденом, и итальянцев на реке Изонцо, и новых незадачливых союзников в лице румын. Кстати, разгром Румынии Людендорф оценил справедливо: «Мы разбили румынскую армию, но нам не удалось уничтожить ее» [3, с. 268]. Не удалось потому, что на 500 километров русская армия удлинила линию своего фронта, создав для спасения Румынии отдельный Румынский фронт. переброска же немецких частей из Франции и австро-венгерских из Италии помогла итальянцам удержать оборону на Изонцо, а французам и англичанам не только устоять под Верденом, но и провести контрнаступление против немцев на реке Сомме.

Правда, наступление англичан и французам на Сомме, как и «верденская мясорубка», привело лишь к большим потерям среди обеих воюющих сторон, но не привело к коренному перелому в ходе Первой мировой войны. В 1916 году союзники России по блоку Антанта продолжили свою тактику ведения войны «до последнего русского солдата». Они получили от русской армии все, что им было нужно, но ничего не сделали для того, чтобы помочь ей. И это именно благодаря русской армии, несмотря на победу над румынской армией, по мнению Людендорфа, немцы в 1916 году стали в общем слабее [3, с. 268]. Впереди был следующий, 1917 год, с которым Германия и начальник генерального штаба ее армии (с 1916 года), генерал Эрих фон Людендорф, связывали свои надежды на успешное окончание Первой мировой войны, для чего у них уже имелись определенные планы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Воробьев, А. А.** Боевые действия русской армии в 1914 году и их оценка

Э. Людендорфом / А. А. Воробьев, А. Е. Игнатович // Чтения имени А. С. Дембовецкого : сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / редкол.: М. Е. Лустенков (гл. ред.) [и др.]. – Могилев: Белорус-Рос. ун-т, 2022. – Ч. 1. – С. 64–67.

2. **Воробьев, А. А.** Оценка Эрихом фон Людендорфом боевых действий русской армии в 1915 году / А. А. Воробьев, А. Е. Игнатович // Вестник МГУ имени А. А. Кулешова. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2024. – № 1. – С. 50–54.

3. **Людендорф, Э.** Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Э. Людендорф; пер. с нем. А. А. Свечина. – М. : Вече, 2014. – 704 с.

4. История дипломатии : сб. / сост. А. Локтионов. – М. : АСТ, 2005. – 943 с.

Поступила в редакцию 21.04.2025 г.

Контакты: рах4@yandex.ru (Воробьев Александр Александрович), ignant@mail.ru (Игнатович Антон Евгеньевич)

Vorobiev A. A., Ignatovich A. E. COMBAT OPERATIONS ON THE EASTERN FRONT DURING WORLD WAR I IN 1916 AND THEIR ASSESSMENT BY GENERAL LUDENDORFF

The publication examines the military actions on the Eastern Front in 1916 and their evaluation by General Ludendorff.

Keywords: Eastern Front, Russian army, World War I, Russia, Germany, Entente, Quadruple Alliance.

УДК 94 (476+47): 656.2 «1917»

ВЛИЯНИЕ СВИТЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II НА МАРШРУТ ЛИТЕРНЫХ ПОЕЗДОВ 28 ФЕВРАЛЯ 1917 г.

Ю. А. Раемский

ведущий научный сотрудник

УК «Могилевский областной краеведческий музей им. Е. Р. Романова»

В статье на основе документов Российского государственного исторического архива проводится верификация мемуаров генерала Д. Н. Дубенского и подполковника Г. А. фон Талья – пассажиров «свитского» поезда, которые сопровождали императора Николая II в его последнем высочайшем путешествии Могилев – Малая Вишера – Псков 28 февраля – 1 марта 1917 г. Основное внимание уделяется обоснованию противоречий в отношении событий, произошедших между станциями Лихославль и Бологое. Автор приходит к выводу, что оба мемуариста подвергли свои воспоминания предвзятой коррективке.

Ключевые слова: Ставка Верховного главнокомандующего, Февральская революция, император Николай II, свита, телеграмма, литерный поезд, железнодорожная станция, Могилев, Лихославль, Бологое.

Введение

История Февральской революции спустя более чем столетие остается актуальной. Ключевым фактором, повлиявшим на легитимизацию Временного правительства, являются события, произошедшие в литерных поездах А и Б 28 февраля и 1 марта 1917 г. На тему путешествия Николая II из Ставки в Царское Село, закончившуюся в конечном счете падением монархии в России, написаны десятки научных трудов как отечественными, так и зарубежными авторами [1; 2, с. 225–235; 3, с. 168–176; 4, с. 57–136; 5]. Несмотря на это, многие вопросы остаются неразрешенными по сей день. В первую очередь это касается причин и степени обоснованности разворота литерных поездов на станции Малая Вишера ночью 1 марта 1917 г. Мемуары лиц свиты, написанные в эмиграции, настолько противоречивы, что даже в совокупности не позволяют достоверно реконструировать детали поездки Могилев – Малая Вишера – Псков. При сопоставлении воспоминаний с материалами инспекции императорских поездов, находящимися на хранении в Российском государственном историческом архиве, вырисовывается

более отчетливая картина, выявляется множество существенных неточностей и искажений. В связи с этим вопрос влияния ближайшего окружения императора на ход Февральской революции необходимо подвергнуть кардинальному пересмотру. В данной статье основное внимание уделено рассмотрению событий в поезде Литера Б 28 февраля 1917 г. на участке пути между станциями Лихославль и Бологое.

Основная часть

Отъезд императора Николая II из Ставки был запланирован на 28 февраля 1917 г. Первоначально было выработано расписание (рис. 1), согласно которому поезд Литера А отправлялся из Могилева в 14.30, а прибывал в Царское Село в 15.30 1 марта [6, л. 4]. Время в пути составило бы 25 часов, столько же, сколько поезда затратили на дорогу в Ставку несколькими днями ранее. К вечеру 27 февраля было решено ускорить отправление. Первым в 4 часа утра 28 февраля из Ставки отправился поезд Литера Б, называемый «свитским» [6, л. 145]. В 5.00 от военной платформы станции Могилев отошел «собственный» поезд, в котором находился император [6, л. 144].

До перехода составов на Николаевскую железную дорогу путешествие проходило вполне штатно. На станции Лихославль в поезде Литера Б была получена телеграмма инженера А. А. Бубликова и главы ВКГД М. В. Родзянко [7, с. 182–183], содержавшая сведения о низложении правительства и намерении Государственной думы встать во главе формирования новой власти. Данный факт подтверждается стенограммой допроса генерала Д. Н. Дубенского в ходе работы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в августе 1917 г. [8, с. 402]. Комендант свитского поезда Г. А. фон Таль в своих мемуарах также указал, что телеграмма Бубликова-Родзянко была получена в Лихославле [9, с. 182]. Однако еще более важной по своему значению и содержанию оказалась телеграмма поручика К. Ф. Грекова – революционного коменданта станции Петроград-Николаевский, упомина-

мая как минимум четырьмя очевидцами. В своих мемуарах генерал Д. Н. Дубенский сообщил ее краткое содержание: «Кроме того получена на одной из станций телеграмма от какого-то коменданта ст. Петроград сотника Грекова о “направлении литерных поездов А и Б (т. е. свитского и Царского) непосредственно в Петроград, а не в Царское Село через Тосно” <...> После получения этого тревожного известия мы, следовавшие в свитском поезде: генерал Цабель, барон Штакельберг, полковник Невдаров [В. Х. Невдахов. – Ю. Р.], подполковник Таль, чиновники канцелярии министерства Двора А. В. Суслов и я стали обсуждать вопрос как же реагировать на него» [10, с. 40–41].

Анализ воспоминаний Д. Н. Дубенского и его показаний на ЧСК не дал ответа на вопрос о месте и времени получения телеграммы. Несмотря на это, можно сделать довольно определенный вывод, что она была получена на отрезке пути между станциями Лихославль и Бологое. Однако единственную телеграмму от коменданта Николаевского вокзала Петрограда Грекова в опубликованных документах Февральской революции можно найти в разговоре по прямому проводу, состоявшемся 1 марта 1917 г. между генерал-квартирмейстером Ставки А. С. Лукомским и начальником штаба Западного фронта генералом М. Ф. Квещинским: «28/II. 1917. Из Петрограда. Ник. № 10465. Экстренно по всей линии начальствующим лицам службы движения, пути, тяги и телеграфа. По приказанию Временного Правительства, приказываю всем начальникам станций и почтово-телеграфных отделений Николаевской линии немедленно сообщать мне на имя военного коменданта Николаевского вокзала о всех, без изъятия, воинских поездах, составе и количестве людей и роде оружия, имеющих своим назначением Петроград (то же касается и всех поездов, груженных военными припасами), и не выпуская со своей станции данные поезда без соответствующего разрешения от имени Временного Правительства. Военный комендант Николаевского вокзала поручик Греков» [7, с. 183]. Именно этот текст привел в своих мемуарах комендант поезда Литера Б, подполковник фон Таль. В отличие от генерала Дубенского, который выразился очень неопределенно, барон фон Таль привел название станции, на которой была получена телеграмма под № 10465: «Прибытие в Вышний Волочек 9 ч. 45 м. вечера. От жандармского подполковника получили сведения, что Николаевский вокзал в Петрограде горит и что распоряжения

получаются от нового коменданта вокзала поручика Грекова. При этом показана мне следующая телеграмма...» [9, с. 182]. Несмотря на то что она не несла в себе угрозы в отношении литерных составов, данная телеграмма стала причиной совещания в свитском поезде.

Согласно мемуарам Г. А. фон Таля это он, а не генерал Дубенский являлся инициатором совещания. Несколько другим был и состав участников: «Признавая положение очень серьезным ввиду всех полученных мною сведений и опроса лиц, прибывших из Петрограда, и близости к столице, я решил, как комендант поезда Литера Б, следующего на 20 минут впереди собственного поезда Литера А, обсудить положение. Посему, как только мы отъехали от Вышнего Волочка в 9 часов 52 минуты вечера, я пригласил для этой цели к себе в купе генерала Цабеля, инженера Эртеля, барона Штакельберга и полковника Невуахова [В. Х. Невдахова. – Ю. Р.] и сказал им следующее: “Остановка императорского поезда и перемена его маршрута может быть сделана исключительно по приказанию дворцового коменданта, испрашивающего на то соизволения Государя Императора” <...> Общее мнение было, что необходимо сейчас же запросить дворцового коменданта, и генерал Цабель предложил передать мое донесение в собственный поезд через офицера собственного Его Величества Железнодорожного полка штабс-капитана Куна, находящегося по службе на следующей станции Бологое. Дворцовому коменданту я написал следующее донесение: “По слухам, получено распоряжение направлять литерные поезда из Тосно на Петроград Николаевский. Если действительно переезд на Гатчину будет закрыт, решим остановить поезд в Тосно. Прошу передать в Малую Вишеру Ваше приказание, зашифровав его шифром собственного Его Величества Железнодорожного полка, имеющимся у подателя сего. Подполковник Таль”» [9, с. 182–183]. В донесении фон Таля дворцовому коменданту В. Н. Воейкову не указан источник информации, а присутствует лишь фраза «по слухам».

Для прояснения ситуации с местом получения телеграммы на рис. 1 приведено расписание движения императорского поезда Литера А из фондов РГИА, которое было составлено путем рукописных исправлений предыдущего варианта со временем отправления из Могилева в 14.30 28 февраля. Поезд Литера Б двигался с часовым опережением [6, л. 258].

**МАРШРУТЪ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА**
отъ Могилева до Царскаго Села
въ Февраль—Мартъ 1917 года.

Стан- ция	Рассто- яние между станциями	СТАНЦИИ	Часы прибытия		Время стоянок		Часы отправления		Примечания
			час.	мин.	час.	мин.	час.	мин.	
Могилев	08	Могилев	5-00	00	—	—	5-10	00	28 февраля
Орша	47	Орша	5-47	00	0-10	—	6-57	00	" "
Красное	115	Красное	6-42	00	0-08	—	7-50	00	" "
Мостъ черезъ р. Березу	134	Мостъ черезъ р. Березу	6-50	00	0-08	—	8-58	00	" "
Смоленскъ	179	Смоленскъ	7-48	00	0-10	—	9-58	00	" "
Дорогобужъ	275	Дорогобужъ	8-43	00	0-10	—	10-53	00	" "
Мостъ черезъ р. Дятловъ	280	Мостъ черезъ р. Дятловъ	8-53	00	0-08	—	11-01	00	" "
Вязьма	344	Вязьма	9-41	00	0-10	—	12-51	00	" "
Ржевъ	460	Ржевъ	10-39	00	0-10	—	1-49	00	" "
Лихославль	587	Лихославль	11-37	00	0-10	—	2-47	00	" "
Бологое	700	Бологое	12-35	00	0-08	—	3-43	00	" "
Малая Вишера	848	Малая Вишера	1-12	00	0-08	—	4-10	00	" "
Тосно	950	Тосно	1-40	00	0-10	—	5-10	00	" "
Царское Село ИМП. в.	1018	Царское Село ИМП. в.	2-40	00	—	—	3-40	00	" "

Аннотация к маршруту
#12-33 Могилев-Орша
#34 Орша-Лихославль
#35, 36, 37, 38 Лихославль-Вязьма
#39, 40 Вязьма-Ржевъ

Рис. 1. Расписание поезда Литера А на 28 февраля – 1 марта 1917 г. [6, л. 4]

В приложении к воспоминаниям подполковника фон Тяля содержится «маршрут последнего вояжа императорских поездов» (рис. 2), который имеет значительные отличия от приведенного расписания в отношении времени прохождения станций.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Маршрут последнего вояжа Императорских поездов

Станция	28 февраля 1917 г.	29 февраля 1917 г.	1 марта 1917 г.
Могилев	4 ч утра	5 ч утра	—
Ржев	3 ч дня	6 ч дня	—
Лихославль	6 ч вечера	9 ч 30 м вечера	—
Вышний Волочек	9 ч 45 м вечера	10 ч 15 м вечера	—
Бологое	10 ч 50 м вечера	11 ч 10 м ночи	—
Мал. Вишера	1 марта	пр. 1 ч 55 м ночи	2 ч 10 м ночи
Мал. Вишера	—	от. 3 ч 55 м ночи	3 ч 35 м ночи
Бологое	—	7 ч утра	6 ч 40 м утра
Стар. Русса	—	1 ч 55 м дня	1 ч 35 м дня
Дно	—	4 ч 45 м дня	4 ч 25 м дня
Псков	—	пр. 7 ч 55 м вечера	7 ч 35 м вечера
Псков	3 марта	от. 2 ч 20 м ночи	2 ч ночи
Могилев	—	11 ч вечера	10 ч 40 м вечера

Рис. 2. Маршрут литерных поездов из воспоминаний Г. А. фон Тяля [9, с. 191]

По версии фон Тяля к станции Лихославль интервал между литерными поездами сократился на полчаса. Далее он якобы стал еще меньше, а прибытие поездов в Малую Вишеру разделило всего 15 минут. Однако в архивном деле из РГИА содержится телеграмма, поданная в инспекцию императорских поездов из Лихославля в 21.35. В соответствии с телеграм-

мой прибытие «собственного» поезда на эту станцию состоялось в 21.10: «Поезд Литер А прибыл Лихославль 9 час 10 мин своевременно и благополучно согласно новому расписанию. Поезд Литер Б часом ранее» [6, л. 152], то есть в 8 ч 10 мин. Подполковник ошибся на 10 минут в отношении поезда, комендантом которого он был, а в отношении Литеры А уже на 40 мин. Интервал остался прежним. Более того, остановка литерных составов в Вышнем Волочке не была запланирована. Никаких сведений о внештатных ситуациях в пути, которые привели бы к незапланированной остановке, фон Тяль не сообщил. В случае если остановка в Вышнем Волочке в действительности не осуществлялась, то логическая цепочка барона фон Тяля со временем совещания в 9 час 52 мин вечера, то есть до прибытия в Бологое, рушится, ибо телеграмма не могла быть доставлена в поезд и стать причиной этого совещания.

Для большей обоснованности выводов обратимся к расписаниям Царское Село – Могилев для литерных поездов на 22–23 февраля 1917 г., объединив их в таблицу 1.

Таблица 1. Маршрут Царское Село – Могилев поезда Литера А 22–23 февраля 1917 г. [6, л. 251, 253, 254]

Станции	Часы прибытия (ч.-мин.)	Время стоянок (ч.-мин.)	Часы отправления (ч.-мин.)	Примечания
Царское Село	—	—	2-00	дня 22 февраля
Тосно	3-40	0-10	3-50	" " "
Малая Вишера	5-40	0-08	5-48	" " "
Бологое	8-0	0-08	8-38	вечера 22 февраля
Лихославль	10-40	0-10	10-50	" " "
Ржев	1-53	0-08	2-01	ночи 22/23 февраля
Вязьма	5-00	0-10	5-10	" " "
Дорогобуж	6-57	0-10	7-07	утра 23 февраля
Смоленск	9-41	0-10	9-51	" " "
Мост ч-з р. Березу	11-02	0-10	11-12	" " "
Красное	11-41	0-08	11-49	" " "
Орша	1-05	0-10	1-15	дня 23 февраля
Могилев	3-00	—	—	" " "

Телеграммы, поданные в инспекцию о своевременном и благополучном прохождении этих станций, подтверждают строгое соблюдение вышеприведенного расписания [6, л. 89–110]. Исключением стало опоздание поезда Литера Б в Ржев на 10 минут, ликвидированное позднее. Из документов РГИА видно, что литерные поезда на Николаевской железной дороге совершили остановки на тех же самых станциях, что отмечены в расписании 28 февраля. Остановка в Вышнем Волочке не предусматривалась в обоих случаях. Прохождение этой станции свитским поездом относится к 9 ч 40 мин вечера [6, л. 258]. Вслед за фон Талем версию о Вышнем Волочке повторил генерал А. И. Спиридович, который не присутствовал при описываемых событиях, а за ним уже и современные исследователи. Кроме коменданта свитского поезда более ни один очевидец об этой станции не упоминает. Все стоянки были четко обусловлены необходимостью смены локомотивов при переходе с одной железной дороги на другую или при израсходовании ими запасов котельной воды и топлива. Расстояние между Вышним Волочком и станцией Бологое составляло всего 42 версты [11, с. 29]. Литерные поезда должны были пройти это расстояние за 42 минуты со средней скоростью 60 верст в час. Нарушать график и делать две остановки в таком коротком промежутке не было никакой необходимости.

На станции Бологое, по версии подполковника фон Таля, произошли следующие события: «Прибыв в Бологое в 10 ч. 50 м.¹, получил сведения от штабс-капитана Куна, что по всем данным станция Тосно занята мятежными войсками и проезд туда не безопасен, что охрана до Тосно стоит вооруженная, а дальше, вероятно, без оружия, и что, по сведениям приехавших из Петрограда, всех офицеров и нижних чинов там разоружают. Передав штабс-капитану Куну пакет на имя дворцового коменданта, я лично на словах просил передать генералу, что рискованно допустить литерные поезда до Тосно, так как, попав в руки мятежных войск, они силой могут быть направлены в Петроград, и что я очень прошу мне дать точные указания по телеграфу в Малую Вишеру, последнюю остановку перед Тосно» [9, с. 183].

Учитывая график движения, получить ответную телеграмму В. Н. Воейкова в поезде Литера Б могли лишь на станции, на которой

была запланирована следующая остановка – Малая Вишера, как об этом и просил фон Таль. Очередное доказательство, что расписание соблюдалось, а получение телеграмм происходило только во время стоянки поездов.

Несмотря на то что в архивном деле нет ни одной телеграммы о фактическом времени прохождения литерными поездами станций после Лихославля, на основании вышеизложенного следует вывод, что комендант поезда Литера Б скорректировал свои мемуары, в которых указывал, что телеграмма поручика Грекова была получена в Вышнем Волочке. Донесение коменданта свитского поезда для дворкома было оставлено первым и передано последнему в Бологом, а ответ по телеграфу генерал Воейков передал из Бологого в Малую Вишеру, расстояние между которыми составляло 148 верст. И этот путь оба поезда прошли без остановок, как и указано в расписании.

Генерал Дубенский в своих воспоминаниях писал, что телеграмма Воейкова, полученная в Малой Вишере, являлась ответом на письмо Дубенского профессору С. П. Федорову [10, с. 41]. Оно было процитировано председателем ЧСК Временного правительства Н. К. Муравьевым на допросе генерала Дубенского 9 августа 1917 г.: «Дальше Тосна поезда не пойдут. По моему глубокому убеждению, надо его величеству из Бологого повернуть на Псков (320 верст), и там, опираясь на фронт ген.-ад. Рузского, начать действовать против Петрограда. Там, в Пскове, скорей можно сделать распоряжение о составе отряда для отправки в Петроград. Псков – старый губернский город, население его не взволновано. Оттуда скорей и лучше можно помочь царской семье. – В Тосне его величество может подвергнуться опасности. Пишу считая невозможным скрыть; мне кажется, это мысль, которая в эту страшную минуту может помочь делу спасения государя и его семьи. Если мою мысль не одобрите – разорвите записку. Преданный Д. Дубенский» [8, с. 408].

О способе доставки письма адресату генерал в своих мемуарах сообщил следующее: «Письмо было передано одному из офицеров, который сошел с нашего поезда на ближайшей станции и дождался поезда собственного Его Величества и передал письмо лейб-хирургу С. П. Федорову. Часам к 12 ночи наш свитский поезд подошел к Бологому, где мы получили от генерала Воейкова ответную на мое письмо телеграмму такого примерно содержания: “во что бы то ни стало пробраться в Царское

¹ Согласно расписанию в 10 ч 22 мин

Село». Всех удивил этот ответ, некоторые из нас даже настаивали, чтобы задержаться в Бологом до подхода «собственного» поезда и еще раз переговорить с дворцовым комендантом, но, в конце концов, решили ехать дальше» [10, с. 41].

Генерал Дубенский не уточнил, на какой станции и в котором часу офицер сошел с поезда. Однако эти вопросы можно прояснить. Письмо было написано 28 февраля в 10 ч вечера, на что указал во время допроса председатель ЧСК. Согласно документам РГИА «свитский» поезд должен был прибыть в Бологое не к 12 ночи, как сообщил Дубенский, а в 22 ч 22 мин 28 февраля [6, л. 258]. На стоянку приходилось 8 минут, в 22.30 поезд должен был покинуть станцию. После Лихославля поезда должны были останавливаться в Бологом, Малой Вишере и Тосно. Письмо, написанное Дубенским в 10 часов вечера, могло попасть в поезд Литера А только во время его остановки в Бологом. Аргументом в пользу этого вывода служит свидетельство полковника А. А. Мордвинова, флигель-адъютанта Николая II, ехавшего в поезде Литера А, который дважды указал, что данное письмо было получено именно в Бологом [12, с. 100, 102]. Таким образом, офицер получил записку Дубенского на станции Бологое около 22 ч 22 мин, а через час передал ее в подошедший «собственный» поезд. Пассажиры поезда Литера Б на станции Бологое не могли получить ответ генерала Воейкова на записку Д. Н. Дубенского, поскольку она в этот момент не дошла до адресата. Историографу императора, профессиональной обязанностью которого была детальная фиксация событий, посредством искажения времени прохождения «свитским» поездом Бологого почти удалось создать версию, которая не выдерживает проверку на предмет достоверности того, что ответ дворкома на письмо, переданное профессору Федорову, был получен именно на этой станции. Напомним, что генерал Дубенский настаивал на движении на Псков, добраться до которого можно было именно через узловую станцию Бологое. Поэтому если определенные участники совещания действительно настаивали, чтобы задержаться в Бологом до подхода поезда Литера А, то эта позиция была отражением их убеждений, а не реакцией на телеграмму дворцового коменданта.

Заключение

Таким образом, пассажиры поезда Литера Б подполковник фон Таль и генерал Дубенский в

своих мемуарах допустили ряд существенных неточностей. Верификация воспоминаний указанных лиц указывает на то, что данные искажения носят признаки преднамеренной фальсификации. Зная, что санкционировать изменение маршрута императорских составов может только дворцовый комендант, свита из шедшего впереди поезда пыталась воздействовать на генерала Воейкова, ссылаясь лишь на непроверенные слухи. При этом ни в письме Дубенского Федорову, ни в донесении фон Таля дворцовому коменданту нет ни слова о телеграмме поручика Грекова, которая якобы содержала сведения об угрозе для царских составов. В вышеописанных событиях кроется первая попытка свиты из поезда Литера Б либо затормозить движение в Царское Село, либо изменить направление составов на Псков. Но поскольку аргументы были слишком неубедительными, то никто не осмелился взять ответственность за срыв утвержденного графика. Рассмотрение событий, произошедших ночью 1 марта 1917 г. на станции Малая Вишера, требует отдельного исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Щеголев, П. Е.* Последний рейс Николая Второго / П. Е. Щеголев. – М.; Л. : Госиздат, 1928. – 200 с.
2. *Спиридович, А. И.* Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. : в 3 кн. / А. И. Спиридович. – Нью-Йорк : Всеславян. изд-во, 1960–1962. – Кн. 3. – 1962. – 315 с.
3. *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 года / С. П. Мельгунов. – Париж : Éd. réunis, 1961. – 453 с.
4. *Исаев, А. В.* Императорский поезд. Хроника трех дней. 28 февраля – 2 марта 1917 года / А. В. Исаев. – СПб. : Алетей, 2023. – 248 с.
5. *Hasegawa, T.* The Last Tsar: The Abdication of Nicholas II and the Fall of the Romanovs / Tsuyoshi Hasegawa. – New York : Basic books, 2024. – 560 p.
6. О путешествии его величества е. в. имп. Николая II на театр военных действий в феврале 1917 г. // Российский государственный исторический архив. – Ф. 237. Оп. 1. Д. 815.
7. Ставка и революция: Штаб верховного главнокомандующего и революционные события 1917 – начала 1918 года: по документам Российского государственного военно-исторического архива : сборник документов : в 2 т. / Федеральное архивное агентство, Рос-

сийский государственный военно-исторический архив ; ответственный редактор: И. О. Гаркуша. 18 февраля – 18 июня 1917 / составители: М. В. Абашина [и др.]. – М. : Кучково поле, 2019. – 1142 с.

8. Допрос Д. Н. Дубенского. 9 августа 1917 года // Падение царского режима : стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства : в VII т. / ред. П. Е. Щеголева. – 2-е изд, испр. – М.; Л., 1924–1927. – Т. VI. – С. 373–415.

9. **Таль фон, Г. А.** Мемуары об отречении от престола Российского Государя Императора Николая II, записанные в дни, предшествовавшие и последующие этому событию, штаб-офицером для особых поручений при дворцовом коменданте подполковником фон Талем, как бывшим комендантом императорского поезда, в хронологической последовательности совершавшихся событий / Г. А. фон Таль; Публикация В. Шидловского; комментарии И. Л. Архипова // Звезда. – 2002. – № 10. – С. 178–194.

10. **Дубенский, Д. Н.** Как произошел переворот в России / Д. Н. Дубенский // Русская летопись : в 7 кн. – Париж, 1921–1925. – Кн. 3. – С. 11–111.

11. Поверстное расстояние между станциями железных дорог // Весь Могилев на Днепре : адрес-календарь. – Могилев, 1912. – С. 27–32.

12. **Мордвинов, А. А.** Отрывки из воспоминаний / А. А. Мордвинов // Русская летопись : в 7 кн. – Париж, 1921–1925. – Кн. 5. – С. 65–177.

Поступила в редакцию: 12.03.2025 г.

Контакты: krepkiy333@gmail.com (Паемский Юрий Алексеевич)

Rayemski, Y. A. THE INFLUENCE OF THE RETINUE OF EMPEROR NICHOLAS II ON THE ROUTE OF SPECIAL TRAINS ON FEBRUARY 28, 1917

Based on documents from the Russian State Historical Archive, the article verifies the memoirs of General D. N. Dubensky and Lieutenant Colonel G. A. von Tal — passengers of the Letter B train who accompanied Emperor Nicholas II on his final supreme journey from Mogilev to Malaya Vishera and Pskov, February 28 – March 1, 1917. The main focus is on substantiating the deliberate nature of the contradictions contained in the memoirs regarding the description of the events that took place between the Likhoslavl and Bologoye stations. The author concludes that both memoirists subjected their recollections to intentional revision.

Keywords: Supreme Commander's Headquarters, February Revolution, Emperor Nicholas II, retinue, telegram, special train, railway station, Mogilev, Likhoslavl, Bologoye.

УДК 347.254(476)

PROPERTY RIGHTS OF CITIZENS TO RESIDENTIAL PREMISES IN THE BYELORUSSIAN SSR

V. N. Burakov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Mogilev State A. Kuleshov University

The article provides a historical and legal analysis of the formation of the institution of citizens' property rights to residential premises in the Byelorussian SSR. In the period of 1917-1920, the institution of property rights was practically abolished. With the beginning of the new economic policy, the principles of socialist property rights of citizens to residential premises were formed, in which property ownership, use and disposal combined freedom and restrictions on the owner's powers under the conditions of the Soviet legal system

Key words: property rights, residential premises, civil law, private property, personal property, inheritance by law and will, purchase and sale of residential premises.

Introduction

Private property is the most important civil law institution that regulates public relations regarding the powers of a subject in relation to the property belonging to him. Private property to residential premises is of the most pressing importance, since it serves as a criterion for the standard of living of citizens and a condition for the emergence of civil law relations. The ability to own, use and dispose of one's residence implies the rights to buy and sell, donate, rent out, inherit, register and have other powers. Due to the high social significance of the institution of private property, the state guarantees the property rights of citizens to residence and its protection, which is a constitutional principle of the legal system.

As of January 1, 2024, the housing stock of the Republic of Belarus amounted to 273.6 million square meters, of which 187.2 million square meters (73%) was built during the Soviet period [1]. Today, 257.7 million square meters (94.2%) is in private ownership, while in 1991 this figure was about 30%.

It should be noted that the principles of property rights in the Republic of Belarus were formed during the Soviet period and remain largely valid today. Therefore, the development of the institution of citizens' property rights to residential premises in the Byelorussian SSR arouses interest.

Main Body

In the 19th – early 20th centuries, the housing stock was privately owned. Legal regulation of housing relations was carried out by the norms of civil legislation. The main sources were the provisions of the Code of Laws of the Russian Empire. In particular, the articles of Volume X of “Code of Civil and Land Survey Laws” and individual provisions of Volume XII of “Institutions and Statutes of Communications, Construction and Fire Regulations, Resolutions on Improvement in Cities and Villages” contained private law norms that affected the housing sphere.

The October Revolution of 1917 and the establishment of Soviet power in Russia led to radical changes in the society and state. The new socialist legal system was based on the Marxist-Leninist concept of eliminating the exploitation of man by man, private property and the establishment of public ownership of the means of production. Therefore, in the first years of Soviet power, there was a rejection of the norms of bourgeois law. It was assumed that the housing stock would be state-owned, in which the distribution of living space to those in need would take place administratively.

According to this concept, regulations on the creation of a state fund through the nationalization of houses and the settlement of needy workers in them were developed. In particular, already on October 30, 1917, the NKVD Decree “On the Rights of City Local Governments in Regulating the Housing Issue” allowed local authorities to municipalize empty residential premises and settle needy workers in them [2]. On December 14, 1917, the Decree prohibiting any transactions with real estate, including purchase and sale, pledge, donation, etc. was adopted [3].

In April 1918, the Decree “On the Abolition of Inheritance” was issued, which abolished inheritance both by law and by will. After the death of the owner, all his movable and immovable property became state property [4].

The Decree of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR “On the Abolition of Private Property Rights to Real Estate in

Cities” dated August 20, 1918 abolished private property rights to houses in cities with a population of over 10,000 people, the value of which exceeded the limit established by local authorities [5]. As a result, large houses with an area of over 113 square meters, as well as houses with rental apartments and houses of the bourgeoisie, were municipalized. Thus, a state housing stock was formed. Needy workers were moved into the municipalized houses, and their former owners received the right to live in them in accordance with the housing norm. Small houses that served as residence for their owners remained their private property.

This decree also prohibited building houses by citizens in large cities. The right to build in them was exclusively vested in local Soviets. Thus, for residents of settlements with a population of more than 10,000 people, another basis for the emergence of the property rights to residential premises was abolished – that of the construction of houses.

Thus, in the first years of Soviet power, the institution of citizens’ property rights to residential premises underwent radical changes and was practically abolished. Both the primary and secondary housing markets were banned. Some large houses were subject to municipalization. Owners of small residential buildings could not make civil law transactions with them. At the same time, the land on which the house was located was state property and was provided to the owner on the right of perpetual lease of the land plot for servicing the residential building. In this regard, the division of property into movable and immovable was abolished.

During the New Economic Policy of the 1920s, the socialist legal system underwent further transformation. The introduction of elements of a market economy necessitated a change in approaches to private property. In August 1921, the decree “On Granting Owners of Non-Municipalized Buildings the Right to Alienate Real Estate for a Compensation” permitted the secondary housing market [6]. Purchase and sale could be carried out provided that the buyer did not have two or more properties in his hands, and the seller could alienate no more than one property within 3 years.

In 1921–1922, decrees that allowed citizens to build housing in cities were adopted. However, the construction of houses was permitted on the basis of development rights, i.e. with the condition of a temporary use of the residential building and subsequent paid transfer to the state fund. During the 1920s, the term of the development agreement was repeatedly changed and by the end

of the decade it was presented as follows: the term of use of residential premises built on the basis of development rights was 60 years for wooden buildings and 80 years for stone buildings.

The change in the principles of the private property institution was enshrined in the Civil Code of 1922. Land was declared the property of the state and its ownership was permitted only on the basis of use rights. Article 52 of the section “Property Law” distinguished the following types of property: private, state and cooperative. The subject of private property could be non-municipalized buildings, household items, household and personal consumption items, and any property not withdrawn from private circulation [7].

An important regulatory act in the sphere of regulation of private property rights was the law «On the Main Private Property Rights Recognized by the RSFSR, Protected by its Law and Defended by the Courts of the RSFSR» of May 22, 1922, the effect of which was extended to the territory of the BSSR [8]. In the decree, the state guaranteed the property rights of citizens and their protection, including the property right to non-municipalized buildings. The law also provided homeowners with the opportunity to transfer the rent right to a land plot when selling a building and by inheritance.

Other provisions of this Decree concerned inheritance. The law guaranteed the right of inheritance by will for close relatives and by law. It was granted only to spouses and children within the limits of the total value of the inheritance up to 10,000 rubles. In March 1926, the limitation on the value of the inheritance was abolished. However, the possibility of inheritance remained only for close relatives and disabled dependents. Thus, the institution of inheritance of private property was restored.

In February 1923, the Council of People’s Commissars of the BSSR issued a decree “On the Conditions for Securing the Property Rights to Non-Municipalized Buildings”, which confirmed the legitimacy of transactions concluded before the October Revolution [9]. That is, the legal continuity of pre-revolutionary property rights was recognized. In the absence of the necessary documentation, the property rights could be confirmed in court.

Legal regulation of citizens’ property to residential premises combined both civil and administrative laws. In particular, in the conditions of the housing crisis, the state used part of the living space of houses that were privately owned. By NKVD Resolution No. 478 of November

14, 1921, owners of non-municipalized houses with an area of more than 91 square meters were obliged to transfer 10% of their residential property to the disposal of communal departments. In February 1925, local authorities were allowed to transfer from the private sector to the operational management of communal departments in regional cities from 10% to 30% of living space and in district towns - up to 10% of living space [10]. The law applied to houses whose living space exceeded 112 square meters, and from June 1928 – 50 square meters. As we can see, restrictions on property rights concerned not only the possibility of disposal, but also ownership and use.

Thus, during the 1920s, the institution of private property rights to residential premises was established in accordance with the principles of the socialist legal system. The rights to own, use and dispose of real estate operated within the framework of the restrictions of powers established by law.

Since the 1930s, Soviet civil legislation has used the concept of “personal property” instead of “private property” in relation to privately owned houses. The main reason for replacing the concepts was ideological in nature, since private property, in accordance with the Marxist-Leninist concept, was a condition for the exploitation of workers, profiteering, and unearned income. In socialist civil law, residential premises had a designated purpose and could only be used for the residence of citizens, i.e., they corresponded to the concept of “personal property”.

This provision was enshrined in the Constitution of the BSSR of 1937. According to Article 10 of the Basic Law, it was declared: “The personal property rights of citizens to their labor income and savings, to a residential building and subsidiary household, to household and everyday items, to personal consumption and convenience items, as well as the right to inherit personal property of citizens are protected by law”. Article 103 of the Law enshrined the principle of residence inviolability.

In the post-war period, the institution of personal property of citizens in residential premises was further developed in accordance with the principles of socialist law and Soviet ideology. A new phenomenon was the systematization of sub-branches of civil law and the codification of housing legislation.

In the sub-branch of inheritance law, the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of March 14, 1945 “On Heirs by Law and Will” granted citizens broad rights to dispose of personal property in the event of death. In particular, it was allowed to bequeath one’s

property not only in favor of relatives, but also in relation to third parties in the absence of heirs by law. The testator was also given the opportunity to bequeath property to relatives, without taking into account the order established by the legislator. The Civil Code of the Byelorussian SSR of 1964 introduced the principle of freedom of will (in favor of any person).

In the second half of the 1940s, laws in the sphere of individual housing construction and the purchase and sale of residential premises were adopted. The Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of August 26, 1948 “On the Right of Citizens to Purchase and Build Individual Residential Houses” established that “every citizen of the USSR has the right to purchase or build for themselves a residential house of one or two floors with a number of rooms from one to five inclusive, both in the city and outside the city (on the right of personal property).” This Decree abolished the principle of building houses on the right of development, and previously erected houses, regardless of the term of the contract, were recognized as the personal property of citizens.

In order to develop individual construction, by Resolution No. 3211 of the Council of Ministers of the USSR of August 26, 1948, “On the Procedure for Applying the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of August 26, 1948, “On the Right of Citizens to Purchase and Build Individual Residential Houses,” local executive and administrative bodies were required to allocate land plots for the construction of individual houses for perpetual use. The maximum sizes of these plots were established in cities – from 300 to 600 square meters; outside the city – from 700 to 1200 square meters.

The Civil Code of the BSSR of 1964 accumulated the achievements of socialist law in relation to property, which remained in effect throughout the Soviet period. The preamble to the Code stated: “Personal property is a derivative of socialist property and serves as one of the means of satisfying the needs of citizens. As we move toward communism, the personal needs of citizens will be increasingly satisfied at the expense of public funds”. The Code distinguished between two types of property: socialist and personal properties of citizens. Article 100 “The Right of Personal Property to a Residential House” declared that a citizen (including spouses living together and their minor children) may own a residential house (or part of it). In an apartment building of a housing-construction team of individual developers, spouses living together and their minor

children may have only one apartment. The maximum size of a residential house (or an apartment built by citizens in an apartment building) in the personal property of a citizen should not exceed 60 square meters of living space.

Also, the Civil Code of the BSSR of 1964 established a legal mechanism in the event that a citizen (spouse and minor children) had more than one house. In this case, the owner had the right to choose to keep any of these houses in his ownership, and with respect to the second house (apartment) was obliged to alienate it within one year. Thus, the legislator confirmed the specific status of residential premises as personal property of citizens – for personal satisfaction of the need for housing.

The Civil Code of the BSSR proclaimed the principles of disposal by the owner in relation to residential premises. Exchange and purchase and sale could be carried out in compliance with the rules established in Article 100 of the Code, and also on the condition that the owner did not sell more than one house or part of it within three years. At the same time, the price under the purchase and sale agreement was established by agreement of the parties. With regard to the institution of donation, the legislator only prescribed a written form of the agreement with mandatory notarization. The owner also had the right to rent out his residential premises for a fee that was determined by agreement of the parties, but not higher than the maximum rates established by law [11].

In the first half of the 1980s, housing legislation was codified. Based on the Resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 24, 1981, “Fundamentals of Housing Legislation of the USSR and Union Republics”, the Housing Code of the Byelorussian SSR was adopted in 1983. It systematized legislation in the field of housing law. Residential buildings and apartments owned by citizens continued to be considered personal property. The Code established the provision on the intended use of residential premises. It stated that a residential house or residential premises were intended only for the permanent residence of citizens and their family members. The provision of residential premises for industrial needs was prohibited. Owners had the rights to carry out individual construction, alienation, bequeath and rent out their residential premises on the terms and in the manner established by law.

In the second half of the 1980s, the legal system was reformed in accordance with the changes in the socio-political system of the USSR. The result of the renovation in the sphere of civil law was the adoption of the Law of the Republic of Belarus of December 11, 1990 “On Property in

the Republic of Belarus”, which restored the institution of private property. In accordance with the provisions of the normative act, the owner had the rights to own, use and dispose of the property belonging to him at his own discretion. For the construction and maintenance of residential buildings, citizens were provided with land for lifelong inheritable possession. Citizens could own residential buildings, summer cottages, garden houses. The tenant of residential premises in a state or public housing stock had the right to buy out the corresponding apartment or house. After acquiring the said property, the citizen had the rights to dispose of it at his own discretion – sell, bequeath, rent out, make other transactions with it [12]. Thus, the owner of the residential premises received the rights to dispose of his property at his own discretion without the consent of the authorities.

Conclusion

Thus, the institution of citizens' property rights to residential premises in the Soviet period of the history of Belarus in its development went through stages from abolition in the first years of Soviet power to the restoration and formation of a developed systematized institution within the framework of civil law, which combined the classical features of the continental legal system and the ideological principles of Soviet society. The rights of ownership, use and disposal were in effect with certain restrictions, which determined the special legal status of residential premises.

It should be noted that some of these restrictions on property rights to residential premises remain effective in modern legislation. In particular, residential premises, regardless of the form of ownership, have a designated purpose and can only be used for the residence of citizens. Inheritance law contains categories of persons who have a mandatory share in the inheritance regardless of the testator's will. When making civil law transactions with residential premises, the legislator obliges to take into account the rights of the spouse and minor children, which restricts the powers of the owner.

LIST OF REFERENCES

1. О Концепции государственной жилищной политики Республики Беларусь до 2030 года ; постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 7 марта 2025 г. № 144 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 1.04.2025) (ETALON: information retrieval system (date of access: 01.04.2025)).
2. О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса : По-

становление НКВД РСФСР от 30 окт. 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1917. – № 1. – Ст. 14. (“On the Rights of City Local Governments in Regulating the Housing Issue”, the NKVD Decree of October 30, 1917)

3. О запрете сделок с недвижимостью : Декрет Совета нар. комиссаров РСФСР от 14 дек. 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1917. – № 10. – Ст. 154. (“On the Abolition of Transactions with Real Estate”, the Decree of December 14, 1917)

4. От отмене наследования : Декрет Всероссийского центр. исполнит. комитета РСФСР от 27 апр. 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1918. – № 34. – Ст. 456. (“On the Abolition of Inheritance”, the Decree of Central Executive Committee of the RSFSR of April 1918)

5. Об отмене права частной собственности на недвижимости в городах : Декрет Всероссийского центр. исполн. комитета от 20 авг. 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1918. – № 62. – Ст. 674. (“On the Abolition of Private Property Rights to Real Estate in Cities”, the Decree of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR of August 20, 1918)

6. О предоставлении собственникам немунципализированных строений права возмездного отчуждения недвижимого имущества : Декрет Совета нар. комиссаров РСФСР от 8 авг. 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1921. – № 60. – Ст. 410. (“On Granting Owners of Non-Municipalized Buildings the Right to Alienate Real Estate for a Compensation”, the Decree of August 8, 1921)

7. Гражданский кодекс БССР (с изменениями и дополнениями по 10 июня 1927 г.). – Минск : Изд-во п/отдел законодат. предлож. НКЮ, 1927. – 113 с. (the Civil Code of the BSSR of June 10, 1927)

8. Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР : Декрет Всероссийского центр. исполн. комитета от 22 мая 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1922. – № 36. – Ст. 423. (“On the Main Private Property Rights Recognized by the RSFSR, Protected by its Law and Defended by the Courts of the RSFSR” of May 22, 1922)

9. Об условиях закрепления права собственности на муниципализированные строения : Постановление Совета нар. комиссаров

ССРБ от 9 фев. 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства ССРБ. – 1923. – № 3. – Ст. 34. (“On the Conditions for Securing the Property Rights to Non-Municipalized Buildings”, the Decree of February 9, 1923)

10. О передаче в распоряжение коммунальных частей жилой площади немунципализированных строений : Постановление Центр. исполнит. комитета и Совета нар. комиссаров БССР от 1 фев. 1925 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1925. – № 9. – Ст. 79. (On the Transfer of Part of the Residential Area of Non-Municipalized Buildings to the Disposal of Communal Departments: Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People’s Commissars of the BSSR of February 1, 1925)

11. Гражданский кодекс Белорусской ССР : принят Верховным Советом БССР 11 июня 1964 г. – Минск : Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 2025. – 147 с. (the Civil Code of the BSSR of June 11, 1964)

12. О собственности в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 11 дек. 1990 г. № 457-XII // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 1.02.2025). (“On Property in the Republic of Belarus”, the Law of the Republic of Belarus of December 11, 1990) // ETALON: information retrieval system (date of access: 01.02.2025)

Received by the editors on 19.05.2025

Contacts: burakov@m.msu.by (Burakov Viktor Nikolaevich)

Бураков В. Н. ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ В БЕЛОРУССКОЙ ССР

В статье проведен историко-правовой анализ формирования института права собственности граждан на жилое помещение в Белорусской ССР. В период 1917–1920 гг. институт права собственности был практически упразднен. С началом новой экономической политики были сформированы принципы социалистического права собственности граждан на жилое помещение, в котором владение, пользование и распоряжение, в условиях советской правовой системы, сочетало свободу и ограничения правомочий собственника.

Ключевые слова: право собственности, жилое помещение, гражданское право, частная собственность, личная собственность, наследование по закону и завещанию, купля-продажа жилого помещения.

К ВОПРОСУ О СИНКРЕТИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ В МЕЗОЛИТЕ БЕЛОРУССКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ КОРРЕЛЯЦИИ ДАННЫХ

А. В. Колосов

кандидат исторических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена рассмотрению результатов корреляции данных по памятникам локальных синкретических культур, выделенных для мезолита Белорусского Поднепровья в 1970–1980-е гг. Объектом исследования выступили опубликованные сведения по сожской и днепро-деснинской культурам. Оценка степени сходства материалов этих культур позволила проверить достоверность концепции синкретических культур.

Ключевые слова: мезолит, Белорусское Поднепровье, синкретические культуры, сожская культура, днепро-деснинская культура.

Введение

Для мезолита Белорусского Поднепровья проблема взаимодействия древнего населения остается вполне актуальной, а после выделения здесь в 1970–1980-е гг. своеобразных локальных культур (сожской и днепро-деснинской) тема культурного взаимодействия стала предметом острых научных дискуссий. Это связано не только с тем, что один и тот же круг источников разными исследователями интерпретировался по-разному, но и различным пониманием природы его происхождения [1, с. 15–37; 2, с. 53–105; 3, с. 48–58; 4; 5, с. 11–15; 6, с. 55–67; 7, с. 58–72; 8, с. 40–59].

На первый взгляд, казалось, что идея о локальных культурах в мезолите Восточной Беларуси находит свое логическое обоснование. Понятие «сожская культура» отражало состояние накопленной к началу 1990-х гг. источниковой базы, поскольку именно в Посожье, как отмечал В. Ф. Копытин, были получены достаточно выразительные коллекции, позволившие выделить и дать характеристику этому культурному явлению позднего мезо-

лита [3, с. 48–58; 6, с. 55–67]. Предложенное В. П. Ксензовым понятие «днепро-деснинская культура» по хронологическому и территориальному охвату оказалось шире. Оно не ограничивалось только памятниками Посожья, которые являлись восточным анклавом днепро-деснинских древностей, но демонстрировало локальное своеобразие мезолита Верхнего Поднепровья с включением бассейнов Березины на западе, низовьев Припяти на юге и Средней Десны на юго-востоке [2, с. 53–105; 4; 5, с. 11–15; 8, с. 40–59].

Однако в начале 1990-х гг. единство собранных материалов стало вызывать сомнения, в том числе и у самих авторов концепции сожского и днепро-деснинского мезолита [3, с. 47; 4, с. 70]. В материалах основной части памятников (Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Гренск, Красновка-1Б, Рекорд, Речица-2; не исключались также стоянки Горки, Коромка и Печенеж) наблюдались либо примеси других культур, правда, не связанных с финальным палеолитом и мезолитом, либо констатировался факт неоднократного заселения мест обитания мезолитических охотников.

В 2000-е гг. идея о существовании в мезолите Белорусского Поднепровья культур с синкретическими комплексами и вовсе была подвергнута критике [9, с. 125, 127, 141; 10; 11]. Она была вызвана недоверием к источникам, большая часть которых являлась примером механической смешанности разнокультурных материалов.

В настоящей статье предлагается еще раз обратить внимание на проблему локальных синкретических культур в мезолите Белорусского Поднепровья. Основу исследования составляют результаты корреляции данных по сожской и днепро-деснинской культурам, что позволит проверить достоверность концепций, характеризующих своеобразие мезолитической эпохи отдельного региона. В стороне будет оставлено рассмотрение вопросов истории выделения и источниковедческой надежности материалов этих культур, что нашло свое отражение в ряде публикаций [9, с. 125, 127, 141; 10; 11].

© Колосов А. В., 2025

Работа выполнена в рамках задания «Мезолит междуречья Днепра и Сожа: локальные различия, хронология и периодизация памятников» государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы.

Основная часть

Оценка степени сходства данных по памятникам сожской/днепро-деснинской культур нами осуществлялась на основе метода Брейнерда–Робинсона [12] с уточнениями В. Ф. Геннинга [13] и дополнительно верифицировалась с помощью коэффициента корреляции Пирсона на базе программного обеспечения Excel.

Метод Брейнерда – Робинсона применялся и ранее для оценки степени сходства мезолитических памятников Верхнего Поднепровья. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. В. Ф. Копытин на основе составленной им матрицы типов и их вариантов орудий [14] определил степень сходства и различий кремневого инвентаря раскопанных на юго-востоке Беларуси стоянок [15, с. 50]. Данные были обработаны с помощью ЭВМ и показывали устойчивые связи между памятниками, что позволило говорить о культурном единстве мезолита, особенно в Посожье. В 1980-е – начале 1990-х гг. метод Брейнерда – Робинсона был также использован Л. Л. Зализняком для сравнения материалов мезолитических памятников Восточной и Центральной Европы [16, с. 69–81; 17, с. 5–10].

Прежде чем приступить к процедуре сравнительного анализа сожской/днепро-деснинской культур, нам необходимо было сделать ряд важных допущений. Во-первых, мы должны были допустить гомогенность сравниваемых материалов, а во-вторых, принять во внимание данные по статистике и типологическому составу коллекций сожских/днепро-деснинских памятников, представленные в интерпретации самих авторов. Количественный состав находок некоторых памятников (Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Горки, Латки) был уточнен нами в ходе работы с коллекционными материалами.

Предстояло также решить следующие задачи: 1) выделить те существенные признаки (культурные маркеры), на основании которых будет проводиться оценка степени сходства материалов и 2) четко определить число памятников сожской/днепро-деснинской культур, которые будут подвергнуты сравнению.

Для решения данных задач вначале нами была проведена группировка материалов по типам тех орудий, которые признавались самими авторами сожской/днепро-деснинской культур наиболее значимыми для их идентификации (таблица 1). Сравнение данных по всем находкам кремневого инвентаря, особенно тех, которые характеризуют хозяйственную специфику памятника (скребки, резцы, проколки, остря, изделия с выемкой и т.д.) и распространены в достаточно широком времен-

ном и культурном диапазонах, могло привести к некорректным результатам.

Следующий этап предусматривал выборку памятников для сравнения. Первоначально, как это показывает таблица 1, мы сгруппировали данные по орудиям 32 памятников сожской/днепро-деснинской культур. Их количественный состав оказался неоднородным – от 1 находки на стоянках Залесье-4, Красновка-1А, Королёва Слобода, Новый Быхов и др. до 94 – в Горках. При проведении анализа в расчет были приняты коллекции, содержащие от 10 и более находок, что позволило свести к минимуму случайный характер связей. В итоге в матрице для сравнения осталось 12 памятников (таблица 2).

Далее, в соответствии с принятой методикой, данные по количеству находок были переведены в проценты с условием, что в сумме по каждому из памятников они дадут 100% (таблица 3). Затем определялась степень сходства между анализируемой парой комплексов. Полученные результаты были занесены в таблицу 4, в которой выделены группы близких по показателям сходства памятников. Аналогичная процедура, только в автоматическом режиме с помощью программы Excel, была проделана с использованием коэффициента корреляции Пирсона. Ее результаты сведены в таблицу 5. Для удобства работы с данными разрядность числа показателей сходства таблицы 4 по методу Брейнерда – Робинсона была увеличена до сотых значений. Полученные результаты легли в основу построения корреляционных плеяд (рис. 1–2), которые наглядно демонстрируют связи между памятниками.

При определении степени сходства в расчет принимаются расстояния от 1 до –1. Значения, которые стремятся к единице, являются показателями прямой (1) или обратной (–1) зависимости между сравниваемыми значениями, т.е. в нашем случае говорят о степени соответствия между сравниваемыми комплексами. Значения, превышающие 60% между сравниваемыми памятниками (в нашем случае 0,60), считаются заметным показателем сходства [16, с. 69–81; 17, с. 5–10].

Теперь обратим внимание на результаты проведенного анализа. По степени сходства обе корреляции дают разбивку материала на группы памятников, с той лишь только разницей, что в корреляции по методу Брейнерда – Робинсона сильные связи проявляют стоянки Аврамов Бугор – Клины-2 – Горюдок-4 – Бабулин Бугор (назовем условно эту группу Аб–К–Г–Бб), а в корреляции по коэффициенту Пирсона на первый план выступают

стоянки Горки – Баркалабово – Латки (группа Г–Б–Л). С группой Г–Б–Л в обеих корреляциях хорошо согласуется еще одно соотношение памятников – Береговая Слобода – Журавель (группа Бс–Ж), подчеркивая, таким образом, единство двух этих групп. Это единство обнаруживает связь с группой памятников Аб–К–Г–Бб. Только по методу Брейнерда – Робинсона она устанавливается через соотношение между стоянками Береговая Слобода и Бабулин Бугор, а в корреляции Пирсона – Горки–Аврамов Бугор.

В корреляции Пирсона особняком стоит стоянка Городок. Она проявляет слабые связи (в пределах 0,55–0,57) со стоянками первой и второй групп – Горки, Баркалабово и Аврамов Бугор. Стоянки Городище-2 и Гливин, демонстрирующие видимое сходство между собой, не коррелируются с другими памятниками. По методу Брейнерда – Робинсона мы наблюдаем другую картину. Стоянки Городок и Городище-2 (группа Г–Г2) хорошо коррелируются с группой Аб–К–Г–Бб посредством связи между Городком и Аврамовым Бугром, т.е. здесь также наблюдается видимое сходство между памятниками.

Таким образом, в составе сожской/днепро-деснинской культур можно выделить две основные группы памятников (рис. 1–2). Одна из них – это группа Г–Б–Л+Бс–Ж. Она коррелируется в первую очередь по находкам постсвидерских и симметричных наконечников стрел. Сходство второй группы Аб–К–Г–Бб+Г–Г2 (по методу Брейнерда – Робинсона), кроме наконечников стрел, определяется еще по вкладышам, среди которых значимое место занимают изделия геометрических форм – трапеции.

Различие между памятниками этих двух групп может объясняться разницей в их хронологии, что, собственно, соответствует логике концепции днепро-деснинской культуры, предложенной В. П. Ксензовым. Ранними здесь, видимо, выступают памятники, для которых не характерны геометрические микролиты (группа Г–Б–Л+Бс–Ж). Поздняя группа Аб–К–Г–Бб+Г–Г2, наоборот, красноречиво свидетельствует о распространении геометрических микролитов. Их единичные формы зафиксированы только на стоянках Горки и Береговая Слобода, что может говорить либо о случайном характере этих находок, либо отражать культурную специфику, связанную с появлением геометрических микролитов. При этом стоянки Городок и Городище-2 (по методу Брейнерда – Робинсона) демонстрируют некоторую специфику: в их комплексах широко представлены черешковые асимметричные наконечники, но отсутствуют постсвидерские

формы на стоянке Городище-2 и симметричные наконечники в Городке.

Теперь обратим внимание на то, насколько действительно полученные корреляции согласуются с концепциями сожской/днепро-деснинской культур. На первый взгляд, как уже отмечалось ранее, обе корреляции показывают видимое сходство памятников между собой и ближе всего стоят к концепции днепро-деснинской культуры. Однако при сравнении результатов анализа с теми интерпретациями, которые предлагали авторы сожской/днепро-деснинской культур, наблюдается очевидное расхождение. Например, в первую группу Г–Б–Л+Бс–Ж попали памятники как раннего, так и позднего этапов днепро-деснинской культуры, по версии В. П. Ксензова. В этой группе, как видим, оказалась стоянка Журавель, которая хорошо коррелируется с концепцией сожской культуры В. Ф. Копытина, но никак с днепро-деснинской. Стоянка Журавель относилась В. П. Ксензовым к числу памятников второго (пребореал – бореал) этапа гренской культуры [5, с. 10].

Распределение памятников также не согласуется с идеей о существовании в днепро-деснинской культуре «двух территориальных групп – западной (бассейн Березины) и восточной (бассейны Днепра и Сожа)» [5, с. 15]. Памятники обеих групп хорошо коррелируются между собой. Более того, сильные связи демонстрируют стоянки Городок-4 (бассейн Березины, западная группа) и Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Клины-2 (бассейн Сожа, восточная группа). По методу Брейнерда – Робинсона посожские памятники дают еще и устойчивую связь со стоянками Городище-2 (Березина) и Городок (бассейн Западной Двины). Что же касается концепции сожской культуры, памятники которой выступали единым культурным монолитом для характеристики позднего мезолита Верхнего Поднепровья, то их группировка на основании проведенных корреляций также показывает несоответствие. В данном случае речь может идти как о хронологических, так, видимо, и локальных различиях между стоянками этой культуры.

Заключение

Возможность кросс-культурных контактов в мезолите Белорусского Поднепровья исключать нельзя, однако в археологическом плане их доказать не так просто. Идея о заимствовании готовых форм орудий, в первую очередь наконечников стрел, как это отмечали сторонники концепции сожской/днепро-деснинской культуры, не может служить веским

аргументом взаимодействия мезолитического населения. Как таковой трансформации известных ранее культурных форм в кремневом инвентаре сожских/днепро-деснинских памятников мы не наблюдаем. Мы видим только присутствие орудий, для производства которых продолжали использоваться абсолютно разные по своему содержанию технологии «культур-предшественников» – свидерской и лингбийской в составе днепро-деснинской культуры, свидерской и гренокской – в сожской. Присутствие каких-либо «метисных» технологий или форм орудий [9, с. 136–142; 18, р. 190], которые, возможно, и являлись бы доказательством культурного взаимодействия, не обнаружено. Единственной новацией для обеих культур можно было бы считать распространение геометрических микролитов – трапеций, но и в данном случае речь шла исключительно о культурных заимствованиях и влияниях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Калечиц, Е. Г.** Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Мн. : Наука и техника, 1987. – 158 с.
2. **Ксензов, В. П.** Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В. П. Ксензов. – Мн. : Наука и техника, 1988. – 134 с.
3. **Копытин, В. Ф.** Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. – Могилев : МОУТ, 1992. – 86 с.
4. **Ксензов, В. П.** Мезолитическая днепро-деснинская культура / В. П. Ксензов // Гістарычна-археалагічны зборнік : зб. навук. арт. / ІГ АНБ. – Мн., 1994. – № 5. – С. 61–86.
5. **Ксензов, В. П.** Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси / В. П. Ксензов // Российская археология. – 1997. – № 1. – С. 5–20.
6. **Археалогія Беларусі : у 4 т. / рэдкал. : М. В. Біч (гал. рэд.) [і інш.].** – Мн. : Беларуская навука, 1997. – Т. 1 : Каменны і бронзавы вякі / Э. М. Зайкоўскі [і інш.]. – 424 с.
7. **Калечиц, Е. Г.** Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е. Г. Калечиц. – Мн. : Экоперспектива, 2003. – 223 с.
8. **Ксензов, В. П.** Мезолит Северной и Центральной Беларуси / В. П. Ксензов. – Мн. : ИИ НАНБ, 2006 – 158 с. (МАНБ ; вып. 13).
9. **Сорокин, А. Н.** Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы / А. Н. Сорокин. – М. : Наука, 2002. – 251 с.
10. **Колосов, А. В.** История изучения и проблемы историографии сожской мезолитической

культуры / А. В. Колосов // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – 2005. – № 4. – С. 8–14.

11. **Колосов, А. В.** К вопросу о локальных культурах «свидерских традиций» в мезолите Восточной Беларуси / А. В. Колосов // Вестник ПГУ. Серия А. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 11–18.

12. **Ковалевская, В. Б.** Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала / В. Б. Ковалевская, И. Б. Погожев, А. И. Погожева (Кусургашева) // Советская археология. – 1970. – № 3. – С. 26–38.

13. **Генинг, В. Ф.** Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок / В. Ф. Генинг // Советская археология. – 1973. – № 1. – С. 114–136.

14. **Копытин, В. Ф.** Мезолит Юго-Восточной Белоруссии / В. Ф. Копытин // КСИА. – М., 1977. – Вып. 149. – С. 60–65.

15. **Копытин, В. Ф.** Поздний мезолит Пolesья / В. Ф. Копытин // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. – Л. : ЛОИА, 1983. – С. 44–51.

16. **Зализняк, Л. Л.** Мезолит Юго-Восточного Полесья / Л. Л. Зализняк. – Киев : Наукова думка, 1984. – 120 с.

17. **Зализняк, Л. Л.** Население Полесья в мезолите / Л. Л. Зализняк. – Киев : Наукова думка, 1991. – 160 с.

18. **Migal, W.** On preferential points of the Final Paleolithic in the Central European Lowland / W. Migal // Studies in the Final Paleolithic Settlement of the Great European Plain / M. Kobusiewicz & J. Kabaciński, eds. – Poznań : IAI PAN, 2007. – P. 185–200.

Поступила в редакцию 16.04.2025 г.

Контакты: kolosov_arc@mail.ru (Колосов Александр Владимирович)

Kolosov A. V. ON THE ISSUE OF SYNCRETIC CULTURES IN THE MESOLITHIC OF THE BELARUSIAN DNIEPER REGION: DATA CORRELATION RESULTS

The article examines the results of correlating data from the monuments of local syncretic cultures identified for the Mesolithic of the Belarusian Dnieper region in the 1970s and 1980s. The object of the study includes the published data on the Sozh and Dnieper-Desna cultures. An assessment of the degree of similarity of the materials of these cultures made it possible to verify the reliability of the concept of syncretic cultures.

Keywords: the Mesolithic, Belarusian Dnieper region, syncretic cultures, Sozh culture, Dnieper-Desna culture.

Таблица 1 – Количественное распределение микролитов на памятниках сожской и днепро-деснинской культур [1–3; 5; 7; 8] с уточнениями автора

Памятники Типы орудий	Бассейн р. Березина										Бассейн р. Днепр						Бассейн р. Сож						Бассейн р. Бесель			Бассейн р. Десна						Подвиги	Всего, ед.
	Глинин	Городище 2	Городок 4	Королева Слобода	Красновка 1А	Михайловка	Петровичи	Стасевка	Чижиха	Баркалатово	Береговая Слобода	Нераж (Рдница)	Новый Выхов	Раска	Таймоново	Шихов	Горки	Журавель	Клины 2	Робы	Латки	Аврамов Бугор	Бабулин Бугор	Печенеж	Балка 1	Бор	Залесье 4	Смячка 14	Смячка 14А	Смячка 14Г	Городок		
Наконечники поствидерские	–	–	7	–	–	2	1	–	–	10	14	2	1	1	2	–	71	2	4	–	14	15	9	–	4	–	–	2	1	–	–	3	165
	3	1	1	–	1	2	–	1	–	–	16	–	–	1	–	2	12	6	–	1	8	2	13	4	–	2	1	1	–	–	–	78	
	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	6	–	–	1	1	1	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	15	
	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	
Наконечники гренского типа	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	
	–	3	–	–	–	–	–	–	3	–	3	–	–	4	–	–	6	2	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	3	26	
	39	4	1	–	–	–	–	–	1	–	3	–	–	–	–	–	2	–	5	–	10	4	2	–	–	–	–	–	–	–	2	73	
	2	1	9	–	2	–	1	–	–	3	–	–	–	1	–	–	1	–	6	–	–	11	20	–	–	–	–	–	1	1	1	59	
Сегменты (?)	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	
	45	12	17	1	1	6	1	2	4	10	47	2	1	9	3	3	94	11	15	1	22	38	46	8	4	2	1	3	1	1	10	421	

Примечания: 1) полужирным шрифтом выделены памятники раннего этапа днепро-деснинской культуры; 2) на стоянках Аврамов Бугор, Бабулин Бугор и Клины-2 сведения о геометрических микролитах включены Е. Г. Калечиц в группу «трапеции, вкладыши» [1, с. 35]; 3) на стоянке Городище-2, по данным В. П. Ксензова, один из микролитов «близок к сегментам» [2, с. 76; рис. 47:11]; 4) количество наконечников стрел на стоянке Горки уточнены нами в ходе анализа материалов памятника.

Таблиця 2 – Количественное распределение микролитов с выборкой памятников сожской и днепро-деснянской культур

Памятники Типы орудий	Гливин	Городище-2	Городок-4	Баркалатово	Береговая Слобода	Горки	Журавель	Клины-2	Латки	Аврамов Бугор	Бабулин Бугор	Городок	Всего, ед.
Наконечники постсвидерские	–	–	7	10	14	71	2	4	14	15	9	3	149
Наконечники черешковые симметричные	3	1	1	–	16	12	6	–	8	2	13	–	62
Наконечники черешковые асимметричные	–	2	–	–	6	2	1	–	–	–	–	1	12
Наконечники с боковой выемкой	1	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	3
Пластинки со скошенным концом	–	3	–	–	3	6	2	–	–	–	–	3	17
Пластинки с затупленным краем	39	4	–	–	3	2	–	5	–	10	4	2	69
Трапеции	2	1	9	–	3	1	–	6	–	11	20	1	54
Сегменты (?)	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Всего, ед.	45	12	17	10	47	94	11	15	22	38	46	10	367

[illegible][illegible]

Таблиця 4 – Сходство пам'яток сожської і дніпро-деснянської культур на основі порівняльного аналізу по методу Брейнерда–Робінсона

Пам'ятники	Аврамов Бугор	Клини-2	Городок-4	Бабулин Бугор	Горки	Латки	Баркалабово	Берегова Слобода	Журавель	Городок	Городище-2	Гливин
Аврамов Бугор	–	0,83	0,74	0,64	0,47	0,44	0,39	0,47	0,23	0,60	0,39	0,35
Клини 2	0,83	–	0,67	0,69	0,30	0,27	0,27	0,39	0,18	0,57	0,41	0,37
Городок 4	0,74	0,67	–	0,69	0,48	0,47	0,41	0,42	0,24	0,40	0,14	0,10
Бабулин Бугор	0,64	0,69	0,69	–	0,36	0,48	0,20	0,60	0,46	0,39	0,25	0,20
Горки	0,47	0,30	0,48	0,36	–	0,77	0,76	0,54	0,39	0,41	0,19	0,09
Латки	0,44	0,27	0,47	0,48	0,77	–	0,64	0,64	0,54	0,30	0,08	0,07
Баркалабово	0,39	0,27	0,41	0,20	0,76	0,64	–	0,30	0,18	0,30	0	0
Берегова Слобода	0,47	0,39	0,42	0,60	0,54	0,64	0,30	–	0,67	0,58	0,39	0,19
Журавель	0,23	0,18	0,24	0,46	0,39	0,54	0,18	0,67	–	0,45	0,35	0,07
Городок	0,60	0,57	0,40	0,39	0,41	0,30	0,30	0,58	0,45	–	0,60	0,24
Городище 2	0,39	0,41	0,14	0,25	0,19	0,08	0	0,39	0,35	0,60	–	0,44
Гливин	0,35	0,37	0,10	0,20	0,09	0,07	0	0,19	0,07	0,24	0,44	–

Примечание: в рамках и полужирным шрифтом выделены наиболее устойчивые связи между памятниками

Таблиця 5 – Сходство пам'яток сожской и днепро-деснянской культур с использованием линейного коэффициента корреляции Пирсона (на основе программы Excel)

Пам'ятники	Горки	Баркалабово	Латки	Аврамов Бугор	Клины-2	Городок-4	Бабулин Бугор	Береговая Слобода	Журавель	Городище-2	Гливин	Городок
Горки	–	0,99	0,92	0,64	0,31	0,52	0,27	0,69	0,31	–0,35	–0,16	0,57
Баркалабово	0,99	–	0,86	0,66	0,35	0,54	0,21	0,57	0,14	–0,38	–0,15	0,56
Латки	0,92	0,86	–	0,53	0,20	0,45	0,40	0,88	0,60	–0,41	–0,18	0,34
Аврамов Бугор	0,64	0,66	0,53	–	0,93	0,80	0,66	0,36	–0,06	0,13	0,35	0,55
Клины 2	0,31	0,35	0,20	0,93	–	0,75	0,67	0,08	–0,25	0,34	0,49	0,44
Городок 4	0,52	0,54	0,45	0,80	0,75	–	0,82	0,31	–0,01	–0,15	–0,19	0,31
Бабулин Бугор	0,27	0,21	0,40	0,66	0,67	0,82	–	0,48	0,34	0,03	0	0,06
Береговая Слобода	0,69	0,57	0,88	0,36	0,08	0,31	0,48	–	0,84	–0,21	–0,13	0,22
Журавель	0,31	0,14	0,60	–0,06	–0,25	–0,01	0,34	0,84	–	–0,08	–0,20	0,03
Городище 2	–0,35	–0,38	–0,41	0,13	0,34	–0,15	0,03	–0,21	–0,08	–	0,67	0,45
Гливин	–0,16	–0,15	–0,18	0,35	0,49	–0,19	0	–0,13	–0,20	0,67	–	0,22
Городок	0,57	0,56	0,34	0,55	0,44	0,31	0,06	0,22	0,03	0,45	0,22	–

Примечание: в рамках и полужирным шрифтом выделены наиболее устойчивые связи между памятниками

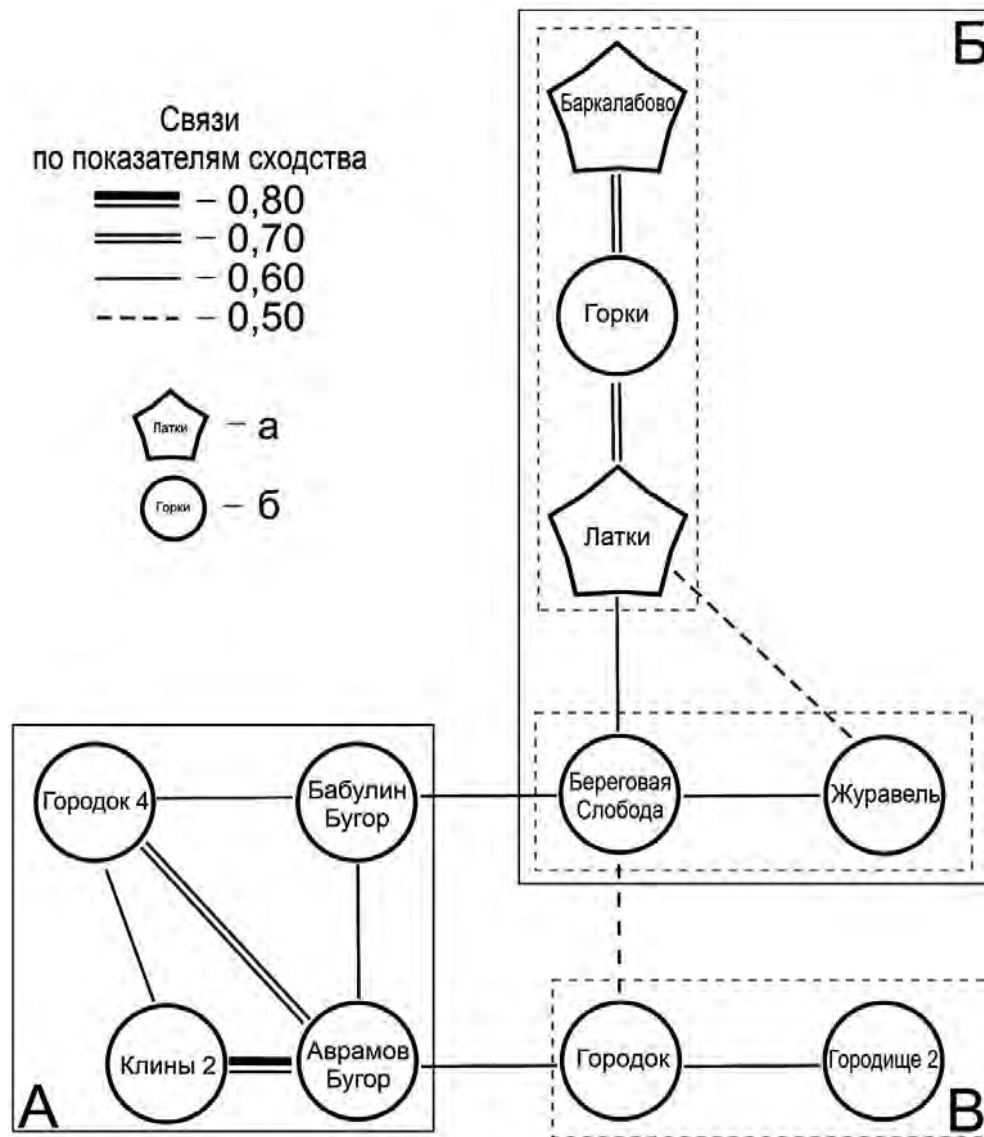

Рисунок 1 – Корреляційна плеяда сходства пам'яток сожської і днепродеснинської культур по методу Брейнерда – Робінсона: А, Б, В – групи пам'яток; а – пам'ятники раннього етапу днепродеснинської культури; б – пам'ятники пізнього етапу днепродеснинської культури

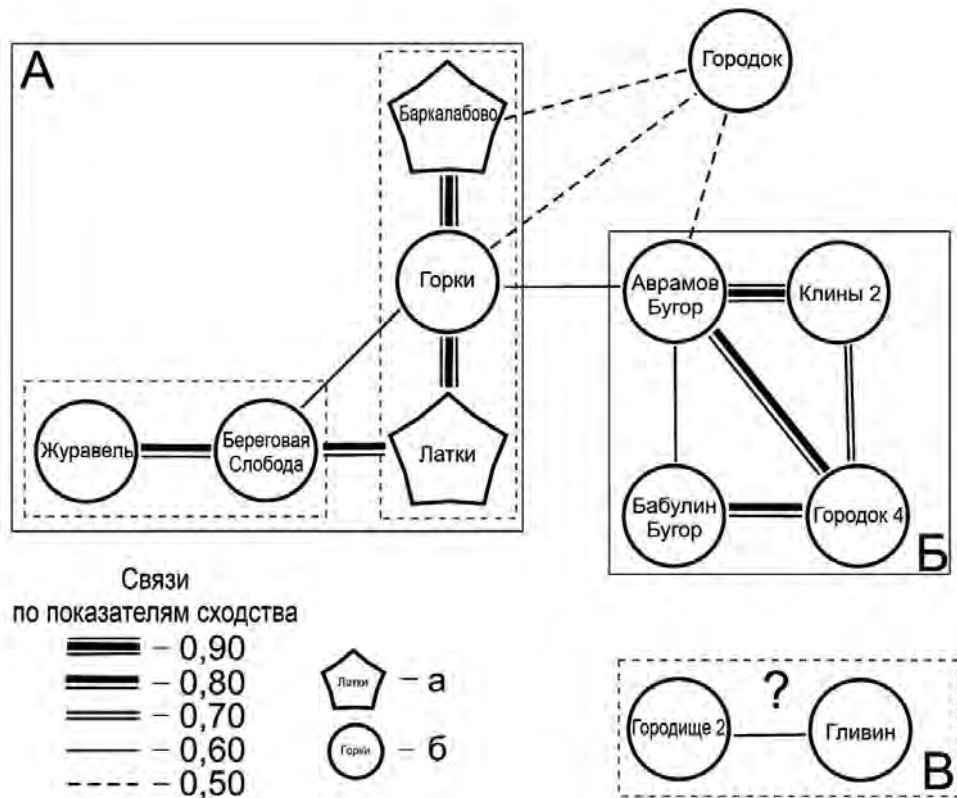

Рисунок 2 – Корреляционная плеяда сходства памятников сожской и днепро-деснинской культур по линейному коэффициенту корреляции Пирсона: А, Б, В – группы памятников; а – памятники раннего этапа днепро-деснинской культуры; б – памятники позднего этапа днепро-деснинской культуры

УДК 271.2(476.2)»1941/1945»

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КЛИРИКОВ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОМЕЛЬЩИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н. Н. Козлова

магистр исторических наук, член Церковно-Исторической Комиссии при Гомельской Епархии
Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого

В статье охарактеризованы различные формы патриотической деятельности духовенства в годы Великой Отечественной войны. На основании выявленных и изученных архивных данных показано, что клирики, служившие в регионе в военный и послевоенный периоды, воевали на фронтах и оказывали содействие Советской армии и Советскому государству. Патриотическая позиция православного духовенства Гомельской области БССР находила свое выражение в сборе денежных пожертвований на нужды фронта, в оказании помощи семьям воинов Советской армии и в пастырской поддержке населения.

Ключевые слова: православные клирики, Великая Отечественная война, оккупационный режим, Гомельская область БССР, патриотическая деятельность, пастырское служение.

Введение

Широкая общественность Республики Беларусь еще недостаточно осведомлена о положении Русской православной церкви в Великой Отечественной войне. В 1940–1970-е гг. советские историки обращали основное внимание на факты сотрудничества православного духовенства с оккупантами [1]. Для советской историографии исключениями следует считать изученные сведения об участии в партизанском движении лишь некоторых клириков (В. Д. Копычко, К. П. Раина), служивших в регионе в послевоенный период [2, с. 5–11]. В то же время в работе «Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства», изданной в 1999 г., охарактеризованы 289 публикаций, посвященных военной проблематике. Как следует из этой работы, о военных событиях на территории Гомельской области повествуется в 16 трудах, но об участии священников в вооруженных силах СССР и в партизанском движении не упоминается [3].

В 1990-е гг. появляются исследования о Великой Отечественной войне, созданные

на базе широкого круга ранее недоступных источников, которые характеризуются разнообразием взглядов и поиском новых научных парадигм. В современной российской и отечественной историографии описана патриотическая деятельность Московского Патриархата [4, с. 65–78; 5, с. 60–64; 6, с. 299; 7, с. 3–7; 8, с. 141–157]. Фрагментарные сведения о служении клириков Гомельщины в 1941–1945 гг. имеются в работах российских историков М. В. Шкаровского [8, с. 190–193], А. Л. Беглова и О. Ю. Васильевой [6, с. 305, 306, 308, 318]. Описывая деятельность В. Д. Копычко и К. П. Раина, даже партийные работники Пинщины в своих отчетах подтверждали, что «...священники молились за партизан... называя их борцами за свою родину, за сохранение своего народа...» [8, с. 193]. (В 2018 г. о В. Д. Копычко снят документальный фильм, в котором повествуется о его пастырском служении в военный и послевоенный периоды.) Современные историки исследуют различные аспекты религиозной жизни военного периода на Гомельщине. Среди них: И. Ф. Эсмантович, Ю. Э. Глушаков [9, с. 86, 92, 126, 127], А. В. Слесарев [10], И. А. Грищенко [11], Л. В. Скрыбина [12], автор статьи [13]. С. В. Силова опубликовала выявленный в Архиве Минского епархиального управления список 43 священнослужителей БССР, принимавших участие в освободительной борьбе белорусского народа [4, с. 94–95].

Актуальность статьи заключается в необходимости дополнения этого списка именами священников исследуемого региона, т.к. в нем указаны только В. Д. Копычко, С. Ф. Рудько и К. А. М(е)нько (автор уточняет фамилию – М(о)нько). Цель статьи: выявить имена и формы патриотического служения православных священнослужителей Гомельщины, принимавших участие в войне против нацистской Германии. Более подробная историография изучаемого вопроса (дополненные сведения о количестве «молитвенных зданий, действующих

щих в оккупационный период» (102 единицы) в регионе, список 72 клириков) опубликована ранее [14, с. 20–25]. Также автором статьи проанализировано взаимодействие клириков с партизанским движением [13, с. 54–60].

Основная часть

В современной российской и отечественной историографии получили описание перемены в государственно-церковных отношениях, начавшиеся с 1941 г., а также антифашистская позиция Московского Патриархата [4, с. 65–70; 5, с. 21–23; 8, с. 141–175]. Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви (далее РПЦ) была многообразна и проявилась с первых дней войны. К ней следует отнести морально-нравственное влияние через послания и обращения к народу, материальную поддержку (сбор средств в фонд обороны страны).

С разрешения И. В. Сталина создавалась организованная и централизованная структура Московской патриархии. 5 января 1943 г. Патриарший Местоблюститель Сергей (Страгородский), получив разрешение открыть банковский счет, фактически легализовал РПЦ, используя необходимость правового оформления средств, пожертвованных на нужды войны. Патриархия приобрела тем самым ограниченный статус юридического лица. При многих церквях стали действовать общества, оказывающие помощь жертвам войны, вдовам, бедным. Отметим, что пожертвования верующих и клириков велись с самого начала войны, до официальных обращений руководства РПЦ. За 1941–1943 гг. РПЦ внесла в фонд обороны более 300 млн руб. На ее средства были построены танковая колонна «Дмитрий Донской» и эскадрилья «Александр Невский». К декабрю 1944 г. священноначалием Православной церкви в Советской Белоруссии был организован сбор в фонд обороны страны, семьям и сиротам бойцов Красной Армии в сумме 4 млн 872 тыс. руб. Кроме денежных взносов в различные фонды, православное духовенство подписало на 4-й Государственный Военный заем и внесло в банк 65 846 руб. [3, с. 84].

Гомельские клирики принимали активное участие в патриотических сборах, о чем свидетельствуют два нижеприведенных документа: «...В связи со сбором средств в фонд обороны Ново-Белицкая церковь собрала 3161 руб., Георгиевская – 10000 руб., прихожане церкви в Дудичах внесли 17,5 тыс.

руб., причем священник этой церкви Володько Петр внес лично 2000 руб. деньгами и 50 кг хлеба...». Служебная записка за № 796 от 8.04.1944 г. составлена для С. Костюк, сотрудника СНК СССР [15, л. 228].

Согласно отчету церковного совета и настоятеля Александро-Невской церкви в Новобелице Макария (Хорькова) «...за 1944 г. церковь собрала на оборону страны 6684 руб., в пользу сирот – 4161 руб., а за весь военный период на патриотические цели – 10845 руб. За январь уже собрано 1453 руб. и сбор продолжается...» [16, л. 8]. Отчет сделан 31.01.1945 г. для областного уполномоченного Совета по делам РПЦ И. А. Горелова. После окончания войны, 8 сентября 1945 г., состоялось общее собрание духовенства Гомельского благочиния. Все единогласно поддержали предложение благочинного И. Пиневича о том, что «...необходимо, не ослабевая всем церквям продолжать патриотические сборы в фонд страны... ежемесячно вносить сборы в Госбанк на счет общецерковного фонда помощи детям и сиротам бойцов Красной Армии, отчитываясь перед благочинным ...» [17, л. 213 и об.].

Следует привести примеры служения А. И. Поповича, который во время немецкой оккупации осенью 1941 г. был арестован СД за патриотическую деятельность против оккупантов [18, л. 107]. Ему удалось сбежать из-под стражи и скрыться в селе Речки Ветковского района. Став псаломщиком церкви, он вместе с настоятелем иеромонахом Феоктистом (Ганжа) вели патриотическую работу и в селе, и в районе. После освобождения близлежащей деревни Семеновка в 1944 г. он переехал в нее и организовал там молитвенный дом. В 1944–1945 гг. неоднократно организовывал сбор средств в пользу раненых солдат и на создание военной техники [19, л. 92, 95].

Обратимся к вопросу об участии в военных действиях священников, служивших в регионе в военный и послевоенный периоды. Были насыщены событиями биографии священнослужителей Джасова Тихона Марковича и Скумана Александра Петровича, которые олицетворяют основные моменты истории страны межвоенного и военного периодов. Стилистика и орфография двух нижеприведенных документов сохранены.

Согласно автобиографии: «...Джасов Т. М., 1902 г.р., белорус, родом из деревни Телешы. В 1916 г. окончил начальную школу, поступил в хор Телешевской Покров-

ской церкви... принимал участие в гражданской войне, был призван в Красную Армию. С 1924 по 1932 г. был псаломщиком и совместно регентом хора указанной церкви. До 1939 г. ежегодно отбывал двухмесячные сборы в Красной армии в зенитной артиллерии. В 1939 г. и в 1940 г. воевал на Польском и на Финском фронтах по своей военной специальности. 4 мая 1940 г. возвратился домой и работал в колхозе в деревне Телешы до лета 1941 г. В 1941 г. воевал на немецком фронте. В октябре 1941 г. я был ранен под городом Орлом в левую ногу, поэтому попал в немецкий плен, где и пробыл до 6 января 1942 г. в городе Новгород-Северске. 7 января я возвратился из плена, но так как был истощен от голода, то пришлось долго поправляться и жил в хозяйстве... Летом 1942 г. скрывался в лесах, был связан с партизанами... не хотел быть под оккупантами. В 1943 г. закончил пастырские курсы и в Минске Архиепископом Филофеем был рукоположен в сан диакона и был назначен в Телешовскую Покровскую церковь. В 1944 г. был рукоположен в Гомеле в Петропавловском соборе Архиепископом Василием в священника...» [20, л. 6, 13, 57]. Высоко его пастырскую деятельность оценивают в послевоенный период: «...Джасов Тихон Маркович уважаем прихожанами за фронтовое прошлое... почитаем за то, что исправно служит и не устанавливает сумму за требы... всегда довольствуется тем, что дают...» [21, л. 43]. Он служил в малонаселенном (соответственно малодоходном пункте) Телешы. В 1960-е гг. его зарплата была 80–100 руб. [20, л. 80, 92]. За штат был уволен только в 1972 г. [20, л. 116].

Согласно архивным данным: «...Скуман А., 1890 г.р., в 1915–1918 гг. служил в Царской Армии, с 1918 по 1924 гг. – в Красной Армии. Закончил гимназию. В межвоенный период на Витебщине работал на разных должностях (бухгалтера, счетовода). С 1941 по 1944 г. занимался сельским хозяйством и пел в церкви. С февраля по июнь 1944 г. оказался в концлагере за отказ подчиниться эвакуации, из которого был освобожден Советской Армией. В июле 1944 г. Витебским райвоенкоматом призван в ряды Советской Армии. В декабре 1945 г. был демобилизован. 7.01.1946 г. Витебским райвоенкоматом награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». С 1946 г. служил в церквях страны. 28 сентября 1947 г. архиепископом Питиримом был рукоположен в дьяконы в Св. Духовом Соборе г. Минска. В 1950 г. на-

значен Архиепископом дьяконом Гомельского Петропавловского Собора [22, л. 64]. За штат был уволен только в 1960 г.

Долгую и достойную жизнь (1923–2001 гг.) прожил Константин Александрович Монько. Он был призван в армию в 1944 г., воевал на Втором Украинском фронте, в составе кавалерийско-стрелковой части освобождал Чехословакию и Венгрию. Согласно его воспоминаниям «...особенно тяжело пришлось в Чехословакии, где немцы, используя гористую местность, оказывали упорное сопротивление. Из-за природного ландшафта не было четко определенной линии фронта... часто, после того, как мы ночью занимали очередную деревню, утром выяснялось, что наше подразделение находится в окружении... приходилось с боями выходить из него...». Константин не раз оказывался перед лицом смерти. Но ему суждено было выжить. В этом он видел проявление Божьего Промысла. До последних дней своей жизни он бережно хранил поврежденные временем «Святое Евангелие» и «Псалтырь». С ними он прошел через все военные испытания и считал, что эти книги поддерживали его в самые трудные минуты. К. А. Монько был ранен в ногу, контужен, после чего глухота на одно ухо давала о себе знать всю жизнь. В 1945 г. он лечился в госпитале, затем до 1947 г. служил в Будапештском гарнизоне советских войск, вплоть до самой мобилизации. Константин Александрович Монько с честью выполнил свой долг перед Родиной, был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями. Вернувшись домой, работал в колхозе, но душа молодого человека переполнялась желанием служить Богу и людям, поэтому решил получить духовное образование [23, с. 107–108]. В 1952–1956 гг. учился в Минской духовной семинарии, в 1960-е гг. – в Московской духовной академии. Затем трудился на разных приходах региона, дольше всего в Жлобинской Свято-Троицкой церкви. Вслед за возведением в сан протоиерея, его отметили Патриаршей грамотой, затем митрой. Но все эти знаки внимания к себе о. Константин принимал без горделивой суеты. Прихожане почитали его за кротость, смирение и доброту [24].

Участвовал в Великой Отечественной войне Пионий (Петр Федорович Ефременко), уроженец Буда-Кошелевского района. В ноябре 1943 г. в шестнадцатилетнем возрасте он трудился в качестве санитаря, затем санинструктора в прифронтовом военном госпи-

тале. Ночами охранял военные склады. Ожидая, с огромным риском для собственной жизни, ему пришлось остановить подводу с тяжело ранеными бойцами, которую мчали испугавшиеся взрыва авиабомбы лошади [19, л. 17, 168]. Он был награжден медалью «За отвагу», прошел путь от монаха до игумена, от псаломщика до архимандрита. Священник был участником Парада в честь 40- и 50-летия Великой Победы, для чего специально сшил малиновую рясу. О. Пионий был уважаем прихожанами за оказываемую им бескорыстную пастырскую поддержку [24]. За штат был уволен только в 1990 г. [20, л. 108, 131].

Согласно воспоминаниям уроженца д. Довск Рогачевского района Е. А. Козловского, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, доктора технических наук, «...сельчане помнят о том, как схимонах Артемий (Потоцкий) спасал от оккупантов людей... наша семья никогда не забудет... о том, как в ноябре 1941 г. меня и сестру в родном селе крестил батюшка Артемий...» [25, с. 5].

Воевал в рядах Советской Армии Вячеслав Константинович Дубинин, 1908 г.р., который служил в церквах Ветковского и Добрушского районов в 1950–1960-е гг. Содействовал перемещению воинских составов по железной дороге священник региона Н. П. Юрьевич, служивший в послевоенный период в Васильевской церкви Тереховского района [22, л. 92, 95]. Сотрудниками Церковно-исторической комиссии при Гомельской епархии (ЦИКГЕ) систематизированы биографические сведения о вышеперечисленных клириках.

В составе четвертого и пятого благочиний Гомельской епархии в 1950-е гг. служили нижеперечисленные священники, которые участвовали в военных действиях на фронтах Великой Отечественной войны. В архивах о них сохранились фрагментарные сведения. Это С. М. Рудько, В. В. Судник, И. С. Бурлий, Н. М. Савельев. Так, Стефан Моисеевич Рудько, 1911 г.р., с 1941 по 1943 г. воевал в рядах Советской армии. С 1943 г. до 1945 г. находился в лагере для военнопленных. Затем год вновь служил в Советской армии, а в 1950-е гг. стал священником региона [21, л. 16].

Владимир Владимирович Судник, 1924 г.р., с 1941 по 1943 г. воевал, но был пленен, находился в лагере для военнопленных в г. Глейвиц, в 150 км от Кракова, работал в депо вплоть до освобождения в 1945 г. В 1950-е гг. после окончания Духовной семинарии служил в регионе [21, л. 21]. Был при-

зван на фронт в 1945 г. и воевал в рядах Советской Армии за освобождение европейских стран Иван Стефанович Бурлий, 1907 г.р. Николай Михайлович Савельев, 1926 г.р., служил в Советской Армии в 1943–1947 гг. [21, л. 16].

Заключение

Великая Отечественная война показала духовную силу верующих и клириков. Многие священнослужители не отделяли свою жизнь от жизни страны и народа, за что пользовались уважением среди населения. Сражаясь с оккупантами на фронтах Великой Отечественной войны, отдавая жизни (был убит священник А. Байков [26, с. 16]), оказывая содействие партизанам и подпольщикам, они видели в этом гражданский и пастырский долг. Патриотическая деятельность РПЦ выражала естественные чувства принадлежности граждан к Советской Родине [24]. Духовенство оказывало пастырскую поддержку фронту и опекало тех, кто остался в тылу в годы военного лихолетья. Патриотическая деятельность духовенства была вызвана как прямыми указаниями Московского Патриархата, так и морально-нравственными качествами священнослужителей [4, с. 67].

Однако значительная часть архивных источников по истории Русской православной церкви в оккупационный период еще не введена в научный оборот, так как многие документы из фондов КГБ Республики Беларусь недоступны для исследователей. Поэтому ЦИКГЕ продолжает работу в данном направлении [27, с. 162–165]. Автор статьи полагает необходимым объединение изучения двух направлений, ранее развивавшихся обособленно: состояние регионального общества в военный период и положение православного духовенства Гомельской области в годы Великой Отечественной войны. До настоящего времени также не изучены проблемы: состав и конфессиональная принадлежность клириков, служивших в оккупационный период; проблема (пере)рукоположения в период Великой Отечественной войны представителями различных церковных юрисдикций и каноничность принятия сана [28, с. 27–46]. Необходимо четко определить группы, на которые разделился клир в годы Великой Отечественной войны. Исследование указанных проблем будет способствовать созданию объективной оценки положения Православной церкви в годы военных испытаний. Региональное исследование этой темы обусловлено необходимостью восстановить

историческую справедливость по отношению к прошлому Церкви, ведь отсутствие объективных знаний об истории Церкви равнозначно замалчиванию истории самого народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Документы обличают : реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии / Ин-т искусствознания, этнографии и фольклора, Архив. упр. при Совете Министров БССР, Центр. гос. ист. архив БССР в г. Могилеве. – Минск : Беларусь, 1964. – 270 с.
2. Партизанский Акафист // Слово. – 1989. – № 11. – С. 5–11.
3. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства / А. М. Літвін [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1999. – 253 с.
4. **Силова, С. В.** Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / С. В. Силова. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 105 с.
5. **Силова, С. В.** Крестный путь : Белорусская Православная Церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С. В. Силова. – Минск : Белорус. Экзархат, 2005. – 70 с.
6. Русская православная церковь. XX век : хроника / А. Л. Беглов [и др.] ; гл. ред. и рук. проекта архим. Тихон (Шевкунов). – М. : Сретен. монастырь, 2008. – 793 с.
7. **Кривонос, Ф.** Священная война и великая Победа. Исторический взгляд / прот. Ф. Кривонос // Планета – семья. – 2020. – № 2. – С. 3–7.
8. **Шкаровский, М. В.** Русская Православная Церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М. : Лепта, 2010. – 478 с.
9. Гомельшчына ў Вялікай Айчыннай вайне : да 60-годдзя Вялікай Перамогі : матэрыялы навук.-практ. канф., Гомель, 7–8 крас. 2005 г. / Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны, Гомел. абл. арг-цыя Белар. грамад. аб'яднання ветэранаў, Гомел. спецыяліз. славян. б-ка ; рэдкал.: М. М. Мязга [і інш.]. – Гомель : ГДУ, 2005. – 279 с.
10. **Слесарев, А. В.** Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953): биографический справочник / автор-сост. А. В. Слесарев. – Минск : Изд-во Минской Духовной Академии, 2017. – 339 с.
11. **Грищенко И. А.** Политика нацистской Германии в отношении Православной церкви оккупированной советской церкви (на примере Гомельского региона) / Грищен-

ко И. А. // Гомельщина. Вехи истории : материалы регион. науч.-ист. семинара, Гомель, 15 нояб. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т трансп. ; Гомел. епархия Белорус. Православ. Церкви ; редкол.: Г. М. Чаянкова (отв. ред.), А. А. Поддубный, Т. М. Маруняк. – Гомель, 2020. – С. 23–28.

12. **Скрябина, Л. С.** Возрождение религиозной жизни на Гомельщине в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.) / Л. С. Скрябина // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2023. – № 1. – С. 41–46.
13. **Козлова, Н. Н.** Взаимодействие клириков Гомельщины с партизанским движением в годы Великой Отечественной войны» / Н. Н. Козлова // Православие в общественной жизни: традиции и современность : сб. науч. ст. / Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: Н. Н. Мезга (гл. ред.) [и др.]. – Гомель, 2021. – С. 54–60.
14. **Козлова, Н. Н.** Об особенностях восстановления церковной жизни на Гомельщине в 1941–43 гг. / Н. Н. Козлова // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2019. – № 1. – С. 20–25.
15. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 2 Д. 686.
16. ГАГО – Ф. 3441. Оп. 3 д. 3.
17. НАРБ. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 2, л. 213.
18. НАРБ. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 6, л. 107.
19. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 5.
20. ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 2.
21. ГАООГО. – Ф. 144. Оп. 60. Д. 119.
22. ГАГО. – Ф. 3441. Оп. 1. Д. 33.
23. **Шуканов, Н. В.** Жлобинщина православная / Н. В. Шуканов. – Минск–Жлобин : Приход Свято-Петро-Павлов. Собора, 2018. – 318 с.
24. Текущий архив ЦИКГЕ (Церковно-Исторической Комиссии при Гомельской Епархии).
25. **Козловский, Е. А.** «Белорус – это русский со знаком качества!» : [беседа с д-ром техн. наук, проф., акад. Е. А. Козловским] / Е. А. Козловский ; беседовала Л. Навменова // Гомельская праўда. – 2008. – 27 ліст. – С. 5.
26. **Кривонос, Ф.** Незабвенный Пастырь. Преподобномученик Серафим (Шахмуть) / Ф. Кривонос. – Минск : Врата, 2016. – 49 с.
27. **Козлова, Н. Н.** Вклад Церковно-исторической комиссии при Гомельской епархии в церковное краеведение / Н. Н. Козлова // Христианство в Беларуси: история, богословие, традиции : (к 1030-летию Православной церкви в Беларуси) : сб. докл. XXVIII Междуна-

Кирилло-Мефодиевских чтений, Минск, 17–18 мая 2022 г. / Ин-т теологии им. св. Мефодия и Кирилла Белорус. гос. ун-та ; ред.-сост.: С. И. Шатравский, свящ. С. Рогальский. – Минск, 2023. – С. 162–165.

28. **Козлова, Н. Н.** История Гомельской епархии в 1941–1965 годы / Н. Н. Козлова. – Гомель : Ред. газ. «Гомельская праўда», 2022. – 212 с.

Поступила в редакцию: 7.04.2025 г.

Контакты natali.semenowa@tut.by (Козлова Наталья Николаевна)

Kozlova N. N. THE PATRIOTIC ACTIVITIES OF THE ORTHODOX CHURCH CLERICS IN THE TERRITORY OF GOMEL REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The author of the article characterizes various forms of patriotic activities carried out by the clergy during the Great Patriotic War. Based on archival materials, it is shown that the clerics who served in the region during the war and postwar periods fought on the front lines and supported the Soviet Army and the Soviet State. The patriotic stance of the Orthodox clergy of the Gomel region was expressed through fundraising for front-line needs, assistance to families of Soviet soldiers, and pastoral care for the local population.

Keywords: Orthodox clerics, Great Patriotic War, occupation regime, Gomel Region of the BSSR, patriotic activities, pastoral ministry.

УДК 1 (476) (091) + 2 (476)

ДАКТРЫНАЛЬНА-ДАГМАТЫЧНАЯ СПЕЦЫФІКА І ДЗЯРЖАЎНА-КАНФЕСІЙНЫЯ АДНОСІНЫ ІЕГАВІЗМУ**В. У. Старасценка**кандыдат філасофскіх навук, загадчык кафедры гісторыі і філасофіі
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова

Артыкул прысвечаны разгляду спецыфічных элементаў дактрынальна-дагматычнага комплексу арганізацыі сведак Іеговы – асаблівасцей біяэтыкі, абсалютызацыі ўласнага веравучэння, адхіленасці ад дзяржаўных інстытутаў і грамадзянскасці. Праблемныя аспекты ідэалогіі арганізацыі звязаны з фармаваннем негатывнай практыкі ў дзяржаўна-канфесійных адносінах іегавізму.

Ключавыя словы: сведкі Іеговы, іегавізм, біяэтыка, веравучэнне, дзяржаўна-канфесійныя адносіны, эсхаталогія, «сапраўдная рэлігія», «ілжывыя рэлігіі», хрысціянства.

Уводзіны

Сярод рэлігій, якія выклікаюць спрэчкі, нярэдка крайнія меркаванні і адзнакі, адмысловае месца займае міжнародная арганізацыя сведак Іеговы. Іегавізм, узнікненне якога адносяць часцей за ўсё да 1870-х гадоў, з'яўляецца спецыфічнай формай неапрэтантызму. Сведкі маюць шэраг відавочных веравызнаўчых асаблівасцей, сярод якіх антытрынітарызм (адмаўленне традыцыйнай у хрысціянстве Святой Троіцы, разам з боскай сутнасцю Ісуса Хрыста); вера ў тое, што адбылося другое (нябачнае) прышэсце Хрыста як цара Нябеснага ўрада; адмаўленне ад ідэй неўміручасці чалавечай душы і пекла як месца знаходжання грэшнікаў пасля смерці і інш. Яны карастаюцца арыгінальным уласным перакладам Свяшчэннага Пісання («Пераклад новага свету»), адмовіліся ад свят традыцыйнага хрысціянства; маюць вельмі цэнтралізаваную, арыентаваную на актыўнае місіянерства арганізацыю. Найбольшую вядомасць атрымала адмова чальцоў арганізацыі ад пералівання крыві, а таксама нядобразычлівае стаўленне да іншых рэлігій.

Спецыфіка сведак з'яўляецца падставай для аднясення гэтай рэлігіі некаторымі

даследчыкамі да «парахрысціянства», «міленарызму», а таксама да «маргінальнага пратэстантызму» [1, с. 172], да «сект і культаў», «псеўдахрысціянства» [2, с. 19–20, 41–42], «таталітарных сект» і «псеўдарэлігійных арганізацый» [3, с. 148] і да т.п. Асаблівасці іегавізму паўплывалі на характар яго сацыяльных узаемаадносін, а таксама на ўзаемаадносіны гэтай арганізацыі з палітычнымі інстытутамі грамадства.

Асноўная частка

Адна з найбольш вядомых асаблівасцей сведак Іеговы, якія нярэдка абмяркоўваюцца ў сацыяльным дыскурсе, звязана са стаўленнем да біяэтыкі, што выяўляецца ў адмове ад традыцыйнай медыцынскай практыкі пералівання крыві. «Сведкі Іеговы, – фармулюе афіцыйную пазіцыю арганізацыі “Вартаўнічая Вежа”, спасылаючыся пры гэтым на Быццё 9:4 і іншыя сакральныя тэксты, – аспрэчваюць метады лячэння, якія супярэчаць біблейскім прынцыпам. Напрыклад, яны адмаўляюцца ад пералівання крыві, таму што Біблія забараняе выкарыстоўваць кроў для падтрымання жыцця» [4, с. 27]. «Помні: Іегова патрабуе, каб мы ўстрымліваліся ад крыві. Гэта значыць, што мы не павінны ні ў якім разе прымаць у сваё цела кроў іншых людзей і нават тую, што ўзята ад нас і недзе захоўвалася» [5]. «Таму, – пастулюецца ў выданнях іегавізму, – сапраўдныя хрысціяне адмаўляюцца ад пералівання крыві. Яны згодны на іншыя віды лячэння, напрыклад на пераліванне бяскоўных прэпаратаў. Хрысціяне жадаюць жыць, але не будуць імкнуцца выратаваць сваё жыццё цаной парушэння Божых законаў» [5]. Існуюць розныя ацэнкі стаўлення сведак да пералівання крыві, нават добразычлівыя, з улікам альтэрнатыўных метадаў лячэння [6, с. 30–36], але часцей за ўсё яно ўспрымаецца вельмі крытычна ў сувязі з каштоўнасцю не рэлігійных перакананняў, а жыцця. Гэтыя абставіны шмат у чым вызначаюць тое, як канфесія ўспрымаецца ў цэлым у грамадскім дыскурсе многіх краін свету.

© Старасценка В. У., 2025

Статья подготовлена при выполнении задания 4.02 ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (2021–2025 гг.).

Праблемны характар маюць міжканфесійныя ўзаемаадносіны іегавізму. Гэта дэтэрмінуецца абсалютызацыяй уласнай рэлігійнай дактрыны з аднясеннем іншых веравызнанняў да «ілжывых рэлігій» [7], што выступае спосабам зацвярджэння праўдзівасці ўласнага веравучэння і арганізацыі. Тое, што, ««Сведкі Іеговы» лічаць сябе адзінай сапраўднай царквой, а ўсе астатнія рэлігіі стоадсоткава ілжывымі» [8, с. 37], выступае аргументам міжканфесійнай палемікі. На думку іегавістаў, паводле Бібліі, «існуюць два віды рэлігій: сапраўдная і ілжывая» [9, с. 16]; «Бог ухваліў не ўсе рэлігіі» [10, с. 56], і тады як «ілжывая рэлігія і яе агідныя плады знікнуць навекі», «сапраўдная рэлігія будзе квітнець – вечна!» [11, с. 6].

Пытанне пра «ілжывую рэлігію», што разглядаецца ў шматлікіх перыядычных выданнях і спецыяльных друкаваных выпусках міжнароднай арганізацыі іегавістаў, адыгрывае важную ролю ў фарміраванні рэлігійнага светапогляду паслядоўнікаў, шырока выкарыстоўваецца ў місіянерскай працы, прыцягненні новых адэптаў, у тым ліку праз прызелізм – з прыхільнікаў іншых рэлігій.

«Ілжывая рэлігія», па сцвярджэнні сведак, – гэта спроба «Сатаны і яго дэманаў» «зрабіць так, каб ніхто не служыў Богу» [12, с. 18]. Яна супрацьпастаўляецца вучэнню сведак Іеговы – «праўдзівай веры». «Ілжывая рэлігія» – «гэта рэлігія, якая не вучыць біблейскай праўдзе» і «распаўсюджвае ілжывыя вучэнні». Яна «ніколі не будзе даспадобы Іегове, Богу ісціны», але «сёння многія людзі думаюць, што пакланяюцца Богу, але на самай справе служаць Сатане і яго дэманам». «Ілжывая рэлігія» «вучыць людзей маліцца ідалам», хоць Бог забараняе гэта. Яна «ўдзельнічае ў войнах і ўмешваецца ў палітыку», таму «ў Раі будзе толькі адна рэлігія – тая, якую ўхваліў Іегова», а «ўсе рэлігіі, заснаваныя на сатанінскай хлусні, знікнуць» [12, с. 18–19; таксама: 13].

Сведкі Іеговы лічаць, што «народы і царквы хрысціянскага свету не з’яўляліся і не з’яўляюцца хрысціянамі. Яны не служаць Богу» [14]. Сцвярджаецца, што «хрысціянскі свет правяў сябе ворагам Бога і Бібліі», «вучыць ілжывым дактрынам», «зрадзіў Богу і Бібліі сваімі справамі», і ў цэлым «правал... пацярпелі духавенства і царквы хрысціянскага свету, а таксама іншыя рэлігіі па-за хрысціянскім светам» [14]. На думку сведак Іеговы, «Ісус заснаваў адну сапраўдную хрысціянскую рэлігію. Таму сёння павінен быць толькі адзін кірунак, ці група, сапраўдных

прыхільнікаў Іеговы Бога» [15]. А паколькі, «калі ты хочаш быць сябрам Бога, табе неабходна вызнаваць рэлігію, якую ўхваліў Бог» [12, с. 16], толькі «сведкі Іеговы – гэта сябры Бога», і «сябры Бога будуць жыць у Раі» [12, с. 7–8]. Гэта так, таму што «яны паважаюць Біблію і маюць любоў паміж сабой. Таксама яны вакарыстоўваюць і шануюць імя Бога і вучаць іншых аб Божым Царстве. Сёння на зямлі сапраўдную рэлігію вызнаюць сведкі Іеговы» [12, с. 17].

З «ілжывай рэлігіяй» іегавізм, абапіраючыся на бачанне ў Адкрыцці Іаана Багаслова, звязвае біблейскі вобраз «Вавілонскай блудніцы» («Вавілон Вялікі»). У публікацыях сведак «метадам выключэння» «вызначаецца», што хаваецца за гэтым вобразам, і канстатуецца: «Якую мы яшчэ не згадалі сілу, якая дзейнічае ў гэтым свеце і падыходзіць пад апісанне сімвалічнай блудніцы, якая падлашчваецца з палітыкамі, мае справы з алігархамі і велічча сядзіць над народамі, масамі, нацыямі і мовамі? Гэта ілжывая рэлігія ва ўсіх яе абліччах!» [16, с. 368–369]. «Вавілон Вялікі» ўвёў у зман усе народы, гэта – «сусветная імперыя ілжывай рэлігіі і мэта яе ўладара – Сатаны – завалодаць розумаў людзей, каб адвесці іх ад сапраўднага Бога, Іеговы» [17]. Сцвярджаецца, што «паміж рэлігіямі гэтага свету, нягледзячы на іх знешнія непадабенства, назіраецца пэўная роднасць <...> Амаль усе рэлігіі аб’ядноўвае вера ў нібыта несмяротную душу, якая пакідае цела і перасяляецца альбо ў іншую істоту, альбо ў замагільны свет. У адных рэлігіях існуе ўяўленне аб пекле як аб страшным месцы пакут, у іншых квітнее паганскае шанаванне трыяд, троіц і багіні-маці. Таму лагічна заключыць, што такія рэлігіі, разам узятыя, уяўляюць сабой сімвалічную блудадзейку “Вавілон Вялікі”» [16, с. 369; таксама: 17].

Згодна з іегавізмам, «Бог прысудзіў да згубы сусветную імперыю ілжывай рэлігіі» як тую, што «знаходзіцца пад уладай Сатаны», і «рэлігіі міру будуць асуджаныя за духоўны блуд – заганную сувязь з дэспатычнымі палітычнымі “палюбоўнікамі”» [16, с. 371]. Таму, заключаюць сведкі Іеговы, «ведаючы пра незайздросную долю рэлігій свету», надыйшоў час «выйсці з ілжывай рэлігіі Сатаны і далучыцца да сапраўднай рэлігіі Бога Іеговы» [16, с. 371]. З гэтай канструкцыяй звязана вучэнне пра Армагедон [18]. Сцвярджаецца, што са знішчэннем «Вавілона» і «палітычнай сістэмы Сатаны» «наступіць новы свет правяднасці» і «ўсе паслухмяныя Богу людзі дасягнуць дасканаласці і як адзіная сям’я будуць

жыць у раі на зямлі» [16, с. 372]. У гэтым «новым свеце» праціўнікі Іеговы страцяць жыццё і «будзе толькі адна рэлігія, адно веравызнанне» [16, с. 376, 378]. Будучы суд над «ілжывай рэлігіяй» сведкі лічаць «добрай весткай», паколькі, мяркуюць яны, «ва ўсім свеце будзе скончана з прыгнётам», «ілжывая рэлігія больш ніколі не будзе падманваць і падзяляць людзей» і «ўсе будучы аб'яднаны пакланеннем адзінаму праўдзівому Богу» [9, с. 17].

Упэўненасць ва ўласнай рэлігійнай выключнасці, звязаная з абвостраным эсхаталагізмам – верай у хуткае набліжэнне канца гэтага свету, абумоўлівае актыўнае місіянерства. Прапаведанне «добрай весткі», распаўсюджванне сапраўднага вучэння сведак разглядаецца як выключны абавязак сяброў арганізацыі. Аб'ектам місіянерства выступаюць як індывідуальныя да рэлігіі людзі, так і прыхільнікі іншых рэлігій. З ім цесна звязана распаўсюджванне рэлігійнай літаратуры па месцы жыхарства грамадзян, падчас вулічнай рэлігійнай прапаганды, ва ўстановах і іншых грамадскіх месцах. Гэтыя формы пазакультавай дзейнасці нярэдка выклікаюць абурэнне ў грамадстве, ганяцца іншымі канфесіямі, крытуюцца органамі дзяржаўнай улады.

Значнай асаблівасцю ідэалогіі ігавізму выступае адхіленне скептычнага, негатывісцкага адносіны да сучаснага інстытута дзяржавы і грамадзянскасці. Сведкі Іеговы не ўдзяляюць у палітычным жыцці, выбарчых кампаніях; не ўшаноўваюць дзяржаўна-палітычную сімволіку: сцяг, герб, гімн; ігнаруюць дзяржаўныя святы, адмаўляюць ваенную службу і да т. п. Лічаць, што, «Ісус вучыў сваіх паслядоўнікаў не ўмешвацца ў палітычнае жыццё гэтага свету і не прымаць удзелу ў яго войнах» [14], таму «Сведкі Іеговы нейтральныя ў палітычных пытаннях і не займаюць нічый бок у якіх бы там ні было канфліктах» [19, с. 15].

Палітычная арганізацыя свету – «сучасная сістэма рэчаў», яе будучыня выклікае надзвычайны пэсімізм: «Не забудземся, што палітычныя перамовы і дамовы не робяць істотных змен у людзях. Яны не спрыяюць таму, каб людзі любілі адно аднаго. І палітычныя кіраўнікі не могуць ні скончыць са злачыннасцю, ні ўхіліць хваробы і смерць. Таму, – рэзюмуюць сведкі, – не спадзявайся ні на якія чалавечыя праграмы аб міры і бяспекцы і не думай, што гэты свет стаіць на шляху вырашэння праблем (Псалом 145:3). На самай жа справе гэта абвешчэнне будзе азначаць, што

гэты свет вельмі блізкі да свайго канца» [20].

Скептыцызм у адносінах да зямной улады людзей злучаны з дактрынай тэакратызму. «Давесціўшы, каб на працягу стагоддзяў чалавечае кіраванне даказала ўсю сваю безгрунтоўнасць, – мяркуюць Сведкі Іеговы, – Бог зараз мае права ўмяшацца ў справы людзей і пакласці канец пакутам, гору, хваробам і смерці. Даволіўшы людзям дасягнуць найвышэйшых дасягненняў у навучы, прамысловасці, медыцыне і іншых галінах, Богу больш не трэба падаваць незалежнаму ад яго чалавецтву стагоддзі, каб яны даказалі сваю здольнасць прывесці мірнае, райскае жыццё. Яны гэтага не зрабілі да гэтага часу і не змогуць зрабіць у будучыні...» [21]. Наперадзе, паводле вучэння ігавізму, «ачышчэнне Зямлі» [20], якое «будзе завершана Богам праз найлепшы ўрад, які толькі можа мець чалавецтва. Гэты ўрад адлюстроўвае нябесную мудрасць, бо ён кіруе з неба пад наглядом Бога. І гэтае нябеснае Валадарства ліквідуе з Зямлі ўсе формы чалавечага кіравання. Больш ніколі чалавецтва не атрымае права на спробу кіраваць незалежна ад Бога» [20].

Пры гэтым афіцыйныя выданні сведак Іеговы могуць змяшчаць як канстатацыю біблейскага «Усякая душа няхай падпарадкоўваецца вышэйшым уладам, таму што няма ўлады не ад Бога» [22, с. 358], так і неадназначныя меркаванні на тэму лаяльнасці ўладам: «Біблія падахвочвае хрысціян падпарадкоўвацца вышэйшым уладам, гэта значыць урадам гэтага свету. Але некаторыя з іх выступаюць супраць Іеговы і яго служыцеляў. Як мы можам падпарадкоўвацца чалавечым уладарам і пры гэтым заставацца бездакорнымі ў вачах Іеговы?» [23, с. 12].

Неардынарнасць дактрыны сведак Іеговы абумовіла праблемнасць узаемаадносін з дзяржаўнымі інстытутамі шэрагу краін. Пададзеных самой арганізацыі на 2024 год, яна ажыццяўляла дзейнасць у 240 краінах і тэрыторыях [24], але ў больш чым 30 краінах сведкі Іеговы забаронены або абмяжоўваюцца [23, с. 12]. Сярод іх Кітай, Расія, шэраг дзяржаў Усходу. Экспэссы ва ўзаемаадносінах з дзяржавай перыядычна ўзнікаюць і ў іншых краінах. У 2022 г., напрыклад, пракуратура Латвіі паведаміла, што існуе «падстава для высновы, што дзейнасць “сведак Іеговы”, магчыма, супярэчыць Канстытуцыі і іншым нарматыўным актам, іх дзейнасць, магчыма, пагражае грамадскаму парадку, здароўю і маральнасці людзей» [25]. Раней, у 2017 г., Вярхоўны суд Расіі прызнаў сведак Іеговы экстрэмісцкай арганіза-

цыяй, забараніў яе дзейнасць на тэрыторыі краіны, а маёмасць вярнуў у даход дзяржавы [26]. Сведкам інкрымінавалася тое, што іх дзейнасць парушае закон «Аб супрацьдзеянні экстрэмісцкай дзейнасці», у прыватнасці, «веравучальная літаратура арганізацыі забараняе пераліванне крыві хворым членам арганізацыі па рэкамендацыі лекара», і «Сведкі Іеговы настойваюць на ўласнай выключнасці...» [27].

У Рэспубліцы Беларусь абшчыны сведак Іеговы дзейнічаюць з 1991 г., першыя з іх прайшлі працэдуру дзяржаўнай рэгістрацыі ў 1994 г. [28, с. 76]. Умовы дзейнасці сведак пазітыўна ацэньваюцца міжнароднымі канфесійнымі арганізацыямі. Так, у 2019 г. Еўрапейская асацыяцыя сведак Іеговы абвясціла, што «сведкі Іеговы ў Беларусі маюць адносна свабоду веравызнання» [29, с. 3]. Прызнаецца, што рэлігійныя сустрэчы маюць магчымасць наведваць больш за шэсць тысяч вернікаў, дзяржава зарэгістравала дваццаць сем рэлігійных абшчын сведак і рэспубліканскае рэлігійнае аб'яднанне канфесіі. Практыкуецца і арэнда памяшканняў для рэлігійных патрэб, толькі «ў некаторых выпадках Сведкі атрымліваюць адмову, матываваную адсутнасцю памяшканняў для арэнды пад рэлігійныя сустрэчы» [29, с. 3–4].

Пэўныя праблемы ва ўзаемаадносінах з дзяржавай, мясцовымі выканаўчымі структурамі звязаны найперш з асаблівасцямі місіянерскай дзейнасці арганізацыі і распаўсюджваннем рэлігійнай літаратуры, што можа выходзіць за межы патрабаванняў заканадаўства. На гэта неаднаразова звярталі ўвагу ўпаўнаважаныя па справах рэлігій і нацыянальнасцей пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь, Калегіі апарата ўпаўнаважанага. Напрыклад, у 2013 г. адзначалася, што «пачасціліся звароты грамадзян аб дакучлівых званках прадстаўнікоў сведак Іеговы» і «аналагічных гутарак на прыпынках грамадскага транспарту і ў іншых месцах» [30]. У 2024 г. «звярталі ўвагу на сістэматычныя скаргі ў органы дзяржаўнай улады ад жыхароў і вернікаў іншых канфесій на настойлівыя і неправамерныя дзеянні рэлігійных суполак сведкаў Іеговы» [31], а таксама на «распаўсюджванне друкаванай прадукцыі рэлігійнага зместу ва неўстаноўленых месцах, ажыццяўленне рэлігійнай дзейнасці за межамі тэрыторыі абшчын» [32]. У 2016 г. ўпаўнаважаны канстатаваў, што «настойлівыя і неправамерныя дзеянні прадстаўнікоў рэлігійных абшчын сведак Іеговы выклікаюць пэўную незадаволенасць сярод жыхароў краіны ў цэлым і вернікаў іншых кан-

фесій у прыватнасці» [33]. Гэта «ў будучыні не выключае магчымасці зняцця з рэгістрацыі некаторых суполак сведак Іеговы за парушэнні заканадаўства», у прыватнасці «распаўсюджванне літаратуры рэлігійнага зместу без адпаведнага ўзгаднення з мясцовымі органамі ўлады» [33].

Заклучэнне

Нараўні з асаблівасцямі ўласна дагматычнага характару дактрынальнага комплексу міжнароднай арганізацыі сведак Іеговы змяшчае шэраг аспектаў інтэрпрэтацыі Свяшчэннага Пісання, якія істотна ўплываюць на сацыяльную практыку канфесіі. Адмысловае значэнне мае адхілена-скептычнае, негатывісцкае ўспрыманне сучаснага (зямнога) інстытута дзяржавы і шэрагу формаў выяўлення грамадзянскасці, абсалютызацыя ўласнай рэлігійнай дактрыны («сапраўдная рэлігія») з супрацьпастаўленнем іншым рэлігіям як «ілжывым», што спалучана, разам з абвостраным эсхаталагізмам, з экспрэсіўнай місіянерскай дзейнасцю.

Дадзеныя ўстаноўкі, нараўне з катэгарычнасцю трактоўкі біяэтыкі (стаўленне да пералівання крыві), аб'ектыўна прадвызначаюць праблемнасць міжканфесійных і дзяржаўна-канфесійных узаемаадносін – негатывнае ўспрыманне ігавізму ў іншых рэлігійных супольнасцях, практыку абмежаванняў і забарон дзейнасці арганізацыі сведак Іеговы ў шэрагу дзяржаў сучаснага свету.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Конь, Р. М.** Введение в сектоведение / Р. М. Конь. – Нижний Новгород : Нижегородская Духовная семинария, 2008. – 496 с.
2. **Мартинovich, В. А.** Нетрадиционная религиозность в Беларуси: тенденции и опасности / В. А. Мартинovich. – Минск : Белорусская Православная Церковь, 2010. – 143 с.
3. **Дворкин, А.** Сектоведение / А. Дворкин. – Нижний Новгород : Братство св. Александра Невского, 2002. – 816 с.
4. **Сторожевая Башня.** – 2011. – 1 февраля. – 30 с.
5. **Уважение к жизни и крови** // Watch Tower Bible and Tract Society of Pennsylvania [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jw.org/ru/библиотека/книги/Что-от-нас-требуется-Бог/Уважение-к-жизни-и-крови/>. – (дата обращения: 1.01.2024).
6. **Иваненко, С. И.** О людях, никогда не расстающихся с Библией / С. И. Иваненко. – М. : Арт-Бизнес-Центр, 1999. – 271 с.

7. **Старостенко, В. В.** Вероучение Свидетелей Иеговы о «ложной религии» / В. В. Старостенко // Религия и общество – 18 : сб. науч. ст. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2024. – С. 175–177.
8. Прозрение. – 1999. – № 2(3). – 96 с.
9. Сторожевая башня. – 2012. – 1 мая. – 32 с.
10. Радуйтесь жизни сейчас и вечно! – Germany : Watch Tower Bible and Tract Society of Pennsylvania, 2024 – 260 с.
11. Пробудитесь! – 2015. – ноябрь. – 16 с.
12. Ты можешь быть другом Бога! – Germany : Watch Tower Bible and Tract Society of Pennsylvania, 2017. – 31 с.
13. Конец ложной религии близок! // Watch Tower Bible and Tract Society of Pennsylvania [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jw.org/ru/библиотека/книги/Конец-ложной-религии-близок/>. – (дата обращения: 1.02.2024).
14. Христианский мир предал Бога и Библию // Watch Tower Bible and Tract Society of Pennsylvania [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jw.org/ru/библиотека/книги/В-чем-смысл-жизни-Как-же-его-найти/Христианский-мир-предал-Бога-и-Библию/>. – (дата обращения: 1.01.2024).
15. Как найти истинную религию // Watch Tower Bible and Tract Society of Pennsylvania [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jw.org/ru/библиотека/книги/Что-от-нас-требуется-Бог/Как-найти-истинную-религию/>. – (дата обращения: 1.01.2024).
16. Человечество в поисках Бога. – New York : Watchtower Bible and Tract Society of New York, 2006. – 384 с. : ил.
17. Ложная религия – на пути к гибели! // Watch Tower Bible and Tract Society of Pennsylvania [Электронный ресурс]. – URL: <https://wol.jw.org/ru/wol/d/r2/lp-u/101996802#h=3>. – (дата обращения: 1.02.2024).
18. **Старостенко, В. В.** Вопросы эсхатологии в вероучении Свидетелей Иеговы / В. В. Старостенко // Религия и общество – 16 : сб. науч. ст. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – С. 150–152.
19. Сторожевая башня. – 2025. – Сентябрь/Октябрь. – 16 с.
20. Намерение Бога скоро исполнится // Watch Tower Bible and Tract Society of Pennsylvania [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jw.org/ru/библиотека/книги/В-чем-смысл-жизни-Как-же-его-найти/Намерение-Бога-скоро-исполнится/>. – (дата обращения: 1.01.2024).
21. Почему столько страданий и несправедливости? // Watch Tower Bible and Tract Society of Pennsylvania [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jw.org/ru/библиотека/книги/В-чем-смысл-жизни-Как-же-его-найти/Почему-столько-страданий-и-несправедливости/>. – (дата обращения: 1.01.2024).
22. Понимание Писания : в 2 т. – Т. 1. – Germany : Watch Tower Bible and Tract Society of Pennsylvania, 2023. – 1342 с.
23. Сторожевая Башня. – 2022. – Октябрь. – 32 с.
24. Всемирный отчет Свидетелей Иеговы за 2024 служебный год [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jw.org/ru/библиотека/книги/Всемирный-отчёт-Свидетелей-Иеговы-за-2024-служебный-год/>. – (дата обращения: 1.07.2024).
25. Bitter Winter A magazine on religious liberty and human rights [Электронный ресурс]. – URL: <https://bitterwinter.org/latvia-threatens-to-liquidate-jehovahs-witnesses-russian/>. – (дата обращения: 1.01.2025).
26. Верховный суд России признал «Свидетелей Иеговы» экстремистской организацией и ликвидировал ее // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.belta.by/world/view/verhovnyj-sud-rossii-priznal-svidetelej-iegovy-ekstremistskoj-organizatsiej-i-likvidiroval-ee-243830-2017/>. – (дата обращения: 1.01.2024).
27. ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/4160018>. – (дата обращения: 1.01.2025).
28. **Дьяченко, О. В.** Сущность и тенденции развития иеговизма в современной Беларуси / О. В. Дьяченко // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Сер. А. – 2018. – № 2 (52). – С. 76–81.
29. Беларусь. Проблемы религиозной свободы / Европейская ассоциация Свидетелей Иеговы. – Варшава : Human Dimension Implementation Meeting, 2019. – 9 с.
30. Обращения граждан о навязчивых звонках «Свидетелей Иеговы» участились в 2012 году // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.belta.by/society/view/obraschenija-grazhdan-o-navjazchivyh-zvonkah-svidetelej-iegovy-uchastilis-v-2012-godu-66209-2013/>. – (дата обращения: 1.01.2024).
31. В белорусские госорганы поступают жалобы от населения на представителей «Свидетелей Иеговы» // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.belta.by/society/view/v-belorusskie-gosorgany-postupajut>

zhaloby-ot-naselenija-na-predstavitelej-svidetelej-iegovy-54903-2014. – (дата обращения: 1.01.2025).

32. Настойчивость «Свидетелей Иеговы» вызывает недовольство у верующих других конфессий в Беларуси // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.belta.by/society/view/nastojchivost-svidetelej-iegovy-vyzyvaet-nedovolstvo-u-verujuschih-drugih-konfessij-v-belarusi-guljako-35339-2014>. – (дата обращения: 1.01.2025).

33. Гуляко не исключает снятия с регистрации некоторых общин свидетелей Иеговы // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – URL: <https://belta.by/society/view/guljako-ne-iskljuchaet-snjatija-s-registratsii-nekotoryh-obschin-svidetelej-iegovy-179938-2016/>. – (дата обращения: 2.02.2025).

Паступіў у рэдакцыю 15.04.2025 г.

Кантакты: vstarostenko@mail.ru (Старасценка Віктар Уладзіміравіч)

Starascienka V. U. DOCTRINAL AND DOGMATIC SPECIFICITY AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS OF JEHOVAH'S WITNESSES

The article considers specific elements of the doctrinal and dogmatic complex of the organization of Jehovah's Witnesses – including features of bioethics, the absolutization of their doctrine, and their detachment from state institutions and civic life. Problematic aspects of the organization's ideology are associated with the formation of negative practices in the state-confessional relations of Jehovah's Witnesses.

Keywords: Jehovah's Witnesses, bioethics, doctrine, state-confessional relations, eschatology, "true religion", "false religions", Christianity.

УДК 811.161.3'612:398.92(=161.3)

АДБОР КОЛЕРАНАЙМЕННЯЎ ПРЫ ЎТВАРЭННІ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

В. А. Ляшчынская

доктар філалагічных навук, прафесар, прафесар кафедры беларускай мовы
Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны

У артыкуле на матэрыяле фразеалагізмаў беларускай мовы з кампанентам-найменнем колеру вызначаецца іх адбор з ліку ўсіх колеранайменняў як асновы ўтварэння вобразаў фразеалагізмаў, усталяваецца прота-сімваліка гэтых слоў-кампанентаў; праводзіцца лінгвакультуралагічны аналіз, ці “прачытанне”, фразеалагізмаў з кампанентам-найменнем колеру, якое сведчыць аб прыналежнасці гэтых назваў колеру да знакаў вербальнага выражэння колеравага кода культуры беларусаў, ці тых назваў, якія здольныя да развіцця сімвалікі фразеалагізмаў, што, у сваю чаргу, выконваюць ролю не толькі знакаў мовы, але і знакаў культуры – выступаюць у ролі сімвалаў, эталонаў і стэрэатыпаў.

Ключавыя словы: фразеалагізм, вобраз, кампанент, колер, сімвал, эталон, беларусы, колеравы код культуры.

Уводзіны

Увага да фразеалагічных адзінак (далей ФА) абумоўлена, як вядома, найперш іх асаблівасцямі і той роляй у жыцці кожнага народа, паколькі гэтыя адзінкі мовы не толькі называюць, а яшчэ адлюстроўваюць, захоўваюць і транслююць ад пакалення да пакалення найбольш важнае ў жыцці народа-стваральніка і носьбіта гэтых адзінак – каштоўнасны арыенціры культуры, культурна-нацыянальную інфармацыю, вопыт і гістарычнае светаўспрыманне і светаразуменне народа. Гэтыя сіціслыя, ёмкія, вобразныя, ацэначныя адзінкі мовы вызначаюцца надзвычай багатым зместам, шматлікімі складнікамі сваёй семантыкі, важнейшае месца сярод якіх займае канатацыйнае значэнне, культурная інфармацыя. ФА па праву называюць не толькі адзінкамі мовы, але і адзінкамі культуры народа, дзякуючы іх адметнай сімвалічнай спецыфіцы, якая, паводле выказвання Т. З. Чарданцавай яшчэ ў 80-я гг. мінулага стагоддзя, “зключаецца ў матывацыю моўнага знака, якая звязана не з пераносным значэннем, як гэта характэрна для тропаў, а з карцінай свету, фонавымі ведамі, прагматыкай у шырокім сэнсе...” [1, с. 85].

Сёння ўстаноўлена, што культурная інфармацыя ФА абавязана наяўным у іх складзе словам-кампанентам, якія адабраны з ліку многіх і якія яшчэ ў дафразеалагічны перыяд свайго існавання ўжо мелі тое ці іншае сімвалічнае значэнне ў культуры народа, якое працываеца менавіта ў складзе ФА і дзякуючы якому ФА набываюць функцыю сімвалаў, эталонаў, стэрэатыпаў, выпрацаваных і прынятых народным светапоглядам [2].

Адно з груп фразеалагізмаў беларускай мовы складаюць тыя, у складзе якіх зафіксаваны словы-кампаненты ці, дакладней, словы-сімвалы як знакі культуры, што, паводле тэматычнага паказчыка кодаў культуры, складаюць колеравы код культуры беларусаў. Выяўлена, што з ліку ўвогуле не самай колькаснай групы найменняў колеру, асабліва ў параўнанні, напрыклад, з групай найменняў дзеяння, прыкмет дзеяння, асобы, у складзе ФА беларускай мовы зафіксавана толькі 14 такіх адзінак: *белы, блакітны, зялёны, жоўты, паласаты, рабы, руды, ружовы, светлы, сіні, цёмны, чорны, чырвоны, шэры*. Зразумела, што ў сувязі з гэтым узнікаюць пытанні: чым гэта абумоўлена і чаму менавіта названыя адзінкі абраны пры ўтварэнні вобразаў ФА як сродкаў пазнання культуры беларусаў? Адказ на гэтыя пытанні – галоўная мэта прапанаванага артыкула адносна адбору слоў-найменняў колеру, паколькі лічыцца, што для больш глыбокага пазнання сваёй ці тым больш чужой культуры неабходна “выявіць механізмы адбору сістэмы каштоўнасцей і сімвалаў, якія абумоўліваюць спецыфіку і самабытнасць гэтай культуры”, зыходзячы з таго палажэння, што ФА – гэта каштоўнейшая лінгвістычная спадчына, гэта крыніца пазнання культуры народа як іх стваральніка і носьбіта, гэта адзінкі, у якіх адлюстроўваецца практычны, гістарычны, духоўны вопыт беларусаў [3, с. 14].

Асноўная частка

Уся колькасць ФА з кампанентам-найменнем колеру як вербалізатараў колеравага

кода культуры беларусаў і адпаведна канцэпту *колера* невялікая – амаль восем дзясяткаў ФА, праўда, выяўленых толькі са “Слоўніка фразеалагізмаў” І. Я. Лепешава [4]. Частотнасць ужывання кожнага з адзначаных слоў-кампанентаў у складзе ФА беларускай мовы розная, але зноў жа не самая высокая. У прыватнасці, самымі частотнымі з’яўляюцца кампаненты *белы* і *чорны* – амаль два дзясяткі ФА з кожным, тры кампаненты са значна меншай частотнасцю (7 ФА з кампанентам *зялёны*, па 5 з кампанентамі *ружовы* і *чырвоны*) ці ўвогуле, як астатнія, зафіксаваны ў адзінкавых ФА. Несумненна, гэта непасрэдна звязана, як і ўвогуле адносна пашыранасці слоў-кампанентаў пэўнага кода культуры, з рэлевантнасцю, важнасцю пэўнага канцэпта ў свядомасці лінгвакультурнай супольнасці, з аксіялагічнай альбо тэарэтычнай каштоўнасцю з’явы, адлюстраванай у яго змесце. Іншымі словамі, у колеравы код культуры беларусаў, рэпрэзентаваны ФА, уваходзяць тыя ці іншыя найменні колера, у якія ўвасоблены культурныя сэнсы, пераасэнсаваныя ў эстэтычных і этычных катэгорыях, што і сталі носьбітамі культурных ідэй.

Так, вызначальныя паводле частотнасці ФА з кампанентамі *белы* ці *чорны* ўспрымаюцца на аснове антанімічнасці выкарыстаных у іх кантрасных найменняў колера, супрацьлегласць якіх скіроўвае носьбітаў мовы да вядомых з глыбокай старажытнасці архетыпічных супрацьпастаўленняў «белы – чорны», «высокі – нізкі», «чысты – брудны» і інш. і захаваных у глыбінях памяці чалавека, а таму лёгка ўзнаўляльных пры ўспрыманні ФА як пераасэнсаваных другасных адзінак мовы і культуры.

У прыватнасці за белым колерам ва ўсходніх славян замацавана сімволіка ўлады (белае адзенне знаці), волі (белымі называлі вольных людзей), прыгажосці, чысціні (белы твар, белыя рукі, узгадаем тут і Белую Русь, беларусаў з іх белым адзеннем, светлым колерам валасоў), святла, дня, свету і інш. А чорны колер, наадварот, сімвалізуе смерць (быць у жалобе, чорнае адзенне, павязка як знак жалобы), царства мёртвых, зло, ліха, варожасць (чорныя думкі, справы, ачарняць каго ці што, чорныя сілы, нячыстыя сілы, чорт з чорнай поўсцю), цемру, ноч у супрацьлегласць святлу, дню, той свет у супрацьлегласць гэтаму, белаю, свету. Узгадаем і народныя прыкметы і вераванні пра чорнага ката (*чорная кошка прабегла* // *чорны кот прабега* ‘сапсаваліся адносіны паміж кім-н., хто-н. пасварыўся з кім-н.’),

чорныя вочы. Менавіта з улікам гэтага ФА *белая костка* /*косць* ‘чалавек знатнага (часцей дваранскага) паходжання’ супрацьстаіць ФА *чорная костка* ‘чалавек простага, нязнатнага паходжання’, і абедзве з’яўляюцца другаснымі адзінкамі, служаць для вобразнага азначвання чалавека (праз частку, косць, – цэлае, чалавек) і адлюстроўваюць эталонныя ўяўленні аб паходжанні чалавека.

Колеравы кампанент *белы* з прычыны свайго пачатковага станоўчага значэння і той адабральнай ацэнкі і кампанент *чорны* з яго адмоўнай канатацыяй нясуць і надаюць адпаведную канатацыю ўсяму выразу. Гэта відавочна на матэрыяле ФА *белы свет* ‘навакольная рэчаіснасць – сусвет, зямля, з усім, што на ёй існуе; жыццё ва ўсіх яго праяўленнях’ і *чорны дзень* ‘цяжкі, змрочны час для каго-н.’, *рабіць з белага чорнае* /*белае чорным* ‘падаваць што-н. у іншым выглядзе, беспадстаўна перайначваць’, а таксама *выцягваць на белы свет* ‘даводзіць што-н. да ведама публікі; выкрываць’, *на белым кані быць*, *апынуцца, вярнуцца* і пад. ‘у выгадным становішчы, як пераможца’ і інш. і ФА як <*чорны*> *вол рабіць*, *працаваць*, *цягнуць* і пад. ‘з крайнім напружаннем сіл’, *чорны воран* ‘аўтамашына для перавозкі арыштаваных’, як і ФА ў *чорным святле* /у *чорных фарбах* ‘змрочна, непрыглядна, горш, чым на самай справе (бачыць, паказваць, уяўляць і пад.)’; у *чорным целе* трымаць 1) ‘надгаладзь, без дастатковага харчавання’ і 2) ‘вельмі строга, сурова, абмяжоўваючы свабоду дзеянняў’; *чорна ў роце* ‘хто-н. вельмі злы, люты’. Выдзелім ФА *глядзець праз чорныя акуляры* на каго, што ‘не заўважаючы нічога добрага ў чым-н., чарніць, ганьбіць каго-, што-н.’ і *маляваць /мазаць чорнай фарбай /чорнымі фарбамі* ‘падаваць, характарызаваць каго- ці што-н. у негатыўным плане’ з прычыны наяўнасці аднаструктурных антанімічных ФА *глядзець праз ружовыя акуляры* ‘не заўважаючы недахопаў у кім-, чым-н., ідэалізаваць каго-, што-н.’ і *маляваць ружовымі фарбамі /у ружовых колерах* ‘ідэалізавана, лепш, чым на самай справе (бачыць, паказваць, уяўляць і пад.)’ з абраным кампанентам-найменнем ружовага колера, які сімвалізуе дадатнае, станоўчае, добрае, але адметнае ад белага, бо ружовы – гэта сімвал ідэалізацыі (параўн.: ФА *ружовыя акуляры* ‘ідэалізаванае бачанне, успрыманне чаго-н.’; *ружовы туман* ‘стан таталітарна-савецкага ўспрымання рэчаіснасці’; у *ружовым святле* /*колерах* ці ў *ружовых колерах* /*фарбах* ‘ідэалізавана, лепш, чым на самай

справе (бачыць, паказваць, уяўляць і пад.)»).

У асобных ФА часткова захоўваецца дэна-татыў кампанента, як гэта ўласціва ФА *чорнае золата* ‘нафта’, што ўтворана на аснове перыфразы, *белая варона* ‘чалавек, рэзка непадобны да іншых людзей сваімі паводзінамі ці знешнім выглядам, не такі, як усе’, што абавязана ўяўленню пра альбіносаў як даволі рэд-кай з’яве, *чорным па белым* напісана, надрукавана і пад. ‘вельмі дакладна, выразна, зусім пэўна, недвухсэнсавая’ ці *белая пляма* як ФА з прасторавай метафарай і пераасэнсаваным картаграфічным тэрмінам: неадследаваныя тэрыторыі на геаграфічных картах абазначаюцца белым колерам.

ФА *блакітная кроў* па-новаму прадстаўляе змест архетыпічных супрацьпастаўленняў «свой – чужы», «добры – дрэнны», «высокі – нізкі» праз адбор кампанента *кроў*, што абумоўлены не толькі наўным разуменнем месца і ролі крыві ў жыццядзейнасці чалавека як «вадкасці, якая рухаецца па крывяносных сасудах арганізма, жывіць яго клеткі і забяспечвае абмен рэчываў», але і як сродку вызначэння «блізкага, кроўнага сваяцтва» [5, с. 728], і кампанента колеравага кода культуры *блакітны*, які выклікае ў носьбіта мовы асацыяцыі з блакітным колерам неба, з небам як месцам знаходжання багоў, што ўваскрашае яшчэ адзін архетып – «верх – ніз». У сувязі з гэтым актуалізуецца ўяўленне пра няроўнасць людзей, пра супрацьпастаўленне іх паводле паходжання, а ўсё разам выяўляе культурную канатацыю гэтай адзінкі, што выступае сінонімам да ФА *белая костка* і выяўляе сваю культурную канатацыю, якая ўздзейнічае на выбар ФА ў пэўнай сітуацыі і з пэўнай мэтай.

Нягледзячы на “прачытаць” дадатковы культурны змест і адносна новай ФА *блакітныя берэты* ‘дэсантнікі, воіны мабільных сіл у савецкім і ў сучасным беларускім войску’, дзе зноў скарыстаны колеравы код як знак, што ўказвае на суаднесенасць з колерам галаўнога ўбору, выбар якога абавязаны сімвалічнаму вытоку – гэта колер неба, тая вышыня, з якой звязана дзейнасць воінаў. Да месца тут будзе ўзгадаць і ФА *зялёныя берэты* ‘дэсантнікі, воіны мабільных сіл у войску ЗША’, параўнанне якіх указвае на сігналацыю з старажытным пластом культуры (з архетыпамі-апазіцыямі «верх – ніз», «неба – зямля»), паколькі выяўляецца адметнасць выбару колеру: *блакітны* асацыіруецца з небам, з воляй Бога, скіроўвае ўвагу да аднаго істотнага спосабу высадкі дэсантнікаў – паветранага, а *зялёны* – з расліннас-

цю, зямлёй, скіроўвае ўвагу да асаблівасці маскіроўкі пад расліннасць у выбары колеру берэтаў амерыканскіх дэсантнікаў. І як вынік, адзінкі служаць для лёгкага і хуткага запамінання, стварэння вобраза абаронцаў, аднолькавых паводле прызначэння, але з выяўленнем істотнага культурнага разыходжання – адметнасці паводле колеру аднаго з элементаў касцюма воінаў дзвюх розных краін.

І выбар прыметніка *чырвоны* як наймення колеру і як асновы вобразаў ФА абумоўлены яго сімвалікай, што нададзена народам у мінулым і транслуюцца і ўзнаўляюцца ў свядомасці сучасных носьбітаў мовы пры ўспрыманні ФА. Дарэчы, чырвоны колер разам з белым і чорным лічацца самай распаўсюджанай у свеце трыядай колераў, якую, на думку Т. І. Шамякінай, «можна лічыць нейкім усеагульным кодам чалавечай культуры» [6, с. 58]. І гэта невыпадкова, паколькі чырвоны – гэта сімвал жыццёвых сіл, моцы, здароўяў, прыгажосці, маладосці, гэта колер крыві (чырванашчочкі твар, румяны, вышыванае чырвонымі ніткамі адзенне, ручнікоў, чырвоная нітка на руцэ як абярэг ад злых сіл, як лекі ад галаўнога болю), і гэта сімвал агню праз падабенства колеру, бяды, пажару (маланка, нябесны пажар, зара, зараніца). Акрамя таго, у мінулым лічылася, што ў час навальніцы разам з маланкай на зямлю саскоквае чырвоны пяхух, які і спальвае хаты. Як своеасаблівы напамін можна адзначыць захаваны да нашага часу матэрыяльныя сведкі гэтага ўяўлення ў выглядзе выразанага бляшанага ці драўлянага петушка, якім упрыгожваюць вільчакі хат і які ў мінулым выконваў ролю абярэга – «сімвалічнага прадмета, якому прыпісвалі магічную здольнасць засцерагаць жыллё ад няшчасцяў і злых духаў», ад пападання маланкі і пажару [7, с. 82]. У выніку ФА *чырвоны пяхух* ‘пажар’, дзе чырвоны колер скарыстаны на аснове падабенства колеру апярэння птушкі і колеру агню, і ФА *пускаць /падпускаць <чырвонага> пяхуха /пяхуха* ‘зламысна падпальваць што-н.’ становяцца выразна матываванымі адзінкамі. Так, ФА *пускаць /падпускаць <чырвонага> пяхуха /пяхуха* пабудавана на аснове метафары, паводле якой наўмысна, са злымі намерамі падпаліць, як правіла, жыллё чалавека ці іншую пабудову, прызначаную чалавекам для захавання чаго-небудзь, прыпадабняецца да пускання чырвонага пяхуха, які сімвалізуе агонь, пажар. Апошняя ФА вядома многім мовам, параўн. руск. *пускать /пустить /сжечь /носадить на крышу красного петуха*; укр. *пуска-*

ти /пустити <червоного> півня; пол. *puscić kuzia*; чэш. *posdit komu červeného kohouta*; ням. *den (rotten) Hahn aufs Dach setzen* (літаральна ‘пасадыць (чырвонага) пёўна на страху’) і інш.

Чырвоны – яшчэ і сімвал трывогі, увагі (узгадаем святлафор у вулічным руху), рэвалюцыйнага камуністычнага ладу, савецкага, крайняга левага па палітычных перакананнях (чырвоныя сцягі, чырвонаармейцы, чырвоныя гальштукі піянераў у савецкі час і інш.). І тады ФА абкласці чырвонымі сцяжкамі каго ‘стварыць крайне неспрыяльныя ўмовы для чыёй-н. жыццядзейнасці’, што абавязана пераасэнсаванню прамога спалучэння слоў, скарыстанага пры наладжванні аблавы на ваўкоў у паляўнічых, чырвоны памешчык ‘старшыня калгаса як гаспадар з неабмежаванай уладай’, дзе два кампаненты выступаюць сімваламі рознага часу: чырвоны – савецкі, памешчык – прадстаўнік дасавецкага перыяду, ці чырвонай ніткай праходзіць, пралягаць і пад. ‘вельмі выразна, ярка’ як калка з нямецкай мовы становяцца больш зразумелымі, асэнсаванымі менавіта на аснове сімвалікі толькі колеравага кампанента.

Выбар прыметніка зялёны як кампанента шэрагу ФА ў беларускай мове, несумненна, абавязаны яго сімваліцы. Зялёны – сімвал самога жыцця, прыроды і экалогіі, гармоніі і раўнавагі (экалагічны рух, партыі зялёных). Гэты колер выклікае асацыяцыю з вясной, абуджэннем прыроды, ён супакойвае чалавека, сімвалізуе здароўе, чысціню. І тады зразумелым становіцца дадатковая інфармацыя ФА зялёная вуліца ці зялёнае святло з агульным значэннем ‘свабодны шлях, без перашкод і затрымак’ (узгадаем святлафор). Праўда, зялёны колер мае і негатыўную сімваліку – сімвал суму, нуды, маркоты. А яшчэ зялёны лічыцца колерам вачэй д’ябла і яго лускі, гэта д’яблава спакуса. І менавіта гэта ляжыць у аснове падтэксту ФА зялёны змей як вобразнага наймення гарэлкі ці п’янства, і таму так супрацьлегла – ад захаплення, здзіўлення да прыкрасці, агіды і пад. – чалавек выражае свае эмоцыі з дапамогай прастамоўнай выклічнікавай ФА ёлкі зялёныя.

Адзінаквыя ФА з кампанентам сіні – таксама сведчанне сёння скрытай сімвалікі, паколькі за сінім колерам у культуры розных народаў замацавана шматлікая і разнастайная сімваліка. Сіні колер сімвалізуе нізкую тэмпературу, нават холад, зварот у сярэдзіну, у сябе, ‘сіні сімвалізуе аб’ёмнасць, недасягальнасць, бясконцасць, з’яўляецца ўвасабленнем боскай

сілы, сімвалам вечнасці і гармоніі” [8, с. 118]. А паводле заўваг І. В. Гётэ, сіні колер «утрымлівае ў сабе супярэчнасць узбуджэння і спакою» [9, с. 44]. І ФА гарэць сінім полымем / агнём ‘знаходзіцца пад пагрозай невыканання, зрыву’ і ‘псавацца, становіцца непрыгодным’ вобразна называе спосаб знішчэння як негатыўнага дзеяння выніку полымя / агню для перадачы ўспрымання і дае вобразнае ўяўленне такіх абстрактных паняццяў, як зрыў, невыкананне якой-небудзь работы ці псавання рэчы, механізму, што выходзіць са строю і становіцца непрыгодным для далейшага выкарыстання.

Больш зразумелай становіцца і ФА сіняя панчоха, запазычаная з англійскай мовы (*blue-stocking*), дзе кампанент-найменне колеру сіні даносіць даволі шматлікую і цікавую культурную інфармацыю: сіні фарміруе ўяўленне пра замкнутую, скрытную жанчыну, якая абыхавая да падзей, да перамен у жыцці, з абмежаваным колам зносін, не заўважае нічога вакол сябе, жыве ў сваім «вузкім», адасобленым свеце; кампанент сіні ў складзе ФА сімвалізуе халоднасць, удзельнічае ў фарміраванні вобраза жанчыны, якая выдзяляецца крайняй стрыманасцю ў праяўленні сваіх пачуццяў, пазбаўлена абаяльнасці, прывабнасці, жаноцкасці. І ўрэшце, сіні сімвалізуе кансерватызм, пратэст супраць усяго новага, прагрэсіўнага [10, с. 637]. ФА даносіць нам звесткі пра былую моду Англіі, пра такі кампанент касцюма, як панчохі, які характэрны не толькі для жанчын, як у сучаснай модзе і быце, але і для мужчын, а іх колер яшчэ і пра адметнасць сацыяльнага асяроддзя мужчын. Называючы сёння так жанчыну, даносіцца з былых часоў і перадаецца ў часе і прасторы ўяўленне пра негатыўную ацэнку жанчыны, якая хоча быць падобнай да мужчыны. А яшчэ негатыў перадаецца праз прыём метаніміі, у аснове якога назіраецца атаясамліванне панчохі з жанчынай на аснове асацыяцыі па прыналежнасці (*панчоха* як рэч – жанчына, якая яе носіць).

Заклучэнне

Такім чынам, выяўленыя ФА з кампанентам-найменнем колеру і аналіз толькі паасобных з іх вяртае нас да былых уяўленняў, да тых сімвалаў, што замацаваны ў народнай свядомасці за пэўным колерам. Лічыцца, што «колера можа дзякуючы асацыяцыям набываць пэўную эмацыянальную афарбоўку або выклікаць тыя ці іншыя пачуцці ў залежнасці ад вопыту, набытага чалавекам пры ўспрыманні

колера і адпаведнага прадмета» [11, с. 103]. Менавіта гэтым і можна тлумачыць выбар колера пры ўтварэнні фразеалагічных выразаў як другасных адзінак мовы, якія набываюць ролю эталонаў, сімвалаў, адлюстроўваюць стэрэатыпныя ўяўленні аб пэўных з’явах, аб’ектах з жыцця народа.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Черданцева, Т. З.** Метафора и символ во фразеологических единицах / Т. З. Черданцева // *Метафора в языке и тексте*. – М. : Наука, 1988. – С. 78–92.
2. **Ляшчынская, В. А.** Крытэрыі адбору слоў як кампанентаў фразеалагізмаў пры іх утварэнні / В. А. Ляшчынская // “Святло душы і таленту Святло...” : зб. навук. артыкулаў / рэд.кал.: А. М. Ермакова (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – С. 116–122.
3. **Гуревич, Т. М.** Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира : автореф. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Гуревич Татьяна Михайловна. – М., 2006. – 45 с.
4. **Лепешаў, І. Я.** Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мн. : БелЭН, 2008. – Т. 1 : А–Л. – 672 с. ; Т. 2 : М–Я. – 704 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Мн. : БелСЭ, 1978. – Т. 2 : Г–К. – 768 с.
6. **Шамякіна, Т. І.** Міфалогія і беларуская літаратура : нарысы і эсэ / Т. І. Шамякіна. – Мн. : Маст. літ., 2000. – 398 с.
7. **Сахута, Я.** Вільчак / Я. Сахута // *Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўнік / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько*. – Мн. : Беларусь, 2011. – С. 81–82.
8. **Струц, І. А.** Лексіка колераабзначэння ў мове беларускай паэзіі першай трэці XX стагоддзя: семантыка, вобразнасць, сімволіка : дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / Струц Ірына Анатольеўна. – Мінск, 2017. – 190 с.
9. **Гете, И. В.** Учение о цвете. Теория познания / И. В. Гете ; изд. 4-е., пер. с нем. В. О. Лихтенштадта. – М. : URSS: Либроком, 2012. – 195 с.
10. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 784 с.
11. **Цойгнер, Г.** Учение о цвете : популярный очерк / Г. Цойгнер ; пер. с нем. Э.Н. Зеликовой ; науч. ред. Г. Г. Борис. – М. : Стройиздат, 1971. – 159 с.

Паступіў у рэдакцыю 12.01.2025 г.

Кантакты: zshvedova@mail.ru (Ляшчынская Вольга Аляксееўна)

Lyashchynskaya V. A. SELECTION OF COLOR NAMES WHEN FORMING PHRASEOLOGY OF THE BELARUSIAN LANGUAGE

In the article, based on the material of Belarusian phraseological units containing colour-name components, their selection from among all colour names is determined as the basis for the formation of images in phraseological units; the proto-symbolism of these words is established; a linguistic-cultural analysis, or «reading», of phraseological units with colour-name components is carried out, indicating that these colour names belong to the signs of the verbal expression of the colour code of Belarusian culture, or the names capable of developing the symbolism of phraseological units, which in turn play the role not only of linguistic signs but also cultural signs – acting as symbols, standards, and stereotypes.

Keywords: phraseological unit, image, component, colour, symbol, standard, Belarusians, colour code of culture.

**СООТНОШЕНИЕ ВАРИАНТОВ
ФОРМЫ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА
ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
СЕРЕДИНЫ XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI в.**

Е. А. Болтовская

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
докторант кафедры русского языка
Белорусский государственный университет

В статье излагаются результаты исследования конкурирующих в современном русском языке вариантов формы родительного падежа (с партитивным значением) единственного числа вещественных существительных мужского рода. На основе сопоставления сведений из ортологических источников и данных, полученных на материале Национального корпуса русского языка, с помощью привлечения метода математической статистики выявляются и характеризуются произошедшие с середины XX в. по настоящее время изменения в узальном употреблении вариантов, связанных с рассматриваемой грамматической формой. Результаты исследования могут найти применение в преподавании культуры речи, морфологии, истории русского литературного языка.

Ключевые слова: динамика грамматической нормы, конкуренция грамматических вариантов, форма родительного падежа единственного числа, партитивное значение родительного падежа, имя существительное мужского рода.

Введение

В условиях быстрого развития электронного общения и возникновения в связи с этим новой формы речи (устно-письменной [1, с. 33–34], или письменной разговорной речи [1, с. 305]) все сложившиеся нормы литературного языка (в том числе и морфологические) подвергаются пересмотру. Вариантность падежных форм склоняемых существительных давно интересует исследователей, однако эта проблема по-прежнему актуальна в силу более интенсивной, чем раньше, изменчивости норм.

Цель статьи – на основе сопоставления данных, извлеченных из Национального корпуса русского языка [<http://www.ruscorpora.ru/new/>] (далее – НКРЯ), выявить и охарактеризо-

вать изменения в развитии вариантности флексий *-а/-я* и *-у/-ю*, служащих для выражения количественного значения формы родительного падежа единственного числа имен существительных мужского рода.

Для реализации цели использовались описательный метод, метод контекстного анализа, количественный метод. Материалом для исследования послужили сведения, извлеченные из ортологических источников, а также примеры из текстов, размещенных в нескольких подкорпусах НКРЯ (основной, устный, газетный (центральные и региональные СМИ), подкорпус «Социальные сети»).

Основная часть

Установлено, что до конца XVIII в. формы на *-а/-я* и *-у/-ю* родительного падежа единственного числа воспринимались носителями русского языка как равнозначные, в XIX в. они служили для разграничения падежных значений у отдельных семантических групп существительных (вещественных, отвлеченно-собирательных): родительного количественного (количественно-разделительного/отделительного [2, с. 148–149], партитивного) и неопределенного (ср. *выпить чаю* и *вкус чая*). А в литературном языке XX в., так как между формами «падежно-грамматический и семантический контрасты выражены недостаточно четко, не имеют силы грамматического закона» [3, с. 176], они чаще всего использовались для стилистической дифференциации: «...формы на *-у (-ю)*, в отличие от нейтральных форм на *-а (-я)*, стилистически несколько снижены, носят разговорную окраску» [4, с. 151]. С середины XX в. одни лингвисты высказывают предположение о том, что «выделение количественного значения носит умозрительный характер и на практике говорящи-

ми не осознается» [5, с. 78; 6, с. 170], другие же, наоборот, ратуют за признание в русском языке дополнительного второго родительного падежа, или партитива, связанного с выражением частичности [7, с. 44–46].

Благодаря проведенному коллективом советских ученых масштабному социолингвистическому исследованию употребления вариантных флексий формы родительного падежа с партитивным значением в разностилевых текстах 1900–1960 гг. и устной речи современников разных возрастных и профессиональных групп [3, с. 175–199] были выявлены следующие закономерности:

1. В начале XX в. вариант на *-у/-ю* преобладал в письменной деловой речи (справочники с кулинарными рецептами) в конструкциях с партитивным значением родительного падежа (в 90 % случаев), а также нередко использовался в конструкциях с нечислительным значением (*для супу, вместо сахара, из ливеру*). Активное падение употребительности формы на *-у/ю* пришлось на 20-е и 30-е гг. XX в. из-за отказа авторов послереволюционных изданий от устных оборотов речи под влиянием усиливающейся книжности и стандартности научной и газетно-журнальной речи (где в XIX в. преобладали формы на *-а/-я*). В последующие десятилетия процесс вытеснения формы на *-у/-ю* продолжался, но более плавно. В языке художественной литературы (исследование проводилось на материале драматических произведений пьес) убывание формы на *-у/-ю* происходило медленнее (ее употребление снижается от 76,9 % в начале XX в. до 50,2 % в 50–60-х гг.). Записи устной непринужденной речи, проведенные в 1963–1965 гг., также показывали незначительное количественное преобладание формы на *-у/-ю* (51,5 %) [3, с. 198].

2. Устойчивость употребления варианта с флексией *-у/-ю* непосредственно связана с частотностью слова: «Наиболее частотные слова удерживают форму на *-у* дольше других» [3, с. 181]. Малочастотные и в разговорной бытовой, и в письменной речи слова (*эстрагону – эстрагона, шпинату – шпината, солоду – солода*) «принимали в начале XX в. форму на *-у*, а в 30-е и тем более в 50–60-е годы – форму на *-а*» [3], тогда как наиболее употребительные в устной и среднечастотные в письменной речи лексемы (типа *лук, перец, рис, сыр, творог, жир*) сохраняли форму на *-у/-ю*.

3. Обнаружена некоторая зависимость выбора формы от типа синтаксических конструкций. Флексия *-а/-я* вытесняет флексию

-у/-ю из всех конструкций с родительным партитивным с разной степенью интенсивности: «По степени употребительности формы на *-у* на первом месте оказываются глагольные конструкции со значением неполного объекта, затем сочетания с наречиями, обозначающими меру (*много, мало, побольше, поменьше*), затем именные сочетания. Наиболее проникаемыми для формы на *-а* являются свободные синтаксические построения, в которых партитивное значение ослабляется вставкой зависимых слов типа *стакан крепкого чая, купить в магазине машинного масла, лака и воска и под.*» [3, с. 193]. К. С. Горбачевич утверждает, что «в глагольно-именных словосочетаниях (при наличии переходного глагола) естественной и нормативной для современного языка продолжает оставаться форма на *-у (-ю)*: *положить сахару, заварить чаю, нарезать сыру, налить супу* и т. п.» [4, с. 152]. Однако в речевой практике (вероятно, под влиянием закона экономии) при переходных глаголах форма на *-у/-ю* постепенно вытеснялась не столько формой на *-а/-я*, сколько формой винительного падежа с нулевой флексией (*налить кипятку, прибавить перец* вместо *налить кипятку, прибавить перцу*); ср., например, *купить табак* (44,44 %), *купить табака* (29,63 %), *купить табаку* (25,93 %) [8, с. 167].

4. Круг лексем, способных употребляться с флексией *-у/-ю*, значительно сузился. В начале XX в. любое вещественное существительное, в том числе заимствованное или малоизвестное, могло быть с флексией *-у/-ю* (*чаю, луку, сахару, квасу, супу, маку, нашатырю, спирт, кишвассеру, шашлыку*). К 50–60-м гг. усилился процесс закрепления флексии *-у/-ю* за определенными словами и их сочетаниями. Сохранились формы на *-у/-ю* во фразеологических сочетаниях (например, *дать маху, спору нет, без году неделя, не давать спуску*) и в уменьшительных формах с ударением на окончании (например, *чайку, кофейку, коньячку*).

5. С середины XX в. в речевом сознании русскоговорящих употребление формы на *-у/-ю* связано со стилистической, а не грамматической дифференциацией. Эксперимент, в котором испытуемым предлагалось подставить окончание *-а/-я* или *-у/-ю* к лексеме *сахар* в предложениях разговорного и книжного характера, показал противоположные количественные отношения вариантов: опрошенные старшего поколения предпочли флексию *-у* в предложении *Я люблю сладкий чай, положи*

мне побольше сахар... (61,4 %) и флексию *-а* в предложении *Наша промышленность выпустила в этом году намного больше сахар... по сравнению с прошлым годом* (72,4 %) [3, с. 193–194].

Л. К. Граудина, проведя анкетирование на примере вариантов *чая/чаю*, выступающих с количественно-отделительным значением родительного падежа в именном сочетании (*Мы выпили три стакан... кофе и две чашки ча...*), выявила узуальные предпочтения употребления вариантов в зависимости от уровня образования, профессии, возраста носителей языка и получила такие результаты: «Из 4015 ответов данные распределились следующим образом: *чая* – 2345, *чаю* – 1608, в 36-ти ответах были записаны обе формы – и *чая*, и *чаю*, в 26 случаях ответ был или неправильным, или непонятным, или его не было совсем – эта группа условно названа “не ответили”» [5, с. 79], т. е. вариант *чая* был предпочтен 58,4 % респондентов, а вариант *чаю* – 40,0 %, и можно говорить о том, что в 60-е гг. XX в. указанные варианты находились в фазе активной конкуренции, причем представители интеллигенции с высшим филологическим образованием (52,0 %), писатели и журналисты (59,3 %) предпочитали традиционный в то время вариант *чаю*, тогда как лица с высшим нефилологическим образованием (62,3 %), служащие (58,8 %), рабочие (67,2 %), студенты-филологи (59,3 %) и студенты-нефилологи (60,8 %) чаще (но с незначительным количественным перевесом) использовали в речи вариант *чая* [5, с. 84–85]; представители старшего поколения чаще молодых использовали вариант *чаю*, у них «конкурирующие формы *чая* и *чаю* почти что равновероятны. У поколения 30-х годов произошел перелом в употреблении форм. У молодежи 40-х годов форма *чая* значительно преобладает, тогда как форма *чаю* обнаруживает тенденцию к резкому сокращению в употребительности» [5, с. 81–82]. Началась стабилизация новой нормы и спад форм на *-у* [8, с. 150].

В современных ортологических источниках содержится информация о продолжающейся вариантности флексий *-а/-я* и *-у/-ю* при выражении количественного значения родительного падежа. Так, в «Кратком словаре трудностей русского языка» Н. А. Есько-вой основным окончанием признается *-а/-я*: например, «*чай*², *ча́я*, в колич. знач. возм. род. ча́ю» [9, с. 489], «*са́хар*, *-а*, в колич. знач. возм. род. са́хару» [там же, с. 404]; «*песко́к*, *песка́*,

в колич. знач. возм. род. песку́» [9, с. 310]. Подобного мнения придерживаются и авторы «Словаря грамматических вариантов русского языка», которые считают, что «следует рекомендовать флексию *-а* как нормативную основную форму род. падежа во всех его значениях и для всех стилей литературного языка. Флексия же *-у* представляет собой второстепенную вариантную форму, свойственную прежде всего устной речи, в письменных же стилях она держится преимущественно во фразеологии и в уменьшительных формах» [6, с. 171]. Правда, акцент здесь делается не на важность определенного значения родительного падежа (количественного) для возможности использования того или иного варианта, а на разграничении устной и письменной форм речи, в которых строгость норм различна. В нескольких словарях, размещенных на портале Грамота.ру, в «Словаре правильной русской речи» Н. В. Соловьева варианты на *-а/-я* и *-у/-ю* представлены без указания на определенное значение родительного падежа: например, *чая* и *чаю* [10, с. 816], *сахара* и *сахару* [10, с. 683], *песка* и *песку* [10, с. 498]; к тому же у Н. В. Соловьева находим рекомендацию употреблять преимущественно флексию *-у/-ю* для выражения партитивного значения родительного падежа единственного числа вещественных существительных: «...при обозначении целого, из которого выделяется какая-либо часть, в родительном падеже существительных единственного числа, имеющих вещественное значение, обычно употребляется окончание *-у/-ю*» [10, с. 685].

В газетном подкорпусе и подкорпусе «Социальные сети» НКРЯ мы исследовали то же именное словосочетание (*чашка чая/чаю*), что и Л. К. Граудина [5], учитывая контексты с полной парадигмой лексики *чашка* (*чашка*, *чашки* (Р. п. ед. ч., И. п. мн. ч., В. п. мн. ч.), *чашке* (Д. п. ед. ч., П. п. ед. ч.), *чашку*, *чашкой/ою*, *чашек*, *чашкам*, *чашками*, *чашках*). При подсчете все повторяющиеся случаи принимались за одно употребление.

В газетном подкорпусе нами было обнаружено 945 подходящих примеров с вариантом *чая*, употребленных с 1986 по 2023 г., и 35 – с вариантом *чаю* (с 1996 по 2018 г.). В подкорпусе «Социальные сети» найдено 418 примеров с вариантом *чая* (с 2006 по 2023 г.) и 20 – с вариантом *чаю* (с 2006 по 2021 г.). Общее количество найденных примеров и процентное соотношение в вариантной паре *чая* – *чаю* представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Употребление вариантов *чая/чаю* в именном словосочетании *чашка чая/чаю* в текстах газетного подкорпуса и подкорпуса «Социальные сети» НКРЯ

Подкорпус НКРЯ	Количество варианта <i>чая</i>	Количество варианта <i>чаю</i>	Всего
Газетный	945 (96,4 %)	35 (3,6 %)	980
Социальные сети	418 (95,4 %)	20 (4,6 %)	438
Всего	1363 (96,1 %)	55 (3,9 %)	1418

По виду количественных соотношений между членами вариантных пар Л. К. Граудина условно выделяет 4 разновидности пар:

1. Пары, соотношение вариантов в которых колеблется в пределах 0–10 % / 100–90 %. В таких случаях можно считать, что один из вариантов является практически общеупотребительным, второй же употребляется редко.

2. Пары, в которых соотношение вариантов колеблется в пределах 11–20 % / 89–80 %. В подобных случаях преобладает один из вариантов, а второй употребляется сравнительно редко.

3. В парах, где соотношение вариантов находится в пределах 21–40 % / 79–60 %, употребительными можно считать оба варианта, однако один из них имеет преимущество.

4. Пары с соотношением вариантов 41–50 % / 59–50 % могут быть квалифицированы как равновероятные в употреблении [8, с. 141–142].

Из таблицы 1 видно, что вариантная пара *чая – чаю* относится в количественном отношении к первой разновидности, что говорит о преимущественном употреблении варианта *чая*. Похожие результаты в двух подкорпусах свидетельствуют о том, что начиная с 80-х гг. XX в. конкуренцию вариантам *чая – чаю* можно охарактеризовать как неравноправную, с доминированием варианта *чая* и в текстах СМИ, и в текстах социальных сетей. Более того, можно наблюдать распространение флексии *-а* в сферы ранее безвариантного употребления с флексией *-у*, скорее всего, под влиянием закона аналогии. Так, в «Краткой русской грамматике» определено: «При ударении на окончании у уменьшительных слов на *-ок*, *-ёк*, употребленных в количественном значении, **единственно возможны** (выделение наше. – Е. Б.) формы род. п. на *-у́*, *-ю́*: *ложка медку́*, *немного ледку́*, *заварить чайку́*, *горсть табачку́*» [11, с. 188]. В «Словаре грамматических вариантов русского языка» эта категоричность смягчена указанием на предпочтитель-

ное употребление варианта с *-у*: «Уменьшительные формы с ударением на окончании также употребляются преимущественно с формой *-у*: *лучку*, *коньячку*, *кваску*, *чайку*, *кофейку* (но зафиксированы и формы *сырка*, *творожка*, *коньячка*, *уголька*, *огонька* и даже *лучка*)» [6, с. 171]. В подкорпусе «Социальные сети» нами было обнаружено 48 примеров с выражающей количественное значение родительного падежа формой *кофейку* (с 2007 по 2020 г.), 37 примеров с формой *коньячку* (с 2010 по 2020 г.) и 8 примеров употребления варианта *кофейка* (с 2012 по 2019 г.), 15 примеров – *коньячку* (с 2011 по 2022 г.) с тем же падежным значением: ср. *Любителям выпить кофейку к сведению: употребление крепкого кофе натошак стимулирует выработку кортизола*. [Руслан Касумов. Фитнес Тренер Воронеж (15.03.2020)] и *Читану, кофейка выпью и буду писать про первый этап исследования*. [vk (01.10.2013)]; *Он пока ждал долго общался с её матерью, выпили немного коньячку и в итоге сам не заметил как оказался с ней в одной постели*. [Псевдоним den stranger. Жизнь в Воронеже (2020)] и *В этот вечер у двух командиров были дни рождения, мы собрали несколько коробок с едой, привезли немножко коньячка и накрыли праздничный стол*. [vk (25.02.2015)].

Отмерив одинаковый хронологический «шаг», теперь отследим динамику убывания варианта *чаю* на материале основного (389 млн), устного (14 млн), газетного (884 млн), соцсетевого (161 млн) подкорпусов НКРЯ. Нижняя хронологическая граница третьего этапа (с 1983 г.) установлена такой потому, что именно с этого года размещены статьи в самом объемном из всех в НКРЯ газетном подкорпусе, а соцсетевого подкорпуса, начинающийся в НКРЯ с 2001 г., выделяется среди остальных наибольшей свободой от нормативных ограничений и отражает живые изменения русского языка, которые могут быть не зафиксированы в основном и газетном подкорпусах.

Таблица 2 – Динамика употребления вариантов *чая/чаю* в составе именного словосочетания *чашика чая/чаю* в текстах основного, устного, газетного, соцсетевого подкорпусов НКРЯ

Этап	Хронологический отрезок (подкорпус НКРЯ)	Количество варианта <i>чая</i>	Частота	Количество варианта <i>чаю</i>	Частота	Общее количество
1	1941–1961 гг. (основной)	31	0,596	21	0,404	52
2	1962–1982 гг. (основной, устный)	80	0,769	24	0,231	104
3	1983–2003 гг. (основной, устный, газетный)	426	0,878	59	0,122	485
4	2004–2024 гг. (основной, устный, газетный, соцсетевой)	1217	0,952	62	0,048	1279

Общеизвестно, что подсчеты должны строиться на достаточно однородной и устойчивой совокупности, где все доступные варианты непрерывно распределены и задана их плотность вероятности, поэтому для проведения количественного анализа употребляемости вариантов в рамках краткой диахронии (84 года) привлечем инструментарий математической статистики. Подробный расчет статистических величин выполним в соответствии с работами [3; 5; 8]. Воспользовавшись формулами, представленными в них ([5, с. 82–83], [3, с. 77], [8, с. 151]), и 95 %-ным коэффициентом доверия (уровень значимости – 0,05), рассчитаем доверительный интервал для частот на каждом из обозначенных четырех хронологических отрезков: для формы *чая* на первом этапе он составляет $0,596 \pm 0,137$, на втором – $0,769 \pm 0,082$, на третьем – $0,878 \pm 0,029$, на четвертом – $0,952 \pm 0,012$; для формы *чаю* он равен на первом этапе $0,404 \pm 0,137$, на втором – $0,231 \pm 0,082$, на третьем – $0,122 \pm 0,029$, на четвертом – $0,048 \pm 0,012$ (см. табл. 2).

На первом этапе наблюдается самый широкий из всех полученных доверительный интервал, который указывает на то, что выборочное среднее менее точное, выше ошибка измерения. Согласно нормальному распределению частот обеих форм в 1941–1961 гг. ($|4,60| > 2,01$) форма *чая* была более вероятна в употреблении, чем форма *чаю*. На всех последующих этапах доверительный интервал

сужается и, соответственно, выбор одной из двух форм становится менее случайным, чем раньше. В 1962–1982 гг. ($|1,08| < 1,98$) форма *чаю* более вероятна в использовании, но форма *чая* при этом не исключается из употребления. В 1983–2003 гг. ($|3,26| > 1,97$) выбор формы *чая* устойчивый, этот вариант появляется в речи более часто, чем форма *чаю*. В 2004–2024 гг. ($|8,61| > 1,96$) форма *чая* имеет тенденцию к гораздо более частому употреблению, чем форма *чаю*.

За период с 1941 по 2024 г. частота употребления формы *чая* в словосочетании *чашика чая/чаю*, согласно коэффициенту роста (K), осталась практически неизменной ($K = 1,12$), а частота использования формы *чаю* уменьшилась в 1,7 раз ($K = 0,59$). Можно предположить, что это связано со стилистически нейтральным статусом окончания *-а/-я*, а также его падежно-грамматической универсальностью, способностью выражать остальные значения родительного падежа существительных мужского рода определенных семантических групп, а не только партитивное. Более того, при исключении количественного значения вариант на *-а/ -я* остается единственно возможным (*сбор чая, изготовление шелка, свойства воска*) и в силу этого является более привычным и распространенным в употреблении, поэтому носители языка по аналогии могут автоматически переносить его в сферы прежнего господства варианта на *-ю/ю*.

Заклучение

Количественные данные, полученные на материале газетного и соцсетевого подкорпусов НКРЯ, свидетельствуют о значительном изменении соотношения вариантов *чая* – *чаю* в именном словосочетании *чашка чая/чаю* в пользу варианта *чая* (96,1 %).

Статистическая проверка количественных данных, полученных на материале основного, устного, газетного, соцсетевого подкорпусов НКРЯ, позволила считать неосновательным предположение о случайности различия в частоте употребления варианта *чаю* в период с 1941 по 2024 г. и признать допустимой гипотезу об убывании его встречаемости.

Сравнивая вероятность появления в речи обеих форм на каждом из выделенных хронологических этапов, мы пришли к следующим выводам:

1) с течением времени употребление варианта *чая* становится более вероятным, а сам выбор между формами *чая* и *чаю* становится менее случайным, согласно более узкому доверительному интервалу частот распределения форм со второго по четвертый этап (по сравнению с первым этапом);

2) наиболее вероятное употребление варианта *чая* характерно для четвертого этапа (2004–2024 гг.), а варианта *чаю* – для второго этапа (1962–1982 гг.);

3) за весь исследуемый период (1941–2024 гг.) частота употребления формы *чаю* в 1,7 раз уменьшилась, а формы *чая* незначительно увеличилась (в 1,12 раза).

Таким образом, конкуренция флексий *-а/-я* и *-у/-ю*, которые выражают партитивное значение формы родительного падежа единственного числа вещественных существительных мужского рода, имеющая долгую историю, наблюдается и в наши дни, однако более устойчивым по отношению к морфологической норме и распространенным в современной речевой практике (по сравнению с речевой практикой начала XX в.) становится падежный вариант с флексией *-а/-я*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Интернет-коммуникация как новая речевая формация : колл. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. – 328 с.
2. **Виноградов, В. В.** Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учебное пособие

для вузов ; отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 1986. – 640 с.

3. Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис русского литературного языка ; под ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. – 368 с.

4. **Горбачевич, К. С.** Нормы современного русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – 3-е изд., испр. – М. : Просвещение, 1989. – 208 с.

5. **Граудина, Л. К.** Опыт количественной оценки нормы (форма род. ед. *чая* – *чаю*) / Л. К. Граудина // Вопросы культуры речи. – Вып. VII. – М. : Наука, 1966. – С. 75–88.

6. **Граудина, Л. К.** Словарь грамматических вариантов русского языка / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – 3-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 555, [5] с.

7. **Зализняк, А. А.** Русское именное словосочетание / А. А. Зализняк ; отв. ред. В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1967. – 370 с.

8. **Граудина, Л. К.** Статистический критерий грамматической нормы / Л. К. Граудина // Языковая норма и статистика. – М. : Наука, 1977. – С. 135–173.

9. **Еськова, Н. А.** Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение: ок. 12000 слов совр. рус. яз. / Н. А. Еськова. – 6-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 605, [3] с.

10. **Соловьев, Н. В.** Словарь правильной русской речи: ок. 85 000 слов; более 4000 коммент. / ИЛИ РАН ; Н. В. Соловьев. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 847, [1] с.

11. Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина [и др.] ; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатиной. – 2-е изд., стер. – М. : РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2002. – 726 с.

Поступила в редакцию 18.03.2025 г.

Контакты: boltovskaia@m.msu.by (Болтовская Елена Александровна)

Boltovskaya E. A. COMPARISON OF VARIANT FORMS OF THE GENITIVE SINGULAR OF MASCULINE NOUNS IN RUSSIAN FROM THE MID-XX TO THE FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURY

The article presents the results of a study on competing variants of the genitive case form (with a partitive meaning) of singular masculine material nouns in modern Russian language. Based on the comparison of data from orthological sources and information obtained from the National Corpus of the Russian Language, and using the quantitative method, the study identifies and considers changes in the usage of these variants that have occurred

from the middle of the XX century to the present. The results of the study can be applied in teaching speech culture, morphology, and the history of the Russian literary language.

Keywords: dynamics of grammatical norm, competition of grammatical variants, genitive singular form, partitive meaning of the genitive case, masculine noun.

УДК 821.161.1

РОЛЬ ХРОНОТОПА В СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СБОРНИКА РАССКАЗОВ 3. ПРИЛЕПИНА «СОБАКИ И ДРУГИЕ ЛЮДИ»

Н. А. Сивакова

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой межкультурных коммуникаций и международного туризма

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

В статье рассматривается пространственно-временная модель художественного мира сборника рассказов 3. Прилепина «Собаки и другие люди». Делается вывод о том, что хронотоп является организующим элементом, вокруг которого выстраиваются и непространственные (ценностные) характеристики создаваемой художественной реальности. Выявленная пространственная оппозиция «природа – цивилизация» дополнительно маркируется такими авторскими характеристиками, как «открытый – закрытый», «опасный – безопасный», «божественный – человеческий», «мужской – женский», «бессмертный – смертный».

Ключевые слова: художественное пространство, художественное время, художественная реальность, оппозиция, событие, ценностная структура.

Введение

Книга «Собаки и другие люди», написанная 3. Прилепиным зимой 2023 года, имеет подзаголовок «Новая проза». На обратной стороне обложки короткая рекомендация потенциальным читателям: «такого Захара Прилепина, какого вы ещё не знали». Новизну, заявленную автором, пытаются обосновать многие рецензенты и исследователи, при этом высоко оценивая стилевую манеру и выразительность повествования (Е. Болнова, Е. К. Осолодникова), выявляя структурно-содержательные аспекты романного мира (А. Колобродов, Д. Балин), отмечая своеобразие системы персонажей (Л. Юзефович). Е. Болнова в своей рецензии обнаруживает типологические связи прозы Прилепина с библейским текстом, называя архетипичной не только систему персонажей, но и пространственную организацию книги, события которой происходят в доме, «находящемся на границе с заповедным, в широком смысле этого слова, лесом» [1]. На наш взгляд, именно способ изображения пространства и времени в художественном произведении отражает разные варианты моделирования событий, приёмы передачи обстоятельств

действия, а главное, значимые перемены во внутреннем мире персонажей и в описании окружающей обстановки. Важную роль в этом изображении имеет авторская оценка всех потенциальных вариантов изменений и авторский отбор необходимых деталей и значимых характеристик при воссоздании художественной реальности и действующих в ней персонажей. Цель нашего исследования – выявить ценностную структуру художественного мира, воссозданного в сборнике рассказов Захара Прилепина «Собаки и другие люди», в частности, структуру хронотопа, и определить художественные функции изображенного пространства и времени в рассказах.

Теоретическую основу нашего исследования составили идеи М. М. Бахтина и Н. Д. Тамарченко. По мнению Бахтина, каждый человек неповторимо сопричастен бытию, каждый имеет в бытии единственное «место», в котором «время и пространство индивидуализуются», что неизбежно влечет за собой ценностное осмысление мира [2, с. 117]. Идея Бахтина о «ценностном топосе», центральной фигурой которого выступает человек, получает развитие в теоретических работах Тамарченко, который полагал, что отбор и «создание единой пространственно-временной структуры мира героя имеют своей целью воплотить или передать определенную систему ценностей» [3, с. 180]. Данные утверждения позволяют нам сформулировать вывод о том, что пространственно-временная модель художественного мира является организующим элементом, вокруг которого выстраиваются и непространственные (ценностные) характеристики создаваемой художественной реальности и действующих персонажей, а также система отношений между ними и их вовлеченность в происходящие события. Наше исследование основывается на методологических принципах интерпретативного подхода и методе структурного анализа.

Новизна исследования заключается в определении ценностного потенциала пространственно-временных параметров в по-

строении художественной реальности в сборнике рассказов «Собаки и другие люди» Прилепина.

Основная часть

Сборник рассказов «Собаки и другие люди» составлен из тринадцати рассказов, лишенных строгой хронологической последовательности, представляющих собой ретроспективное повествование личного повествователя, совмещающего функции рассказчика и персонажа, о жизни обитателей своего дома и деревни. Составленные в одну книгу рассказы объединены не только личностью повествователя. Главные герои книги – семь собак разных пород (сенбернар Шмель, русская борзая Кай, мастино наполетано Нигга, бассеты Золька и Толька, тибетский мастифф Кержак, алабай Тигл), рыжий кот и попугай Хьюи являются сквозными действующими персонажами, события из их жизни пересекаются во многих эпизодах, соединяя различные сюжетные линии в единое целое. Наблюдая за жизнью своих питомцев, познающих любовь, боль и страх, автор размышляет над сложными вопросами, которые касаются глубинных основ бытия. Таким образом, в качестве критериев, позволяющих нам рассматривать пространственно-временную организацию всех рассказов, включенных в сборник «Собаки и другие люди», как единый хронотоп, характеризующий художественный мир в целом, можно выделить следующие: единство авторской концепции, интегрирующее повествование на содержательном уровне, единое место действия, временная последовательность, объединяющие отдельные события в сюжетную схему, наличие системы персонажей, стилевая целостность авторского текста.

Название сборника представляет собой переосмысленную метафорическую схему: «человек – это собака», компоненты которой воплощают более универсальную концептуальную модель «человек – животное (зверь)». Однако идейный замысел книги Прилепина предполагает осмысление мира животных (собак) посредством понятийной сферы мира человека, что повлекло перестановку компонентов в заглавии: «Собаки и другие люди».

Сюжетная основа каждого рассказа базируется на обозначенной в заглавии антитезе «звери – люди», которую можно интерпретировать как универсальную оппозицию «природа – цивилизация». Принадлежность зверей (собак) к миру природы противопоставляется

миру цивилизации, созданной людьми. В тексте рассказов пространство «цивилизации» представлено образом деревни, состоящей из изолированных друг от друга немногочисленных домов, а «природное» пространство формируют образы леса и реки, которые одновременно выступают и в качестве границы, отделяющей мир затерянной цивилизации от большого мира. Однако «мир людей» и «мир природы» не имеют четкой ни внешней, ни внутренней границы. Так, при описании внешнего пространства неоднократно подчеркивается условность и проницаемость границ: «Мы были уверены, что живем на краю заповедника. В свою очередь, звери могли думать, что обитатели заповедника – это мы» [4, с. 13]. До тех пор пока человек воспринимает себя как часть природы, он не нуждается в отграничении «своего» пространства от «чужого»: дом, лес, река воспринимаются как единое место обитания и сфера перемещения. Однако дом другого человека четко квалифицируется как «чужой» и отгораживается забором. В целом деревня как пространство цивилизации характеризуется как «малолюдная, затерянная в глухих лесах местность», при этом жители практически не общаются друг с другом, не испытывая при этом дискомфорта. Окружающая эту «затерянную» цивилизацию природа божественна и совершенна, а места обитания человека изолированы и предстают в виде покосившихся ветхих строений, вокруг которых упорно возводятся нерушимые стены.

Предметом изображения в рассказах является обычный человек и его повседневная жизнь с тревогами и заботами, поэтому мельчайшие детали окружающего быта наполняют изображаемый художественный мир, центральное место в котором занимает дом, окруженный от внешнего мира забором. Появление в семье главного героя первого щенка (сенбернара Шмеля) совпадает по времени с переездом в деревню, где уже имелся «двухэтажный, насулпленный, скрипучий домик на покосившемся фундаменте» [4, с. 8]. Жизненным центром этого геометрически непропорционального пространства является «настоящая печь» – домашний очаг, хранительницей которого выступает женщина. Дом – это женская территория, тут таится сила ожидания и прощения, а в финале рассказа «Дебрь» оказывается, что дом наполнен и силой знания правильного пути. Однако внутреннее пространство дома, выстроенного вокруг добротного деревянного сруба, имеет четкое деление:

нижняя часть дома считается «женской», а второй достроенный этаж – «мужским». Эта оппозиция основана на функциональном зонировании: зона совместного отдыха, чаепития, приготовления еды наполнена материнским теплом и заботой и является центром притяжения для всей семьи, а рабочий кабинет отца – зона творчества и созидания – несколько изолирован, но не менее привлекателен: дети очень любят играть там в его отсутствие. Созданный руками человека дом в моделируемой Прилепинным художественной реальности оценивается как безопасный и выполняет защитную функцию не только от внешних угроз, но и от внутренних тревог. Таким образом, традиционное деление пространства на такие ценностные категории, как внутреннее и внешнее, замкнутое и незамкнутое, близкое и далекое, нижнее и верхнее дополняется в тексте рассказов индивидуально-авторскими значениями: женское – мужское, безопасное – опасное.

С момента переезда обычному (биографическому) времени начинает противопоставляться время добровольной изоляции, для которого характерны цикличность, определяемая сменой сезонов, и событийность, связанная с «испытаниями», то есть с переходами за пределы обжитого пространства. Движение по горизонтали, пересечение границ дома каждый раз сопряжено с познанием собственных внутренних пределов героев.

Внешнее пространство «большого мира», находящееся за пределами деревни, обозначено пунктирно, метафорически связано с освоением природных ландшафтов и представлено в основном в воспоминаниях главного героя, который «пересек несколько самых горячих и самых холодных морей, перелетал океаны, в после купался в них, спускался на ледяных сквознях к отдающим вековой студеной силой рекам, бросал камни в заброшенные пруды неслыханных глухоманей» [4, с. 19]. Таким образом, свободное передвижение в рамках воссозданной художественной реальности сопряжено с переживанием опасности и является привилегией мужчин.

Пространство, окружающее деревню, представлено «природными» образами леса и реки и также связано с чувством потенциальной угрозы со стороны внешнего мира. А отношение героев к пересечению внутренних границ дома и их поведение на открытом пространстве выступает важной портретной характеристикой. Первая прогулка в лес с хозяином как обряд инициации для всех со-

бак, поскольку знакомство с мирозданием открывает новые возможности для реализации скрытого потенциала. Так, центральное событие в рассказе «Дебрь» – это поиски в лесу затерянного озера, которые закончились бесцельным блужданием и попаданием в плен непроходимой чащи. И в этой трудной ситуации сопровождавший героя пес Кай не утратил веры в своего хозяина. Воплощение природной красоты и грации, Кай был создан для простора и полета и тяготился блужданием среди непролазной глуши, однако бесконечно доверял своему хозяину и держался рядом. В душе главного героя поиски обратной дороги домой сопровождались сменой противоречивых чувств: упрямая убежденность переросла в порывистую ярость, а затем трансформировалась в остервенелое отчаяние, к которому в конечном счете присоединилось подавляющее чувство стыда. Передвижение по лесу в безрезультатных поисках озера, а затем обратной дороги домой является метафорическими поисками правильного пути в жизни. Автор подводит читателей к мысли, что заблудиться в пространстве не так опасно, как принять неправильное решение в течение жизни, поскольку исключена возможность вернуться назад во времени и исправить ошибку. Таким образом, природное пространство динамично, связано с движением и представляет сферу познания как внутренних возможностей, так и тайн внешнего окружающего мира.

Повествование о разнохарактерных четвероногих обитателях дома – это не описание беззаботной жизни собак вместе с хозяевами. Основу развития сюжета каждого рассказа составляет испытание, которое проверяет (и/или меняет) характер пса или открывает ему новые знания о себе и мире. Такими значимыми событиями в жизни героев стали состоявшееся отцовство Шмеля, блуждание по лесу Кая, болезнь Кержака. Однако «черному богатырю» Нигте пришлось проходить испытание дважды: ему грозила возможная гибель в весенней полынье и подстроенная руками соседа смерть от крысиного яда. Автор постепенно подводит своих питомцев к пониманию собственной конечности и смертности.

В начале повествования (рассказ «Вчерашний костер на снегу») чужая смерть, неожиданная и случайная, не вызывает у собак никаких эмоций, поскольку нет знаний и опыта: «...я вдруг понял по непуганой беспутной суете, производимой ими, что питомцы мои не знают ни человеческой, ни чьей-либо еще

смерти, и запах ее не страшит их» [4, с. 74]. Связь с природой, ощущение ее величия и мощной энергии позволяет человеку и животным не задумываться над собственной незначительностью и смертностью. Однако именно наблюдение за процессами гибели деревьев, тела которых каждый год весной уносит река, заставляет главного героя прийти к пониманию, что без корней нет жизни. Так «бессмертная» природа открывает тайну смертности всего живого.

В процессе дальнейшего повествования собаки приближаются к почти человеческому осознанию ограниченности собственной жизни. Знак избранности на груди Нигги (рассказы «Звериная ночь», «Нигга», «Холодные лапы»), его таинственное происхождение: «сын африканского отца и неведомой матери, подарившей ему белую звезду на грудь. Быть может, она была керженской русалкой. Быть может, февральской кометой» [4, с. 91] – делает существом потусторонним, дважды побеждавшим смерть. Черный цвет объединяет Ниггу с природой: осенью он сливается с окружающим пейзажем, как бы растворяясь в нем, и эта воплощенная чернота позволяет хозяину не так остро чувствовать свое одиночество, заживляет душевные раны. С человеком его роднит способность испытывать страх и желание поделиться пугающими его эмоциями с окружающими, при этом он издает осмысленные звуки, напоминающие речь. Когда спасенный из полыньи пес делился ужасным знанием, автор вербализировал мысли собаки и представил результаты собственного познания: «Он заглянул во тьму – и тьма эта хуже, чем тьма самого темного леса. Хуже, чем тьма самого темного коридора. Хуже, чем тьма старого подвала в брошенном доме. Там нет ничего, кроме ночи. Там пахнет только льдом» [4, с. 80]. Описание последних недель жизни Нигги после постановки смертельного диагноза пронизано осмысленным пониманием того, что именно с ним происходит. Собачья старость Нигги напоминает человеческую: меняется внешность, слабеют мышцы, выветривается терпкий собачий дух, но самое главное, это ощущение прорастающей ненависти к возможному будущему для других, но не для себя. Осознание конечности собственной жизни и достойное принятие этого факта очеловечивает животного, стирая границы между «природой» и «человеком».

В доме главного героя зачастую могли проживать одновременно несколько собак, ко-

торые по-разному взаимодействовали, делили территорию и завоевывали внимание хозяев. Однако черный мастино наполетано Нигга и тибетский мастиф Кержак сосуществовали бок о бок, «как валуны посреди степи». Природное начало нашло воплощение в имени мастифа: «Чернотой и рыжестью он был похож на осенний керженский лес, посреди которого стоял наш дом, посему тут же получил свое законное имя – Кержак» [4, с. 121]. В возрасте одного года Кержак тяжело заболел: его кости начали рассыпаться и не могли больше носить собачье тело по земле. Вынесенный приговор: надо усыпить – заставил собаку проявить «не-человеческое» мужество в борьбе за жизнь. Нигга по-мужски поддерживал друга во время болезни, еще не зная о том, что ему придется уйти первым.

Кержак почти по-человечески понимает собственную изолированность и конечность. Отстаивая свою добычу или защищая членов семьи, Кержак издает пугающий всех вокруг звук древнего человека: «Его рык раздавался будто из-под земли. Из того позапрошлого мира, где не знали Христа. В том мире люди еще не научились складывать понятия в слова, но уже запомнили наверняка, что они стремительно смертны» [4, с. 129]. Однако параллельно с первобытной природой в этом существе, похожем на медвежонка, уживается удивительное чувство внутренней упорядоченности и четкое соблюдение установленных им традиций. Пес Кержак оказался единственным, кому было позволено жить во дворе, а не в вольере. «Дремучие» правила, которым Кержак неукоснительно подчинялся, заключались в следующем: пить только чистую воду из реки и есть только то, что дают хозяева. Испытывая особый скепсис ко всему телесному, Кержак сторонился падали в лесу и не обнюхивал встречных собак. Зато его «дремучая душа» не только нуждалась в осязаемой связи с хозяином, но и испытывала потребность чувствовать себя сопричастным восприятию прекрасного. Он, подражая хозяину, любил умиротворенно созерцать реку, сидя на высоком берегу возле старой часовни. Перенесенные операции изменили внешность: железные ноги и его хромота пугали окружающих и казались признаком «потусторонней силы». Вернувшийся с того света, Кержак приобрел способность видеть два мира: «Ему, зависшему между мирами, хватало зрения на половину этого мира и на половину того. С этого берега он лаял на тот. С того берега смотрел сюда сквозь

дождь, заливающий глаза» [4, с.180]. Таким образом, принадлежность зверей (собак) к миру природы противопоставляется миру цивилизации, созданной людьми. Однако «мир людей» и «мир природы» не имеют четкой ни внешней, ни внутренней границы. Внутреннее пространство героев, где человеческие и природные черты проявлены в тесной взаимосвязи, также характеризуется амбивалентностью, и эта двойственность становится устойчивой сравнительной характеристикой в индивидуально-авторской картине мира Прилепина.

Заключение

Пространство и время являются основными параметрами художественной реальности и конституируются в рассказах способами называния физических объектов, их границ и характеристик и временными интервалами между указанными объектами или между значимыми эмоциональными состояниями героев.

Индивидуально-авторская картина мира, которая является единой во всех рассказах, построена на логической взаимосвязи: «животное – это часть природы», которая трансформируется автором в утверждение: «собака – это совершенное воплощение природы». Человек нуждается в общении с природой. Только ощущая свою связь с циклическими ритмами, он способен почувствовать в этой упорядоченности движение жизни. Закономерная смена сезонов, гибель деревьев, лишенных корней, примиряют человека с собственной смертностью.

Всестороннее изучение особенностей пространственно-временных параметров создаваемой единой художественной реальности в сборнике рассказов «Собаки и другие люди» позволило выявить пространственную оппозицию «природа – цивилизация», которая дополнительно маркируется такими авторскими характеристиками, как «открытый – закрытый», «опасный – безопасный», «божественный – человеческий», «мужской – женский», «бессмертный – смертный». А это значит, что на сверхтекстовом уровне, на уровне аксиологического моделирования язык пространственных отношений становится одним из основных средств осмысления и оценки действительности. Таким образом, пространственная модель мироустройства становится организующим элементом, вокруг которого выстраиваются и непространственные характеристики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Болнова, Е.** Человек собаке друг / Е. Болнова // Палимпсест Литературоведческий журнал. – 2023. – № 3. – С. 144–150.
2. **Бахтин, М. М.** Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб. : Азбука, 2000. – С. 9–226.
3. **Тамарченко, Н. Д.** Структура произведения / Н. Д. Тамарченко // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. – Т. 1 : Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. – М. : Академия, 2007. – С. 172–263.
4. **Прилепин, З.** Собаки и другие люди / З. Прилепин. – М. : Изд-во АСТ : Neoclassic, 2024. – 251 с.

Поступила в редакцию 11.01.1025 г.

Контакты: sivakovan@mail.ru (Сивакова Наталья Александровна)

Sivakova N. A. THE ROLE OF CHRONOTOPE IN THE SEMANTIC ORGANIZATION OF ZAKHAR PRILEPIN'S SHORT STORY COLLECTION "DOGS AND OTHER PEOPLE"

The article addresses the spatial and temporal framework of the artistic world shown in Zakhar Prilepin's short story collection "Dogs and Other People". The chronotope is determined to serve as an organizing element that arranges the non-spatial (value) characteristics of the artistic reality being created. The revealed spatial opposition "nature – civilization" is further accentuated by the writer's own description of "open – closed", "dangerous – safe", "divine – human", "male – female", and "immortal – mortal".

Keywords: artistic space, artistic time, artistic reality, opposition, event, value structure.

ПРАЦЯЖНІК ЯК СРОДАК АКТУАЛІЗАЦЫІ ПРАГМАТЫЧНАГА ПАТЭНЦЫЯЛУ МАСТАЦКАГА ПРАЗАІЧНАГА ТЭКСТУ

В. М. Шаршнёва

дактарант кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі, кандыдат філалагічных навук, дацэнт
Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

У артыкуле апісваецца прагматычны змест працяжніка. Сцвярджаецца, што яго інтэрпрэтацыя паказвае на канцэнтрацыю значных прагматычных сэнсаў, тлумачэнне якіх выходзіць за межы экспліцытнага мастацкага выказвання. Ілюстрацыя на пацвярджаецца, што працяжнік з'яўляецца маркерам пропуску, неабходнасці кантэкстуальна абумоўленай эксплікацыі, якая мае патэнцыйныя магчымасці эмацыянальна-экспрэсіўнага выражэння камунікатыўных інтэнцый. Робяцца высновы адносна таго, што паўтаральнасць, сістэмнасць працяжніка ўплывае на яго ўспрыняццё як маркера разнастайных стылістычных фігур: эліпсісу, перыяду, сінтаксічнага паралелізму, антытэзы, алагізму, градацыі, хіязму, анафара, эпіфара, кальцавой кампазіцыі, сегментацыі, сентэнцыі.

Ключавыя словы: працяжнік, прагматычны, стылістычная фігура, эліпсіс, перыяд, сінтаксічны паралелізм, антытэза, алагізм, градацыя, хіязм, анафара, эпіфара, кальцавая кампазіцыя, сегментацыя, сентэнцыя.

Уводзіны

Прагматычны змест пунктуацыі найбольш паслядоўна звязаны са знакамі прыпынку, здольнымі перадаваць эмоцыі, надаваць выказванню экспрэсіўную афарбоўку. Найчасцей гэта знакі канца сказа – шматкроп'е, пыталнік, клічнік. Усе астатнія знакі прыпынку ў творах мастацкай літаратуры таксама могуць ўспрымацца як прагматычна абумоўленыя, паколькі яны ў пэўнай ступені ўплываюць на перадачу аўтарскіх інтэнцый і, адпаведна, на адэкватнае ўспрыняццё як экспліцытных, так і імпліцытных сэнсаў. Аднак найбольш прагматычна выразным знакам лічыцца працяжнік, пастаноўка якога можа быць звязана з асаблівасцямі мастацкага асэнсавання рэчаіснасці, са спосабам раскрыцця зместу, з індывідуальнай манерай аўтара. Менавіта інтанацыйныя змены, сэнсавыя і эмацыянальныя акцэнтны, якім аўтар надае надзвычай важнае значэнне, накіроўваюць на выкарыстанне гэтага пунктуацыйнага знака.

© Шаршнёва В. М., 2025

Акцэнтуючы ўвагу на акцэнтна-вылучальнай функцыі працяжніка, А. М. Шырокава падкрэслівае яго ўласцівасць быць знакам семаantyчнага падзелу сказа, “сродкам членення шматступеньчатай рэмы, актуалізацыі яе найбольш значных частак” [1, с. 95]. Б. Ю. Шаўлукова лічыць працяжнік “самым поліфункцыянальным і эстэтычна значным знакам, які актуалізуе лагічны і сэнсавы эмацыянальныя цэнтры сказа ці фрагмента тэксту, афармляе інтанацыйны малюнак яго, часам задае асаблівы рытм, структуруе тэкст, адкрываючы новыя бакі ў аўтарскай карціне свету” [2, с. 95]. Ф. С. Кудрашова сцвярджае, што працяжнік “выконвае не толькі граматычную функцыю выдзялення членаў сказа, але з'яўляецца стылістычна маркіраваным сродкам выразнасці” [3, с. 913], паколькі “выражае такія стылістычныя катэгорыі, як інтэнсіўнасць, эмацыянальнасць і падтэкст” [3, с. 909].

Мэта даследавання заключаецца ў вывучэнні прагматычнага патэнцыялу працяжніка на матэрыяле сучаснага беларускага мастацкага праязічнага тэксту.

Асноўным метадам даследавання з'яўляецца *апісальна-аналітычны*, заснаваны на індуктыўна-дэдуктыўным падыходзе, пры якім аналіз фактаў выкарыстання працяжніка ў мастацка-праязічным тэксце выяўляе яго прагматычны патэнцыял. У працы таксама выкарыстоўваюцца: *сэмантыка-стылістычны метад*, які прадугледжвае вызначэнне стылістычнай маркіроўкі працяжніка, г. зн. наяўнасць ацэнкі, экспрэсіі, стылістычнай афарбоўкі; *метад лінгвістычнага аналізу*, накіраваны на выяўленне сістэмы стылістычных прыёмаў пастаноўкі працяжніка; *камунікатыўна-прагматычны метад*, арыентаваны на раскрыццё аўтарскіх намераў шляхам аналізу імпліцытнага зместу працяжніка.

Асноўная частка

Працяжнік ўплывае на стварэнне стылістычнага малюнка мастацкага твора, на адлюстраванне ў пісьмовым маўленні фактаў

унутранага свету пісьменніка. Шматфункцыянальнасць працяжніка звязана не столькі з аўтарскімі парушэннямі правіл пунктуацыі пры яго пастаноўцы, колькі з пашырэннем межаў яго выкарыстання, з узбагачэннем пры яго дапамозе выяўленчых магчымасцей і мастацкай выразнасці праяўленага тэксту. Н. С. Валгіна сцвярджае, што “шырыня ўжывання яго ў сучасных публікацыях сведчыць аб пэўнай універсальнасці гэтага знака” [4, с. 401].

М. В. Біянава матывуе схільнасць да працяжніка ў творах сучаснай мастацкай літаратуры імкненнем да дынамізацыі сінтаксісу і адзначае: “Колькасна ўзрастае выкарыстанне працяжніка за кошт пераразмеркавання функцый (працяжнік займае некаторыя пазіцыі, уласцівыя двукроп’ю, косцы, шматкроп’ю, дужкам), а таксама выкарыстанне яго ў экспрэсіўных мэтах, што можа быць звязана з вялікім прагматычным патэнцыялам знака і нязначнай пазіцыйнай прымацаванасцю” [5, с. 166].

Н. Д. Азарава звязвае пастаноўку працяжніка ў мастацкім тэксце “з пераважна стылістычнымі і камунікатыўна-прагматычнымі намерамі аўтара і яго эстэтычнай задумай” [6, с. 22], заўважае, што “характэрнае для яго адначасовае выкананне некалькіх функцый стварае шматпланавы прагматычны эффект” [6, с. 22], называе працяжнік моцным размежавальным знакам, які валодае ярка выражанай раздзяляльна-выдзяляльнай здольнасцю, і пераконвае, што камунікатыўна-прагматычная нагрузка працяжніка заключаецца ў тым, што ён “змяшчае аформленыя ім элементы ў пунктуацыйна выдзеленыя пазіцыі, вылучае іх у камунікатыўны фокус выказвання / тэкставага фрагмента” [6, с. 23].

Дастаткова пераканаўчай успрымаецца пазіцыя Л. М. Кальцовай адносна таго, што ў мастацкім маўленні “за працяжнікам замацоўваецца функцыя ўніверсальнага паказчыка камунікатыўнай арганізацыі выказвання” [7, с. 22]. Навукоўца лічыць прагматычна значнай здольнасць працяжніка быць маркерам размежавання тэмы і рэмы. Сугучнай з Л. М. Кальцовай уяўляецца меркаванне В. В. Убушасвай: “Высокая частотнасць ужывання працяжніка сведчыць пра тое, што знак становіцца ўніверсальным, хоць, безумоўна, пэўныя заканамернасці ў яго выкарыстанні маюцца. Усё гэта сведчыць аб шырокім дыяпазоне выкарыстання знака” [8, с. 33].

Акцэнтацыя тэма-рэматычнага падзелу мастацкага выказвання непасрэдна звязана з

накіраваннем увагі чытача да несумненна важных элементаў тэксту, што ўплывае на дасягненне выразнага эфекту:

Я часам наведваюся ў родны гарадок, але няма ў каго прасіць прабачэння. Мартачка памерла.

І вось мае гады набліжаюцца да яе ўзросту. Паступова, але няўхільна слепнуць і мае вочы... Не-не ды сцісне даўкі камяком горла, выступаць зморшчыны, успамінаю Мартачку – сорамна. Наракаю сам на сябе. Да слёз варушыць гэты сорам душы (Г. Марчук “Мартачка”);

Ён ведаў пра сябе, ды і блізкія людзі не раз казалі, што ён па натуре, па характары – добры, цяроплівы, “кісель”.

<...> Яму здавалася, само жыццё супраць яго – такога (А. Федарэнка “Дарожнае знаёмства”).

У абодвух працытаваных прыкладах прагматычнае выкарыстанне працяжніка зводзіцца да выканання пераважна акцэнтацыйнай функцыі, паколькі рэпрэзентуе падкрэсленую важнасць візуальна адмежаваных слоў для цэласнага, максімальна поўнага ўспрыняцця кантэксту (пачуццё сорама праходзіць праз усё жыццё персанажа пры ўспамінах Мартачкі; дабрыня, цяропліваць, мяккасць паўплывалі на лёс Н. у апавяданні А. Федарэнкі “Дарожнае знаёмства”). Вылучэнне змястоўна важных слоў пэўным чынам падказвае на канцэнтрацыю ў іх большага, чым гэта магчыма пры ўжыванні без працяжніка, зместу і, адпаведна, патрабуе спынення ўвагі рэцыпіента на ўскладненні сэнсавых адносін паміж элементамі выказвання. Працяжнік у гэтых адносінах не проста фіксуе вынік разважання аўтара, але і накіроўвае рэцыпіента да праспекцыйна-рэтраспекцыйнай абумоўленасці ў выбары менавіта гэтага пунктуацыйнага знака.

Як і ў выпадку з іншымі сэнсавымі знакамі прыпынку, найбольшы прагматычны эффект працяжніка дасягаецца пры паўторным (або шматразовым) яго ўжыванні. Спалучэнне аднолькавых знакаў прыпынку накіроўвае ўвагу рэцыпіента на спецыфіку іх размяшчэння, актуалізуючы з дапамогай атрыманай пунктуацыйнай фігуры эстэтычна значныя аўтарскія інтэнцыі, разлічаныя на эмацыянальнае ўздзеянне. Даволі часта пры дапамозе працяжніка аўтар перадае разнастайныя пачуцці і эмоцыі: радасць, расчараванне, напружанасць, нечаканасць:

“Я – бацька. У мяне сын. У нас паўнацэнная сям’я. Сапраўдная...” Гэтая думка

сагравала душу і прымушала ўсё мацней біцца сэрца. Ад радасці. За сябе, жонку. І – сына. Іх сына...

У руцэ Сяргея быў заціснуты кавалак паперы, на якім дзяўчаты напісалі нумар палаты і час наведвання. У гэты дзень – напэўна, самы бясконцы ў яго жыцці – Салавейчык запомніў усё ўрыўкамі-фрагментамі: вінішаванні бацькоў, калі ён урачыста-жартаўліва абвясціў іх дзедам і бабуляй, усхваляваны голас цешчы ў тэлефоннай трубе. І – поўныя слёз радасныя вочы жонкі, якія Сяргей цалаваў, не звяртаючы ўвагі ні на кога (у факце раддома было вельмі шмат народу), калі прыехаў разам з бацькамі і цешчаю ўвечары. Яны – маладыя тата і мама – былі самымі ішчаслівымі на свеце!.. (Д. Пятровіч “Я веру. І вы верце!”).

Факультатывнае выкарыстанне працяжніка ў прыведзеным прыкладзе (паміж дзейніка і выказнікам, пры ўстаўных канструкцыях) чаргуецца з індывідуальна-аўтарскім (І – сына. <...> І – поўныя слёз радасныя вочы жонкі <...>), аднак у сукупнасці ўплывае на стварэнне асаблівай узбуджанай атмасферы, характэрнай для адпаведных абставін.

Эмацыянальна-экспрэсіўная функцыя працяжніка звязана таксама з яго магчымасцю перадаваць інтэнсіўнасць дзеяння або, наадварот, запавольваць яго:

Я – ногі ў рукі, і даю поўны газ. Дзе – па прамой, дзе – праз перашкоды... Пру напрам! І вось я ўжо на вуліцы. Але спінай адчуваю – даганяюць! (В. Найдзін “Я – балельшчык”).

Пры дапамозе працяжніка аўтар запавольвае тэмп дзеяння, акцэнтуючы ўвагу на асобных, надзвычайных выразных эпізодах, ствараючы такім чынам эфект запаволення кадра, што, у сваю чаргу, уплывае на стварэнне атмасферы напружанасці.

Асэнсоўваючы прагматычны змест працяжніка, неабходна адзначыць яго ўласцівасць самому выступаць у якасці выразнай пунктуацыйнай фігуры або быць маркерам іншых стылістычных фігур. Сапраўды **паўтор** працяжніка сам па сабе з’яўляецца надзвычай выразнай пунктуацыйнай фігурай, нават у выпадку яго рэгламентаванай пастаноўкі, паколькі “выконвае не толькі граматычную функцыю членаў сказа, але і з’яўляецца стылістычна маркіраваным сродкам выразнасці” [Кудр., с. 914], напрыклад:

...Каханне... Каханне – адлюстраванне на вадзе. Глядзіш, глядзіш, набліжаешся да яго, а паспрабуеш дакрануцца, зловіць рукой, забраць

да сябе – і няма нічога. Каханне... (М. Прохар “За аблокамі душы”).

Пастаноўкай працяжніка аўтар нібы вызваляе прастору для цэлага шэрагу асацыяцый, для супастаўлення аўтарскіх меркаванняў з чытацкімі, вынікам чаго павінна быць узаема-разуменне паміж стваральнікам і ўспрымальнікам тэксту.

Як дастаткова моцны сэнсава-экспрэсіўны знак, працяжнік можа выводзіць структуру тэксту са стану аўтаматычнага ўспрыняцця, выступаючы аўтарскай заменай іншых знакаў прыпынку і разам з тым дэманструючы асаблівую адносіны пісьменніка да вылучанай інфармацыі, накіраванасць на адэкватнае яе ўспрыняццё рэцыпіентам:

<...> Ваша задача выбрать не меньшее из зол – а сильное для вас зло. Если получится – это удача, это хорошо, это счастье. Если не получится – пеняйте на себя. А если вам предложено выбирать между хорошим и плохим – то это мечта вторглась в реальность (А. Андреев “Маргинал”).

Нерэгламентаваны працяжнікі робяць сэнс сказаў надзвычай акцэнтаваным, прагматычна значным, паколькі асабе пунктуацыйнае афармленне ўплывае на перамеркаванне камунікатыўных акцэнтаў, на выражэнне агульнага, адзінага зместу, на дасягненне намеру аўтара пераканаць чытача ў правільнасці і безвар’янтнасці сваёй пазіцыі.

Надзвычай выразным у камунікатыўна-прагматычных адносінах з’яўляецца сістэмнае выкарыстанне працяжніка, якое ўплывае на яго ўспрыняццё як маркера разнастайных стылістычных фігур: эліпісісу, перыяду, сінтаксічнага паралелізму, антытэзы, алагізму, градацыі, хіязму, анафары, эпіфары, кальцавой кампазіцыі, сегментацыі, сентэнцыі.

Прагматыка **эліпісісу** непасрэдна звязана з неабходнасцю экспліцыраваць важны элемент граматычнай адзінкі, эквівалентам якога з’яўляецца працяжнік:

Пасля ночы прыходзіць раніца, як за восенню – зіма, за лёгкай курткай – цёплая, за сонцам – дождж, за святам – будні, і гэта і ёсць формула жыцця, бяспрэчная аксіёма прыроды, самая “жалезная” матэматычная паслядоўнасць. (М. Прохар “За аблокамі душы”).

Эліптычныя канструкцыі, асабліва ў мастацкім маўленні, грунтуюцца на існаванні абавязковага тэкставага акружэння, якое дапускае выдаленне некаторага (некаторых)

элементаў. Па сутнасці, працяжнік з'яўляецца маркерам пропуску, неабходнасці адэкватнай эксплікацыі. Працытаваны прыклад дазваляе сцвярджаць, што прагматычная значнасць эліптычнага працяжніка залежыць ад маўленчай сітуацыі, яго эксплікацыя з'яўляецца кантэкстна абумоўленай: *за восенню [прыходзіць, ідзе, наступае. – тут і далей В. Ш.] зіма, за лёгкай курткай [ідзе, апрагнаецца] – цёплая, за сонцам [ідзе, будзе, лье] дождж, за святамі [прыходзяць, наступаюць, пачынаюцца] – будні*. Больш за тое, эксплікацыя працяжніка мае патэнцыйныя магчымасці эмацыянальна-экспрэсіўнага выражэння камунікатыўных інтэнцый, што звязана таксама з магчымасцю неаднолькавага асэнсавання і інтэрпрэтацыі чытачом аўтарскіх намераў.

Працяжнік як маркер павышэння **перыяду** ўплывае на стварэнне **сінтаксічнага паралелізму** і тым самым на рытмізацыю праяўленага маўлення, набліжаючы яго да паэтычнага, узмацняючы экспрэсіўнасць, эмацыянальнасць, вобразнасць, паказваючы на асобае месца рытмізаванай часткі маўлення ў адносінах да зместу ўсяго твора:

Кто-то скажет – времяпровождение.

Кто-то скажет – убить время.

Кто-то скажет – не замечать времени.

Кто-то скажет – в ногу со временем.

Много времени, мало времени, нет времени, время не пришло... (А. Андреев “Маргинал”).

Эксплікацыя прагматычнага зместу працяжніка ў працытаваным прыкладзе звязана з устанавленнем адметнасці кожнай вылучанай пазіцыі і іх абавязковай прысутнасці ў рознай паслядоўнасці на працягу жыцця кожнага чалавека.

Адным са значэнняў рэгламентаванага працяжніка з'яўляецца ўказанне на супрацьпастаўленне, што дазваляе гэтаму знаку прыпынку размяжоўваць кампаненты **антытэзы**:

Я мог совершить подлость – но я никогда не был подлецом. Это я усвоил давно. Сейчас же, даже когда я совершал подлость, – я ее не совершал (А. Андреев “Маргинал”).

Працяжнік у аналагічных прыкладах, з аднаго боку, раз'ядноўвае выказванне, арыентуючы рэцыпіента на асобнае ўспрыняццё частак антытэзы, а затым параўнанне іх экспліцытнага і імпліцытнага зместу; з другога боку – аб'ядноўвае абсалютна несумяшчальныя сэнсы, што дазваляе ўспрыняць супярэчлівасць, алагізм толькі ў выпадку аб'яднання палярных пазіцый.

Здольнасць канцэнтраваць увагу чытача,

падкрэсліваць самыя тонкія адценні слоў, указваць іх няўны змест уплывае на магчымасць працяжніка быць маркерам **градацыі**:

Зависть – вот что роднит людей утонченных с натурами примитивными, аристократов – с плебсом. Зависть – это не эмоция, а способ существования. <...>

Зависть! Кто не завидовал – тот не жил. Но настоящие гении зависти – люди беспаланные и бесплодные (А. Андреев “Маргинал”).

Кожнае наступнае выкарыстанне працяжніка адначасова прапануе новыя, больш важкія тлумачэнні адносна акрэсленай тэмы і ўзмацняе паралель з тлумачэннем, дадзеным папярэдне, што дапамагае ўспрыняць і падкрэсліць прагматычную (сэнсавую або эмацыянальную) значнасць візуальна адзеленага слова.

Працяжнік узмацняе антанімічныя супярэчнасці, уласцівыя для **хіязма**, акцэнтуючы ўвагу чытача не столькі на трансфармацыі элементаў, колькі на змяненні сэнсу пры перастаноўцы абсалютна аднолькавых лексічных адзінак:

<...> I маё сэрца не можа спыніцца, пакуль б'ецца яго. Бо немагчыма жыць мне – без яго, а яму – без мяне... (Ю. Зарэцкая “Пакуль б'ецца сэрца...”); *...Яна – гэта ты. Проста я гляджу ў сваіх успамінах на цябе збоку, таму ў мяне ты – гэта яна* (М. Прохар “Назіральнік”).

Відавочна, што працяжнік запавольвае тэмп выказвання, лагічна выдзяляючы другую частку інвертуемых кампанентаў, спрыяе актуалізацыі яе зместу.

Зрокавыя асацыяцыі звязваюць паўтор працяжніка з такімі відамі лексічнага паўтору, як **анафара**, **эпіфара**, **кальцо страфы**:

Запалкі – гэта магічны прадмет. Таму што кожны агонь – нешта святое, нават гэтакі малюсенькі – нават кропелька святой вады па сутнасці сваёй не перастае быць святой вадой.

Для нас з Арынай запалкі – гэта зашыфраваны сігнал са шведскіх берагоў, у іх агенцыях выступаюць радкі са Стыва Ларсана.

Запалкі – гэта мініяцюрныя сонейкі ў нашых сінявата-пахмурных кватэрах, радасныя секундыя прабліскі ў няўсмяшлівай паўночнай атмасферы. Яны – як мімалётнае абяцанне хуткай вясны і сонца.

Запалкі – гэта прыручанае полымя, гэтак жа, як котка – ручная тыгрыца.

Запалкі – гэта знак нашых надзеяў, ім-

пульсаў. Занадта многія з іх згасаюць і знікаюць бяследна. Аднак кожная запалка нясе ў сабе выяву вогнішча ў лясной цемры, свечак у велічным храме, хатняга агменю, алімпійскай паходні. Таму што ўсе агні – агонь (Я. Пінчук “Дзяўчаты з запалкамі”) – **анафара**;

І тады ён бязмэтна хадзіў па кватэры, нібы па старой, знаёмай, праверанай клетцы, навістваў незразумелую мелодыю, і разумеў, што

...можна бегаць, мітусіцца, але вынік адзін – сум, сум па табе, Даша...

можна нічога не рабіць, спяваць увесь дзень адну песню, але вынік адзін – сум па табе, Даша...

можна есці, піць, можна не есці, не піць, але вынік адзін – сум па табе, Даша... (М. Прохар “За аблокамі душы”) – **эпіфара**;

... “Memento mori” – “помні пра смерць”.

*Гэта – мы цытуем часта. Прынамсі – куды часцей, чым... не менш таго вартае: “Memento vivere” – помні пра жыццё. (В. Доўнар “Гора горкае”) – **кальцавая кампазіцыя**.*

У кожным з працытаваных прыкладаў працяжнік вылучае слова або выраз, сэнс якога становіцца значна большым, чым сэнс гэтых жа самых слоў або выразаў без адпаведнага пунктуацыйнага афармлення, таму што ўзбагачаецца роздумам, перажываннямі, эмоцыямі апавядальніка або персанажа. Працяжнік візуальна аддзяляе пэўную частку інфармацыі ад таго, хто яе ўспрымае, падкрэсліваючы магчымасць яе асобнага ўспрыняцця, і адначасова паказвае яе важнасць, істотнасць, вызначальнасць.

Мастацкая літаратура ілюструе надзвычай частыя ў апошні час выпадкі **сегментацыі** выказвання пры дапамозе працяжніка (замест тыповых для гэтай мэты шматкроп’я, кропкі, клічніка):

Вяртанне – вось пра што ён думаў, і не мог нават на хвіліну выкінуць з памяці; <...> Ніна і Алег – хто б мог падумаць, што з-за іх усё коціцца да чарцей?.. Яму не хочацца ўяўляць, з якімі пачуццямі ён з’едзе без іх... (М. Прохар “За аблокамі душы”).

Працяжнік у такім выпадку аддзяляе актуальнае для рэцыпіента паняцце ад аўтарскага меркавання аб ім, дэфармуючы пры гэтым лінейную арганізацыю маўлення, а таксама акцэнтуючы ўвагу на ўмоўным адасабленні частак і падкрэсліваючы непасрэдную асацыятыўную сувязь паміж асобным паняццем (чалавекам, аб’ектам

рэчаіснасці) і суб’ектам, паміж тэмай і рэмай.

Прагматыка працяжніка непасрэдна звязана з яго здольнасцю эфатычна вылучаць пэўны фрагмент выказвання. Як сцвярджае М. В. Біянава, “да ўнікальных функцыянальных уласцівасцей працяжніка адносіцца здольнасць ствараць эфатычную паўзу з наступным уводам інфармацыі, якая валодае высокай ступенню важнасці для аўтара” [5, с. 167]. Гэты патэнцыял знака робіць яго свосасаблівым маркерам **сентэнцыі**:

<...> Людзей крыўдзіць праўда, а хлусня – зневажае самога сябе, таму лепш маўчаць (М. Прохар “За аблокамі душы”); <...> І вольнае ізішніне сіліт’ся састрадаць – надо лішні сознаваць свое равенство и свое тождество: все беды – во всех нас и все радости – во всех нас. Но сколь далека истина жизни от истины изреченного слова! Однако же – кто не мечтает воспарить, у того не растут крылья... (Э. Скобелев “Невинную душу отнять”).

У абодвух ілюстраваных выпадках пастаноўка працяжніка ўстанаўлівае тлумачальную, прычынна-выніковую, мэтавую ролю паміж фрагментамі сентэнцыі, адлюстроўваючы не толькі эмацыянальны стан аўтара-апавядальніка, але і яго катэгарычную пазіцыю адносна закранутых тэм.

Заклучэнне

Прагматычнае даследаванне мастацкага тэксту з’яўляецца адным з актуальных напрамкаў сучаснай лінгвістыкі, бо адкрывае значныя перспектывы для вывучэння ўсёй сукупнасці лінгвістычных сродкаў, якія функцыянуюць на ўзроўні тэксту, арыентаваныя на адэкватную аўтарскай задуме інтэрпрэтацыю і ўздзейнічаюць на яе. Выразным прагматычным сродкам уздзеяння з’яўляецца працяжнік як сродак раздзялення або аб’яднання моўных адзінак, прагматычная каштоўнасць якога шмат у чым абумоўлена яго магчымасцю ствараць падтэкст і тым самым уплываць на эмоцыі чытача.

Працяжнік валодае найбольш агульнымі ўласцівасцямі, характэрнымі для семантызаваных адзінак маўлення ў структуры мастацкага тэксту, яго асэнсаванне і інтэрпрэтацыя паказваюць на канцэнтрацыю значных прагматычных сэнсаў, тлумачэнне якіх выходзіць за межы мастацкага выказвання. Прагматычная інфармацыя, створаная працяжнікам, уключаецца ў макраструктуру мастацкага тэксту

і з'яўляецца адным са складнікаў змястоўна-канцэптуальнай інфармацыі. Па сутнасці, працяжнік з'яўляецца маркерам пропуску, неабходнасці кантэкстуальна абумоўленай эксплікацыі, якая мае патэнцыйныя магчымасці эмацыянальна-экспрэсіўнага выражэння камунікатыўных інтэнцый, што звязана таксама з магчымасцю неаднолькавага асэнсавання і інтэрпрэтацыі чытачом аўтарскіх намераў.

Сістэмнае выкарыстанне працяжніка дазваляе пісьменніку зрабіць больш выразнай сінтаксічную структуру сказа, выбудаваць паслядоўнасць і залежнасць структурна-семантычных узаемаадносін, ускладніць арганізацыю граматычных адзінак. Менавіта паўтаральнасць, сістэмнасць працяжніка ўплывае на яго ўспрыняцце як маркера разнастайных стылістычных фігур: эліпсісу, перыяду, сінтаксічнага паралелізму, антытэзы, алагізму, градацыі, хізму, анафары, эпіфары, кальцавой кампазіцыі, сегментацыі, сентэнцыі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Широкова, Е. Н.** Авторское тире как средство трансформации структуры и семантики синтаксических единиц / Е. Н. Широкова // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 9. Филология. – С. 93–96.
2. **Шавлукова, Б. Ю.** Приемы создания экспрессивной функции авторского тире В. Набокова / Б. Ю. Шавлукова // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2007. – № 53. – С. 238–243.
3. **Кудряшева, Ф. С.** Экспрессивная пунктуация в художественном тексте / Ф. С. Кудряшева // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Т. 19, № 3. – С. 909–914.
4. **Валгина, Н. С.** Современный русский язык : синтаксис / Н. С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 2003 – 416 с.
5. **Биянова, М. В.** Из опыта сравнительно-типологического анализа пунктуационных систем английского и русского языков / М. В. Биянова // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 164–169.

6. **Азарова, Н. Д.** Лингвопоэтические, семиотические и коммуникативные основы английской пунктуации : на материале современной англоязычной художественной прозы : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.04 / Азарова Наталья Дмитриевна. – М., 2001. – 24 с.

7. **Кольцова, Л. М.** Художественный текст через призму авторской пунктуации : автореф. дис. ... д-ра филолог. наук : 10.02.01 / Кольцова Людмила Михайловна. – Воронеж, 2007. – 48 с.

8. **Убушаева, В. В.** Пунктуационная система как средство организации текста (на материале британских и американских научных текстов) : автореф. дис. ... д-ра филолог. наук : 10.02.04 / Убушаева Валентина Васильевна. – М., 2013. – 66 с.

Паступіў у рэдакцыю 18.12.2024 г.

Кантакты: sergolia2@mail.ru (Шаршнёва Вольга Мікалаеўна)

Sharshniova V. M. DASH AS A MEANS OF ACTUALIZING THE COMMUNICATIVE-PRAGMATIC POTENTIAL OF FICTION PROSE TEXT

The article reveals the pragmatic content of the dash. It is stated that its interpretation indicates the concentration of significant pragmatic meanings, the explanation of which goes beyond the scope of explicit artistic expression. It is illustratively confirmed that the dash is a marker of omission and signals the need for context-dependent explication, possessing potential for emotionally expressive realization of communicative intentions. The article concludes that the repetition and systematic use of the dash affect its perception as a marker of various stylistic devices: ellipsis, period, syntactic parallelism, antithesis, allogism, gradation, chiasmus, anaphora, epiphora, ring composition, segmentation, and maxim.

Keywords: dash, pragmatics, stylistic device, ellipsis, period, syntactic parallelism, antithesis, allogism, gradation, chiasmus, anaphora, epiphora, ring composition, segmentation, maxim.

ВЛИЯНИЕ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СУБЪЕКТОВ СВЕДЕНИЙ НА РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ФОКУС ВЫСКАЗЫВАНИЙ В АНГЛО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

И. М. Басовец

кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Минский государственный лингвистический университет

SPIN-код: 8469-3169

ORCID <http://orcid.org/0000-0003-2142-7233>

Researcher ID: НКО-8406-2023

Работа посвящена выявлению корреляций между референциальными характеристиками субъектов ссылочных конструкций и типами референциального фокуса высказываний на материале информационно-аналитических газетных статей на английском и белорусском языках. Установлено, что при одинаковой референтной базе и отсутствии оценок, интерпретаций референциальные характеристики субъектов ссылочных конструкций позволяют разграничить два типа референциального фокуса медиавысказываний в обеих медиакультурах: референтные субъекты характерны для концентрированного референциального фокуса, а нереферентные – для диффузного. На смещенный референциальный фокус медиавысказываний референциальные характеристики субъекта не влияют.

Ключевые слова: референциальный фокус, референтная база, (не)референтный субъект, дискурсивный голос, ссылочные конструкции.

Введение

В огромном конкурентном пространстве современных новостных каналов и медийных средств актуальным стал баланс оперативной передачи информации и минимизации ответственности журналистов, редакции за распространение, возможно, недостоверных или непроверенных сведений. Ответственность в медиаполе сопряжена с ответственностью перед обществом (*public responsibility*), которая проявляется в том, каким образом журналисты передают и используют собранную информацию, поскольку они способны поменять природу события путем его освещения [1, р. 353]. Осознание массовой коммуникации как области повышенной ответственности, а также стремление журналистов обезопасить себя и редакцию от наступления неблагоприятных правовых последствий приводят к фор-

мированию в медиакультуре алгоритмов безопасного речевого поведения и требований к качеству сообщаемой информации.

Критерии качества новостной информации включают а) точность, документализм, фактографичность отражения фрагментов действительности в медиатексте и б) идентифицируемость, надежность источников информации, которые в совместном употреблении обеспечивают адекватное информирование потребителей сведений и достоверность сообщаемого. Первый критерий отражается в референциальном фокусе медиатекста, второй критерий затрагивает вопросы субъектной референции. Изучение проблемы референтной адекватности информации, передаваемой в медиатексте, необходимо предполагает детальное изучение референциальных характеристик субъектов сведений, что является актуальной задачей не только современного языкознания и медиалингвистики, но и смежных дисциплин.

Автор статьи предполагает, что референциальные характеристики субъектов сведений в ссылочных конструкциях влияют на тип референциального фокуса медиавысказываний. Целью работы является установление закономерностей такого влияния, а материалом служат информационно-аналитические статьи на английском и белорусском языках за период с 2016 по 2024 год в следующих англо- и белорусскоязычных электронных версиях печатных изданий: *The Economist*, *The Guardian*, *Time*, *USA Today*; «Звезда» в количестве 20 текстов для каждой медиакультуры. Методы исследования включают: а) общенаучные (логический анализ для обнаружения детерминированных зависимостей между типом субъекта и разновидностью референциального фокуса медиавысказывания; сравнитель-

ный анализ при установлении специфики функционирования разнореференциальных субъектных номинаций в сопоставляемых медиакультурах); б) лингвистические (референциальный анализ при определении типа субъектной референции, контекстуальный – при анализе функционирования субъектных номинаций в медиатекстах).

Теоретические предпосылки выполняемого исследования сформулированы в трудах по лингвистической референции, медиалингвистике, лингвопрагматике, лингвистике текста, стилистике текста, лингвокультурологии, а в данной статье опора осуществляется преимущественно на работы по субъектной референции [2; 3; 4; 5 и др.] и медиалингвистике [6; 7; 8; 9; 10 и др.]. На сегодняшний день в современной гуманитарной науке остаются нераскрытыми вопросы, касающиеся влияния разнореференциальных субъектных номинаций ссылочных конструкций на плотность привязки текстовой информации к действительности, т.е. «референциальный фокус», который является относительно новым лингвистическим термином.

Понятие референциального фокуса было предложено А. А. Негрышевым применительно к новостным текстам, а в системе медиадискурсивной деятельности референциальный фокус есть четкость передачи события в медиатексте, который характеризует степень фактографичности / оценочности текста, т.е. его соответствия / отклонения от стратегии отражения действительности в направлении ее интерпретации [3, с. 87–88]. Так, если событие передано в тексте только облигаторными компонентами и теми факультативными актантами, которые не выводят сообщение из сферы фактографии в область оценочных интерпретаций, то такой текст имеет *концентрированный* референциальный фокус. Если же актантный состав текста изменяется путем элиминации облигаторных актантов и / или вследствие включения факультативных актантов и смежных событий, то такой тип референциального фокуса можно назвать *диффузным*. При таком фокусе расширяется либо сужается референтная база текста, что ведет к ослаблению плотности фактографической привязки текста к действительности. В случае же *смещенного* референциального фокуса фактография практически уступает место интерпретации, что может достигаться как благодаря расширению референтной базы, так и путем использования логических и стилистических приемов оцен-

ки, выступающих на разных уровнях текстовой структуры [3, с. 87–88]. Референциальный фокус медиавысказываний упоминается в диссертационном исследовании Н. В. Поплавской со ссылкой на работы А. А. Негрышева [11], а также в статье И. М. Басовец [12].

Несколько преломив концепцию А. А. Негрышева для анализа именно субъектных компонентов ссылочных конструкций и их участия в фактографической точности или интерпретативной неточности при отражении события действительности в газетном тексте, воспользуемся разработанной терминологией и отметим, что релевантным учет референциального фокуса является только для информационно-аналитических статей, где конвенциональная схема подачи материала предполагает наличие таких облигаторных компонентов, как субъекты сведений. Полагаем, что место нашего исследования в кругу подобных других позволит внести вклад в понимание влияния способов кодирования субъектов сведений в современных медиатекстах на точность отражения действительности, а также (не)возможности верификации информации от имени разных субъектов.

Основная часть

Письменный медиатекст представляет собой такую разновидность вербальной активности, которая отмечена высокой степенью осознанности в совершении лингвистического выбора при кодировке субъектов сведений, которые являются его базовыми конституентами, используемыми в структуре референтного события и являющимися необходимыми для обеспечения функционально-смысловой завершенности газетного текста как на английском, так и на белорусском языках.

В информационно-аналитических статьях конвенциональная схема подачи материала предполагает наличие облигаторных субъектных компонентов ссылочных конструкций, при этом от количества субъектов сведений зависит субъектно-референциальная плотность медиатекста. Для адекватного понимания и идентификации источника сведений читателем информационно-аналитического текста обеих сопоставляемых медиакультур необходимо соотнесение текстовых единиц с субъектами реального мира. Такое соотнесение в медиатекстах обеих лингвокультур естественно для субъектов с определенной референциальной отнесенностью (индивидуальных или коллективных), для которых одно-

значная референция обеспечивается наличием а) детального описания адресантом или б) референтных знаний адресата об актуализированном в тексте реальном субъекте. Если субъекты сведений вводят в информационно-аналитические статьи высказывания, имеющие референтную базу следующего типа: «референтный субъект» + «точное содержание высказывания» или «референтный субъект» + «компрессионное содержание высказывания» как вербальное действие субъекта, не сопровождающееся оценкой журналиста, то высказывания такого типа имеют *концентрированный* референциальный фокус.

При этом вербальное действие субъекта может быть оформлено в виде либо а) прямой речи, которая передается без сокращений и не вырвана из контекста, либо б) косвенной речи с незначительными сокращениями или без оценочными трансформациями с возможным наличием островного цитирования, которое представляет собой малый фрагмент прямой речи первоисточника, эквивалентный слову или фразе и включенный в авторский текст в аутентичном виде без трансформаций и адаптации, графически маркируемый кавычками. Рассмотрим следующие контексты:

According to the Secret Service, at the time the first female agents were hired, they were “expected to do everything the men do” – including hand-to-hand combat, marksmanship, first aid, and more – “and will receive equal pay.” Secret Service spokesperson Anthony Guglielmi said in a statement: “U.S. Secret Service employees, whose work is vital to the continuity of government, are held to the highest professional standards. At no time has the agency lowered these standards” (Time, 17.07.2024) ‘По данным Секретной службы, в то время, когда были наняты первые женщины-агенты, от них «ожидалось, что они будут делать все, что делают мужчины» – включая рукопашный бой, меткую стрельбу, оказание первой помощи и многое другое – «и будут получать равную оплату». Представитель Секретной службы Энтони Гульельми в заявлении сообщил: «Сотрудники Секретной службы США, чья работа чрезвычайно важна для бесперебойной работы правительства, соответствуют самым высоким профессиональным стандартам. Никогда агентство не снижало эти стандарты»;

І вось напрыканцы верасня прэм’ер-міністр Ульф Крystэрсан наведміў аб тым, што вырашыў задзейнічаць для барацьбы з бандамі ўзброеныя сілы дзяржавы.

«Гэта цяжкі час для Швецыі. У канчатковым рахунку абавязкам дзяржавы з’яўляецца забеспячэнне таго, каб арганізаваныя злачынныя групы не забівалі па адным чалавеку ў дзень у Швецыі», – сказаў прэм’ер-міністр, каментуючы выпадак ва Упсале (Звязда, 1.12.2023).

При подобной передаче референтного события (вербального действия конкретного субъекта) журналист точно воспроизводит содержание сказанного субъектом сведений и не выводит медиасообщение из сферы фактографии в область оценочных интерпретаций. Кроме того, актуализация безоговорочно компетентного дискурсивного голоса в освещаемой ситуации (более компетентного в контексте повествования, чем журналист), т.е. субъекта, чье знание ситуации непосредственно отражается в тексте, чья информация формирует основу содержания суждения, актуального для читателя, дает возможность журналисту переложить ответственность за сообщаемое на это лицо, а констатация точки зрения компетентного источника, которая может иметь вербально маркированную институциональную поддержку, не требует проверки и убеждает адресата в истинности сообщаемой информации [13, с. 43–51]. Следует отметить схожесть отражения референтного события в сопоставляемых англо- и белорусскоязычной медиакультурах как в отношении формулы репрезентации, так и в части субъектного кодирования (за исключением наличия артиклей в английском языке), что объясняется универсальным механизмом и природой самого явления референции.

Нереферентные субъекты в англо- и белорусскоязычных газетных текстах представлены: 1) обобщенными номинациями типа *netizens* ‘пользователи Интернета’, *Mr. Trump’s supporters* ‘сторонники г-на Трампа’, *many in national-security circles* ‘многие в кругах национальной безопасности’, *people familiar with the thinking of Chinese generals* ‘люди, знакомые с образом мыслей китайских генералов’; *карыстальнікі ў сацсетках, многія, цэлы шэраг палітолагаў і эканамістаў* и т.п., 2) неопределенными именными группами: *some stalwarts* ‘некоторые верные последователи’, *one source* ‘один источник’, *a senior conservative figure* ‘некий высокопоставленный консерватор’; *некаторыя крытыкі, хтосьці, нехта са знаёмых* и др., 3) третьеличными нулями, т.е. подразумеваемыми субъектами, которые относятся к субстантивному нулевому знакам [14, с. 28] в

конструкциях типа *is said* 'говорят'; *кажуць*, для которых нащупывание референтного пространства адресатом оказывается наиболее затруднительным, поскольку потенциальный круг лиц весьма широк. И здесь универсальная природа референции демонстрирует подобие в выборе языковых средств для кодирования нереперентных субъектов в обеих медиакультурах за исключением сугубо языковых различий (наличие неопределенного артикля в значении 'некий' в английском языке, отсутствие формального подлежащего в неопределенно-личных конструкциях в белорусском языке и его наличие в безличных конструкциях английского языка), обусловленных разнотематичностью двух языков.

В отношении как вербализованных, так и подразумеваемых нереперентных субъектов обеих медиакультур актуализированное референтное пространство является размытым, а результирующая интерпретация читателя сводится к реконструированию возможного(ых) референта(ов) и представляет собой расширение или сужение гипотез касательно собственной интерпретации в отношении того, кого считать референтом или причислить к группе референтов, поскольку такая интерпретация коррелирует с «фактором субъективности восприятия текста коммуникантами, с субъективной интериоризацией ими смысла» [15, с. 116].

Если референтная база медиавысказывания в случае с нереперентными субъектами та же, что и для референтных субъектов, но наполнение субъектного компонента иное в части референциальных характеристик, а именно: «нереперентный субъект» + «точное содержание высказывания» или «нереперентный субъект» + «компрессионное содержание высказывания», то тип референциального фокуса высказывания является *диффузным*, поскольку происходит ослабление фактографической привязки текста к действительности именно в субъектном компоненте ссылочных конструкций на двух языках. Сравним:

In an effort to win over Erdoğan, say some, Swedish authorities are increasing surveillance of Kurdish people living in Sweden 'Стремясь склонить на свою сторону Эрдогана, говорят некоторые, шведские власти усиливают наблюдение за курдами, живущими в Швеции' (The Guardian, 7.02.2024);

But a theory circulating online holds that bitcoin was dreamed up by the National Security Agency 'Но теория, циркулирующая в Интер-

нете, утверждает, что биткойн был придуман Агентством национальной безопасности' (The Economist, 4.10.2023);

Officers and soldiers said they had sighted only a handful since entering Gaza city on October 27th 'Офицеры и солдаты заявили, что с момента входа в сектор Газа 27 октября они видели лишь несколько таких людей' (The Economist, 7.11.2023);

"For some of the companies, there was some hesitation about whether to attend" because of sharp political and personal differences with Trump, one tech industry source said «Некоторые компании колебались, стоит ли участвовать» из-за острых политических и личных разногласий с Трампом, сообщил один из источников в технологической отрасли' (Time, 14.12.2016);

У асобных польскіх СМІ прыводзяцца думкі аўтарытэтных арганізацый, згодна з якімі налета ўзровень інфляцыі ў Польшчы можа быць самым высокім ва ўсёй Еўропе (Звязда, 27.09.2023);

У Польшчы гавораць, што зараз танней ацяпляцца старой мэбляй, чым пакупнымі дрэвамі (Звязда, 15.10.2022);

Некаторыя крытыкі сцвярджаюць, што гэтыя меры не вырашаюць асноўныя сацыяльныя праблемы, у тым ліку дзіцячую беднасць і недастатковае фінансаванне грамадскай інфраструктуры (Звязда, 1.12.2023);

Кажуць, Барэль вельмі заневажаўся (Звязда, 23.12.2022).

Употребление нереперентных субъектов в качестве источников сведений может стать одним из продуктивных приемов манипулирования вследствие трансформации общего смысла сказанного или интерпретации события журналистом, причем трансформация может варьироваться от несущественных искажений сообщаемой информации до придания ей прямо противоположного смысла [16, с. 49–51].

В случае *смещенного* референциального фокуса фактография уступает место интерпретации, что может достигаться благодаря вкраплению оценочных единиц разных языковых уровней и авторских комментариев, в результате чего журналист делает свое присутствие в тексте видимым, что свойственно обоим медиакультурам. Референтную базу таких высказываний можно представить как «субъект» + «оценка» + «содержание высказывания»:

President Donald Trump leveled a series of baseless claims Thursday against the system of counting presidential ballots and accused

Democrats of trying to “steal” the election ‘Президент Дональд Трамп в четверг выдвинул ряд необоснованных обвинений против системы подсчета президентских бюллетеней и обвинил демократов в попытке «украсть» выборы’ (USA Today, 5.11.2020);

Some have faulted Democrats’ rhetoric for fanning partisan tensions; conspiracy theorists baselessly suggest the incident was staged by Trump himself ‘Некоторые обвиняют риторику демократов в разжигании партийной напряженности; сторонники теории заговора безосновательно предполагают, что инцидент был инсценирован самим Трампом’ (Time, 17.07.2024);

Інфармацыя аб фермерскіх пратэстах падаецца вельмі скупа, агульнымі рысамі абмалёўваецца нагода для пратэсту, але старанна пазбягаецца дэталёвы разбор сапраўдных прычын фермерскага бунту (Звезда, 31.07.2022);

Пры гэтым Туск быццам «мантру» дадаў, што Варшава не плануе закрываць граніцу для ўкраінскіх тавараў (Звезда, 13.03.2024).

Особенностью таких медиасообщений, подаваемых как референтными, так и нер-

ферентными субъектами в сопровождении авторской оценки в англо- и белорусскоязычных газетных текстах, которая может быть инкорпорирана как в саму конструкцию, так и в пропозицию, является то, что предметом сообщения выступает уже не новое речевое событие, а его комментарии, т.е. то, что составляет не событийное, а интерпретационное поле и имеет огромное влияние на оценку ситуации и формирование мировоззренческих позиций читателя. Для читателя медиатекста когнитивное освоение реальности во многом зависит от тех версий и интерпретаций, которые производятся и распространяются по каналам массовой коммуникации, что предполагает не только и даже не столько отражение окружающей действительности, сколько ее интерпретацию, комментариев, оценку [17, с. 85].

Итак, материал исследования показал, что конфигурация разных критериев с участием субъектно-референциальных характеристик предопределяет референциальный фокус высказываний в информационно-аналитических статьях на английском и белорусском языках, что можно проиллюстрировать при помощи таблицы 1.

Таблица 1. Корреляция референциальных типов субъекта и референциального фокуса медиа-высказываний в информационно-аналитических статьях на английском и белорусском языках

Тип субъекта		Форма передачи речевого действия субъекта	Вид фокуса
S _p	+	прямая, косвенная речь, островное цитирование →	концентрированный
S _{np}	+	прямая, косвенная речь, островное цитирование →	диффузный
S _{p/np}	+	прямая, косвенная речь, островное цитирование →	смещенный
	+	оценка, комментарий журналиста	

Заключение

Анализ англо- и белорусскоязычных информационно-аналитических статей позволяет констатировать схожесть влияния референциальных характеристик субъектов ссылочных конструкций на референциальный фокус высказываний, что объясняется универсальным характером самого явления референции, а обнаруженные различия касаются преимущественно грамматических особенностей (бессубъектные конструкции деавторизации в белорусском языке, безличные конструкции с формальным подлежащим и наличие артиклей перед субъектной номинацией в английском языке), обусловленных разнотемностью

двух сопоставляемых языков. Предположение автора в ходе исследования подтвердилось: на референциальный фокус высказываний в англо- и белорусскоязычных информационно-аналитических статьях с ссылочными конструкциями влияют не только содержание и форма передачи сообщаемых сведений, но состав и конфигурация субъектов информации. При одинаковой референтной базе типа «субъект» + «точное / компрессионное содержание высказывания» как вербальное действие субъекта, которое может облекаться в форму прямой или косвенной речи с возможным вкраплением островного цитирования, вид референциального фокуса может варьироваться

в зависимости от а) референциальных характеристик субъектов ссылочных конструкций, б) наличия / отсутствия оценок или комментариев журналиста. Референциальные характеристики субъектных компонентов ссылочных конструкций демонстрируют воздействие на градацию степени соответствия функции собственно информирования и участвуют в разграничении лишь двух разновидностей референциального фокуса медиавысказываний: для концентрированного референциального фокуса, при котором фиксируется точная, фактографическая привязка текста к действительности, характерны референтные субъекты, а диффузному фокусу, при котором происходит ослабление такой привязки, свойственны нереферентные субъекты. На смещенный референциальный фокус медиавысказываний, приоритетной для которого является функция воздействия, референциальные характеристики субъекта не влияют – здесь значение имеет наличие оценок и комментариев журналиста, которые репрезентируют отклонение от стратегии собственно информирования и выводят медиасообщение в интерпретационную сферу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Biagi, Sh.* Media impact: an introduction to mass media / Sh. Biagi. – 5th ed. – Toronto : Wadsworth Thomson Learning, 2000. – 425 p.
2. *Вдовиченко, А. В.* Коммуникативная референция: к знаку и обратно / А. В. Вдовиченко // Язык. Человек. Культура : сб. науч. трудов, посвященный юбилею М. Л. Ковшовой. – М. : Канцлер, 2022. – С. 22–31.
3. *Негрышев, А. А.* Референтное событие и референтная база новостного медиатекста / А. А. Негрышев // Медиалингвистика. – 2015. – № 2(8). – С. 78–90.
4. *Davies, C.* Reference and informativeness: How context shapes referential choice / C. Davies, J. Arnold // The Oxford Handbook of Experimental Semantics and Pragmatics. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – P. 474–493.
5. *Gibson, C.* Habits of Mind in an Uncertain Information World / C. Gibson, T.E. Jacobson // Reference and User Services Quarterly. – Chicago : American Library Association, 2018. – Vol. 57(3). – P. 183–192.
6. *Баташева, А. А.* Лингвостилистические способы интерпретации медиасобытия в современном российском медиадискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Баташева Анна Александровна. – Москва, 2020. – 178 л.
7. *Луцинская, О. В.* Медиатекст конвергентных средств массовой коммуникации в контексте дискурса / О. В. Луцинская // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. – 2019. – № 2. – С. 32–39.
8. *Сыресеина, И. О.* Дискурсивные маркеры категории достоверности англоязычных новостных медиатекстов / И. О. Сыресеина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, Вып. 11. – С. 3659–3664.
9. *Israil, M.* Conceptual, genre-style and pragmalinguistic characteristics of media texts / M. Israil // International Scientific Journal “Science and Innovation”. Series C. – 2023. – Vol. 2, Issue 8. – P. 5–8.
10. *Mahyoob, M.* Linguistic-Based Detection of Fake News in Social Media / M. Mahyoob, J. Algaraady, M. Alrahaili // International Journal of English Linguistics. – 2021. – Vol. 11(1). – P. 99–109.
11. *Поплавская, Н. В.* Новостной медиадискурс в современном онлайн-пространстве : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Поплавская Наталья Владимировна. – Москва, 2016. – 170 л.
12. *Басовец, И. М.* Референциальный фокус высказывания с конструкциями авторизации и деавторизации в новостном дискурсе / И. М. Басовец // Концептуализирующая сила грамматики: Ars Grammatica : сб. науч. ст. / редкол.: И. В. Дмитриева (отв. ред.) [и др.]. – Мн. : МГЛУ, 2022. – С. 69–76.
13. Когнитивно-прагматическое моделирование достоверной информации в репортажном суждении: интродуктивные предикаты, эвиденциальность, эпистемическая модальность : монография / И. А. Кудряшов, Е. В. Постева, Т. Ю. Тамерьян. – Владикавказ : ООО НПКП «МАВР», 2023. – 190 с.
14. *Падучева, Е. В.* Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2012. – № 1. – С. 27–41.
15. *Власенко, С. В.* Текст как объект референции / С. В. Власенко // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 1(11). – С. 115–132.
16. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативный, прагматический, лингвокогнитивный и психолого-педагогический аспекты : коллективная монография / О. В. Маруневич [и др.]; под науч. ред. О. В. Маруневич, М. Н. Черкасовой ; ФГБОУ ВО РГУПС. – Ростов-на-Дону : РГУПС, 2023. – 122 с.

17. Добросклонская, Т. Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 85–94.

Поступила в редакцию 26.12.2024 г.

Контакты: basovets@list.ru (Басовец Ирина Михайловна)

Basovets I. M. THE INFLUENCE OF REFERENTIAL CHARACTERISTICS OF SUBJECTS OF INFORMATION ON THE REFERENTIAL FOCUS OF STATEMENTS IN ENGLISH AND BELARUSIAN NEWSPAPER TEXTS

The paper is devoted to identifying correlations between the referential characteristics of the subjects of reference structures and the types of referential focus of statements based on news and opinion newspaper articles in English and Belarusian. It has been established that with the same referential base and the absence of assessment and interpretation, referential characteristics of subjects of reference structures make it possible to distinguish between two types of referential focus of media statements in both media cultures: referential subjects are typical of a concentrated referential focus, and non-referential ones are found in the statements with a diffuse one. The referential characteristics of subjects do not affect the shifted referential focus of media statements.

Keywords: referential focus, referential base, (non)referential subject, discursive voice, referential structures.

УДК 811.161.3

**ТРАНСФАРМАВАНЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЧНЫЯ АДЗІНКІ:
АГЛЯД КЛАСІФІКАЦЫЙ****В. І. Карнеева**

метадыст ІПКіП

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт харчовых і хімічных тэхналогій

У артыкуле разглядаюцца розныя віды аўтарскіх пераўтварэнняў фразеалагічных адзінак, засяроджваецца ўвага на дыскусійных пунктах гледжання. Абгрунтоўваецца неабходнасць удакладнення існуючых класіфікацый з улікам пэўных змен і дапаўненняў, на якія накіроўвае апрацаваны тэарэтычны і фактычны матэрыял. Робіцца выснова аб тым, што прыёмы аказіянальнага змянення фразеалагізмаў мэтазгодна падзяляць на тры тыпы – структурна-семантычны, семантычны і структурны.

Ключавыя словы: узуальная фразеалагічная адзінка, аказіянальная фразеалагічная адзінка, індывідуальна-аўтарскае пераўтварэнне, прыёмы пераўтварэння, трансфармацыя фразеалагічнай адзінкі, класіфікацыя.

Уводзіны

Фразеалагічныя адзінкі (далей – ФА) існуюць як гатовыя адзінкі мовы. Гэтым яны адрозніваюцца ад свабодных словазлучэнняў, якія ствараюцца кожны раз падчас маўлення. Калі гаворка заходзіць пра фразеалагічны моўны фонд, лінгвісты падкрэсліваюць яго традыцыйнасць, устойлівасць, колькаснае і якаснае пастаянства складу. Аднак сустракаюцца выпадкі, калі зафіксаваная ў слоўніках ФА пачынае выкарыстоўвацца не так, як прынята, а з пэўнымі зменамі і рознымі пераўтварэннямі ў яе семантыцы і структуры.

Паколькі ФА ў сваім ужыванні падпарадкоўваюцца існуючым моўным нормам, мэтазгодна гаварыць пра нарматыўнае і ненарматыўнае іх выкарыстанне. Н. А. Бажко, цытуючы А. В. Блінову, піша, што «відазмяненні фразеалагічных адзінак разглядаюцца як аказіянальныя адхіленні, якія супрацьпастаўляюцца фразеалагічнай норме» [1, с. 34]. Падобнае разуменне прыроды пераўтварэнняў ФА знаходзім у працах В. А. Іцковіча, Л. М. Калеснікавай, Р. М. Папова, Б. С. Шварцкопфа і інш. Разам з тым

трэба разумець, што адхіленне ад нормы пры ўжыванні ФА не заўсёды тлумачыцца няведаннем гэтых самых норм. А. І. Малаткоў слушна заўважае, што, «кваліфікуючы тыя ці іншыя адхіленні ва ўжыванні фразеалагізмаў як правільныя або як няправільныя, прынцыпова важна ўлічваць іх прычынную абумоўленасць: ці маем мы справу з ненаўмысным скажэннем фразеалагізма, які з'яўляецца вынікам <...> няведання норм ужывання такога фразеалагізма, або з дапушчальным аўтарскім пераўтварэннем у межах нормы» [2, с. 154].

Навукоўцы, якія даследуюць пераўтварэнні ўзуальных ФА (А. С. Аксамітаў, А. В. Блінова, І. Я. Лепешаў, В. М. Макіенка, А. М. Меляровіч, І. Ю. Трацякова і інш.), адзначаюць, што часцей за ўсё яны трансфармуюцца менавіта ў творах мастацкай літаратуры. Гэта тлумачыцца тым, што пісьменнікі нярэдка творча апрацоўваюць агульнавядомыя ФА, каб дасягнуць большай вобразнасці і непаўторнасці мастацкага слова. Нягледзячы на тое, што тэме аказіянальных ФА прысвечана многа навуковых прац (асабліва ў расійскім мовазнаўстве), да гэтага часу даследчыкі не выпрацавалі агульнапрынятай класіфікацыі індывідуальна-аўтарскіх (далей – ІА) пераўтварэнняў ФА.

Мэта артыкула – прааналізаваць найбольш распаўсюджаныя і распаўсюджаныя класіфікацыі ІА пераўтварэнняў ФА; з улікам змен і дапаўненняў прапанаваць уласную класіфікацыю, зручную для практычнага прымянення пры аналізе ІА пераўтварэнняў ФА ў мастацкіх творах.

Асноўная частка

Адсутнасць адзінай агульнапрынятай класіфікацыі прыёмаў аўтарскай апрацоўкі ФА У. М. Вакураў звязвае з тым, што «прыёмы пераўтварэнняў ФА шматлікія, разнастайныя, а ў многіх выпадках надзвычай складаныя. Акрамя таго, яны рэалізуюцца не толькі на розных узроўнях мовы, але і на некалькіх у адзін і той жа час. Выпрацоўка адзінай

класіфікацыі ўскладняецца таксама тым, што гэты прыём выкарыстоўваюцца не ізалявана адзін ад аднаго» [3, с. 101].

Адна з першых класіфікацый ІА пераўтварэнняў ФА была прапанавана Л. М. Болдыравай, якая ўсе разнастайныя і шматлікія відазмяненні ФА звяла да чатырох асноўных тыпаў, звязаных з наданнем ФА стылістычнага сузначэння ў спецыфічных кантэкстуальных умовах іх ужывання; з наданнем ФА дадатковай экспрэсіі; з маўленчымі фразеалагічнымі аналагамі; з кантамінацыяй ФА [4]. Беручы за аснову гэту класіфікацыю, І. Ю. Трацякова заўважае, што істотным яе недахопам з'яўляецца «адсутнасць выразных крытэрыяў дыферэнцыяцыі тыпаў аказіянальных пераўтварэнняў ФА. Так, калі першы і другі тыпы адрозніваюцца стылістычнымі эфектамі, то ў трэцім і чацвёртым тыпах размежаванні праходзяць не столькі ў стылістычнай плоскасці, колькі ў плоскасці «механістычнай», закранаючы складаныя механізмы пераўтварэння ФА» [5, с. 49]. Варта заўважыць, што прапанаваная класіфікацыя ўключае такія паняцці, як «маўленчы фразеалагічны варыянт», «марфалагічнае вар'іраванне», што наводзіць на думку аб успрыманні даследчыкам аказіянальных аўтарскіх ФА ў якасці варыянтаў узусных.

М. М. Шанскі вылучае восем асноўных прыёмаў ІА апрацоўкі ўзусных фразеалагізмаў: напаўненне фразеалагічнага зварту (ФЗ) новым сэнсавым зместам пры захаванні яго лексіка-граматычнай цэласнасці; абнаўленне лексіка-граматычнага боку ФЗ пры захаванні яго семантыкі і асноўных рыс структуры; выкарыстанне ФЗ у якасці свабоднага спалучэння слоў; утварэнне па аналогіі з фразеалагізмамі новых звртаў; ужыванне ФЗ адначасова і як фразеалагічнага, і як свабоднага спалучэння слоў; ужыванне з мэтай асаблівай мастацкай выразнасці агульнага вобраза ФЗ; кантамінацыя двух фразеалагізмаў; выкарыстанне побач з ФЗ аднаго з утваральных яго слоў [6].

У цэлым класіфікацыю М. М. Шанскага можна лічыць поўнай, бо яна ахоплівае пераважную большасць трансфармацый, але, на наш погляд, яна з'яўляецца не зусім зручнай для практычнай апрацоўкі. Справа ў тым, што семантычныя пераўтварэнні, якія не закранаюць лексіка-граматычную структуру ФА, падаюцца разрозненымі, чаргуючыся са структурнымі пераўтварэннямі. Практыка апрацоўкі фактычнага матэрыялу падказвае, што больш мэтазгодна аб'яднаць усе віды семантычных пераўтварэнняў у адну групу семан-

тыка-стылістычных трансфармацый, якія не закранаюць структуру ФА, але надаюць дадатковыя адценні значэння. Пры больш дэталёвай класіфікацыі магчыма вылучэнне адпаведных падпунктаў.

У. М. Вакураў, адзначаючы, што ў класіфікацыйнай схеме кожны канкрэтны прыём павінен знайсці сваё месца ў агульнай сістэме фразеалагічных пераўтварэнняў, прыходзіць да высновы, што «правамерная не лінейная, а шматступенчатая класіфікацыя» [3, с. 102], у якой спачатку выдзяляюцца асноўныя групы прыёмаў пераўтварэння ФА, а потым ужо ідзе падзел на падгрупы і тыпы.

Прыклад такой шматступенчатой класіфікацыі знаходзім у В. П. Краснея, які сярод тыповых прыёмаў ІА перапрацоўкі ФА называў змяненне яе лексічнага складу пры захаванні значэння; змяненне значэння ФА пры захаванні яе лексічнага складу; частковае змяненне лексічнага складу і пераасэнсаванне ФА [7]. Пасля ўжо ў межах гэтых прыёмаў даследчык апісвае і аналізуе розныя віды трансфармацый.

Вялікую цікавасць уяўляе сістэма аказіянальных пераўтварэнняў ФА, прапанаваная В. М. Макіенкам і А. М. Меляровіч у слоўніку «Фразеологізмы в русской речи» [8]. На сённяшні дзень у расійскім мовазнаўстве гэта самая падрабязная па аналізе пераўтварэнняў і найбольш дакладная па змястоўным апісанні тыпалогія аказіянальных пераўтварэнняў ФА. Аналізуючы яе, І. Ю. Трацякова адзначае, што «мэтай вучоных з'яўляецца не класіфікацыя ўласна прыёмаў аказіянальнага пераўтварэння ФА, а сістэматызацыя трансфармацый, якія ствараюцца на аснове розных прыёмаў» [5, с. 63]. У слоўніку выдзяляюцца два тыпы ІА пераўтварэнняў – семантычныя і структурна-семантычныя. Дыяпазон гэтых пераўтварэнняў дастаткова шырокі. Так, даследчыкі апісалі восем відаў семантычных трансфармацый ФА – набыццё фразеалагізмам дадатковага семантычнага адцення; пераасэнсаванне ФА; змяненне канататыўнага зместу; пераўтварэнні, якія базіруюцца на вобразнасці ФА. Да апошняга віду ўзыходзяць яшчэ пяць, сярод якіх падвойная актуалізацыя (падвойны семантычны план); літаралізацыя значэння ФА; народнаэтымалагічнае пераасэнсаванне ўнутранай формы ФА, сутнасць якога заключаецца ў звязанні незразумелай адзінкі мовы да зразумелай, у імкненні пераасэнсаваць новыя знакі мовы праз супастаўленні іх са знешнімі зыходнымі, вядомымі; аўтарская этымалагізацыя; эксплікацыя ўнутранай формы

(вобразнай асновы) ФА, пад якой разумецца раскрыццё ў кантэксце зыходнага вобразнага ўяўлення, сітуацыі, што з'яўляецца базай фразэаўтварэння [8].

На наш погляд, тры апошнія віды семантычных трансфармацый ФА ўяўляюцца дастаткова спрэчнымі. Так, эксплікацыя ўнутранай формы ФА па сваёй сутнасці ўзыходзіць да першапачатковага вобразнага ўяўлення, якое з'явілася базай фразэаўтварэння. Пад аўтарскай этымалагізацыяй даследчыкі разумеюць *свядомае* [курсіў наш. – В. К.] пераўтварэнне ўнутранай формы ФА, таму і падаюць яе як асобны від трансфармацыі, нягледзячы на тое, што, па-першае, у аснове этымалагізацыі ляжыць літаралізацыя значэння ФА. Па-другое, лічым некарэктным акцэнтаваць увагу менавіта на «свядомым пераўтварэнні» ФА, таму што любыя прыёмы аказіянальнага пераўтварэння ФА і трансфармацыі, ужытыя аўтарамі ў мастацкіх тэкстах, трэба расцэньваць як свядомыя. У адваротным выпадку складана зразумець, на якой падставе можна праводзіць размежаванне наўмыснага ці ненаўмыснага пераўтварэння ФА.

Структурна-семантычныя пераўтварэнні ФА, прапанаваныя В. М. Макіенкам і А. М. Меляровіч, уяўляюць сабой сэнсавыя пераўтварэнні, звязаныя «са змяненнем лексічнага складу і/ці граматычнай формы ФА» [8, с. 23]. У межах структурна-семантычнага тыпу навукоўцы вылучаюць дзве групы пераўтварэнняў – у залежнасці ад складанасці механізмаў трансфармацый, ад ступені зменлівасці семантыкі моўных фразеалагізмаў. «У выніку структурна-семантычных пераўтварэнняў першага тыпу ствараюцца розныя ІА ўжыванні ФА, якія канкрэтызуюць і развіваюць сэнсавы змест, якія ўзмацняюць экспрэсіўнасць, відазмяняюць эматыўна-ацэначны план у межах тоеснасці ФА» [8, с. 23]. Да ліку гэтых пераўтварэнняў аўтары адносяць змяненне кампанентнага складу (пашырэнне кампанентнага складу ФА; замена кампанента ФА словам або словазлучэннем; скарачэнне кампанентнага складу), змяненне ў размяшчэнні кампанентаў (дыстантнае размяшчэнне кампанентаў; сінтаксічная інверсія), дыферэнцыяцыя ўнутраных і знешніх сінтаксічных і марфалагічных пераўтварэнняў ФА (знешнія марфалагічныя і сінтаксічныя пераўтварэнні ФА; унутраныя марфалагічныя і сінтаксічныя трансфармацыі ФА) і інш. – усяго 14 відаў пераўтварэнняў. Тут неабходна звярнуць ува-

гу на наступнае. Такі прыём, як змяненне ў размяшчэнні кампанентаў, найперш накіраваны на пераўтварэнне структуры ФА. У выніку яго выкарыстання семантыка аказіянальных ФА застаецца без змен, такой, як і ва ўзыходных ФА, а ўзмацняецца толькі выразнасць ФА. Таму лічым мэтазгодным выдзеліць гэты прыём у асобны тып – структурныя пераўтварэнні.

Што датычыць знешніх марфалагічных і сінтаксічных пераўтварэнняў ФА, то яны з'яўляюцца цалкам нарматыўнымі ў межах марфалагічнай і сінтаксічнай парадигмы, а самі даследчыкі адзначылі, што такія пераўтварэнні «з'яўляюцца найбольш частымі (стандартнымі), у меншай меры здольныя адлюстроўваць своеасаблівасць выкарыстання ФА ў тэксце» [8, с. 25].

Да другой групы структурна-семантычных пераўтварэнняў В. М. Макіенка і А. М. Меляровіч адносяць такія, у выніку якіх «з'яўляюцца аказіянальныя словы і фразеалагізмы са змяненнем прадметна-паняццёвага зместу, катэгорыяльнай семантыкі, нятоеснасцю вобразнай асновы» [8, с. 28]. Усяго гэта група налічвае 12 відаў, дзе 11 апісваюць ФА, утвораныя на базе ФА мовы. Нельга не пагадзіцца з І. Ю. Трацяковай, якая гаворыць пра несумненную вартасць прапанаванай даследчыкамі тыпалогіі. Сярод станоўчых момантаў яна адзначае паўнату па прадстаўленасці пераўтварэнняў, універсальнасць пры прымяненні ў тэкстах розных стыляў і жанраў, вялікі аб'ём змешчанага ў слоўніку ілюстрацыйнага матэрыялу [5].

У адрозненне ад В. М. Макіенкі і А. М. Меляровіч, І. Я. Лепешаў у сваіх працах апісвае самыя пашыраныя прыёмы змянення ФА. Усе прыёмы ён таксама аб'ядноўвае ў дзве групы – структурна-семантычныя змяненні, пры якіх «знарок парушаецца форма фразеалагізма і гэтым самым закранаецца яго змест» [9, с. 220], і семантычныя, пры якіх «кампанентны склад фразеалагізмаў застаецца непарушным» [9, с. 220]. Сярод структурна-семантычных змяненняў даследчык разглядаў замену кампанента іншым словам, ускладненне фразеалагізма словам свабоднага ўжывання, фразеалагічную з'яўку, аб'яднанне слова свабоднага ўжывання з часткай фразеалагізма, выкарыстанне вобразнай асновы фразеалагізма. Улічваючы, што пад фразеалагічнай з'яўкай І. Я. Лепешаў разумее «прыём аб'яднання слова і фразеалагізма ў адной сінтаксічнай канструкцыі з фармальна аднароднымі, але лагічна неспалучаль-

нымі, разнароднымі членамі» [9, с. 222], думаецца больш мэтазгодна разглядаць яе ў межах такога прыёму, як ускладненне фразеалагізма словам свабоднага ўжывання.

Усе семантычныя пераўтварэнні (усяго 13 прыёмаў) разглядаюцца даследчыкам з пункту гледжання актуалізацыі ўнутранай формы і абыгрывання ўсяго фразеалагізма ці абыгрывання асобнага кампанента фразеалагізма. Тут нашу ўвагу прыцягнулі такія прыёмы, як пераасэнсаванне фразеалагізма ў дыялагічным маўленні, камічная расшыфроўка фразеалагізма і прыёмы стварэння семантычнага паралелізму. Мы наўмысна аб'ядналі іх, паколькі, па вызначэнні І. Я. Лепешава, у іх аснове ляжыць агульная з'ява – пераасэнсаванне фразеалагізма, успрыманне яго як свабоднага словазлучэння, так і фразеалагічна звязанага. Таму лічым магчымым гэтыя прыёмы аб'яднаць у адзін пад назвай – падвойная актуалізацыя, а дыялагічнае маўленне, іранічную расшыфроўку і семантычны паралелізм разглядаць як разнавіднасці трансфармацый, якія рэалізуюцца ў межах гэтага прыёму. Падобнай думкі мы прытрымліваемся і на супрацьпастаўленне фразеалагізма і свабоднага словазлучэння, і на антытэзнае супрацьпастаўленне фразеалагізмаў, і на агаленне ўнутранай формы фразеалагізма параўнаннем. Гэтыя прыёмы мы таксама разглядаем у якасці прыкладаў рэалізацыі падвойнай актуалізацыі ФА.

Такім чынам, падрабязны аналіз вышэйразгледжаных класіфікацый дае магчымасць зрабіць наступныя высновы. Па-першае,

расійскія і беларускія даследчыкі не маюць адзінага пункту гледжання на такую з'яву, як прыёмы ІА пераўтварэнняў ФА: класіфікацыі адрозніваюцца адна ад адной, у кожнай прысутнічаюць спрэчныя моманты. Гэта сведчыць пра тое, што праблема трансфармацыі ФА ў мовазнаўстве дасканала не вывучана, таму і з'яўляецца да гэтага часу актуальнай. Пры гэтым погляды навукоўцаў адносна ІА пераўтварэнняў ФА супадаюць па асноўных пазіцыях. Так, выдзяляюцца аднолькавыя тыпы трансфармацый, а некаторыя прыёмы хоць і адрозніваюцца назвамі, цалкам падобныя па сваёй сутнасці. Разам з тым кожная класіфікацыя мае ўнікальныя элементы, што толькі пацвярджае нашу пазіцыю: пры даследаванні фразеалагічных трансфармацый памылкова абмяжоўвацца толькі адной класіфікацыяй, для больш прадуктыўнай працы можна іх камбінаваць. Па-другое, у разгледжаных класіфікацыях прыёмы аказіянальнага пераўтварэння ФА перамяжоўваюцца з прыкладамі трансфармацый, якія ствараюцца на аснове гэтых самых прыёмаў, што, на нашу думку, з'яўляецца нязручным. Па-трэцяе, вызначэнне пэўных трансфармацый з'яўляецца дастаткова спрэчным, таму што ў некаторых выпадках цяжка зразумець іх якаснае адрозненне. Усё вышэйпералічанае дае нам магчымасць прапанаваць з некаторымі зменамі і ўдакладненнямі ўласную класіфікацыю, зручную для практычнага прымянення пры аналізе ўжывання аказіянальных ФА ў мастацкіх творах, якая, з аднаго боку, абапіраецца на разгледжаныя, а з другога – мае свае спецыфічныя адрозненні.

Табліца 1 – Класіфікацыя прыёмаў ІА пераўтварэнняў ФА

Прыёмы ІА пераўтварэнняў ФА					
↓					
Структурна-семантычныя					
Змяненне кампанентнага складу ФА *	Поўная дэфармацыя ФА	Выкарыстанне асобных кампанентаў ФА, якія выражаюць элементы фразеалагічнага значэння	Словы, утварэння на базе ФА	Утварэнне ФА па структурна-семантычнай мадэлі ФА	Кантамінацыя ФА
↓					
Структурныя		Семантычныя			
Змяненне ў размяшчэнні кампанентаў ФА *	Змяненне кампанентнага складу ФА (скарачэнне кампанентнага складу)	Пераасэнсаванне ФА	Пераўтварэнні, якія базіруюцца на вобразнасці ФА *		

Прапанаваная намі класіфікацыя ахоплівае толькі прыёмы аказіянальнага змянення ФА, паколькі менавіта яны знаходзяцца ў полі зроку нашага навуковага інтарэсу. Знак * – «зорачка», якім пазначаны некаторыя віды трансфармацый, азначае, што гэты від змяшчае ў сабе шэраг разнавіднасцей.

Як бачна з табліцы, усе прыёмы ІА пераўтварэнняў ФА мы прапаноўваем разглядаць у межах аднаго з трох тыпаў – структурна-семантычнага (у якім парушаецца структура ФА і гэтым самым закранаецца яе змест), структурнага (у якім парушаецца структура ФА без закранання яе зместу) і семантычнага (у якім парушаецца семантыка ФА без закранання яе структуры).

Структурна-семантычны тып прадстаўлены такімі прыёмамі, як змяненне кампанентнага складу ФА (замена кампанента ФА словам ці словазлучэннем і пашырэнне кампанентнага складу); поўная дэфармацыя ФА; выкарыстанне асобных кампанентаў, якія выражаюць элементы фразеалагічнага значэння; словы, утвораныя на базе ФА; утварэнне ФА па структурна-семантычнай мадэлі ФА; кантамінацыя ФА.

У межах структурнага тыпу разглядаюцца прыёмы змянення ў размяшчэнні кампанентаў ФА (дыстантнае размяшчэнне кампанентаў ФА і сінтаксічная інверсія), а таксама змянення кампанентнага складу ФА (скарачэнне кампанентнага складу).

Прыёмы пераасэнсавання ФА і пераўтварэнняў, якія базіруюцца на вобразнасці ФА (падвойная актуалізацыя і літаралізацыя значэння ФА), адносім да семантычнага тыпу пераўтварэнняў.

Заклучэнне

Аналіз тэарэтычнага матэрыялу паказаў, што прыёмы пераўтварэнняў ФА шматлікія, разнастайныя і ў многіх выпадках надзвычай складаныя. Гэтым і тлумачыцца адсутнасць адзінай агульнапрынятай класіфікацыі. У расійскім мовазнаўстве на сённяшні дзень самая падрабязная сістэматызацыя трансфармацый належыць В. М. Макіенку і А. М. Меляровіч, у беларускім – І. Я. Лепешаву. Нягледзячы на тое, што абедзве класіфікацыі з'яўляюцца аўтарытэтнымі і агульнапрызнанымі, для практычнага прымянення з мэтай даследавання ІА пераўтварэнняў яны не заўсёды прыдатныя.

На аснове тэарэтычнага і ілюстрацыйнага матэрыялу намі былі распрацаваны пэўныя

змены і ўдакладненні ў класіфікацыю прыёмаў ІА пераўтварэнняў ФА, якія датычацца, па-першае, вылучэння яшчэ аднаго тыпу ІА пераўтварэнняў – структурнага; па-другое – размежавання прыёмаў аказіянальнага пераўтварэння ФА і трансфармацый, якія ствараюцца на іх аснове, а таксама ўключэння ў класіфікацыю менавіта прыёмаў; па-трэцяе – ўключэння ў класіфікацыю асобных прыёмаў, а не іх камбінацый.

Такім чынам, у прапанаванай намі класіфікацыі вылучаюцца тры тыпы ІА пераўтварэнняў ФА – структурна-семантычны, структурны і семантычны. У межах структурна-семантычнага тыпу намі разглядаюцца такія прыёмы, як змяненне кампанентнага складу ФА; поўная дэфармацыя ФА; выкарыстанне асобных кампанентаў ФА, якія выражаюць элементы фразеалагічнага значэння; словы, утвораныя на базе ФА; утварэнне ФА па структурна-семантычнай мадэлі ФА; кантамінацыя ФА. У межах структурнага тыпу – змяненне ў размяшчэнні кампанентаў ФА, а ў межах семантычнага – пераасэнсаванне ФА і пераўтварэнні, якія базіруюцца на вобразнасці ФА.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Божко, Н. А.** Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц в языке художественной прозы (на материале произведений В. Токаревой) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Божко Наталья Анатольевна. – Тюмень, 2015. – 206 л.
2. **Молотков, А. И.** Некоторые особенности употребления фразеологизмов в современном русском языке / А. И. Молотков // Нормы современного русского литературного словоупотребления : сб. ст. / Г. А. Качевская [и др.]. – Л.; М., 1966. – С. 92–110.
3. **Вакуров, В. Н.** Основы стилистики фразеологических единиц / В. Н. Вакуров. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 175 с.
4. **Болдырева, Л. М.** Стилистические особенности функционирования фразеологизмов (на материале современной художественной немецкой литературы и прессы ГДР) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Болдырева Лилия Владиленовна ; 1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М., 1967. – 27 с.
5. **Третьякова, И. Ю.** Оказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Третьякова Ирина Юрьевна. – Ярославль, 2011. – 379 л.

6. **Шанский, Н. М.** Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1969. – 231 с.

7. **Красней, В. П.** Лексіка і фразеалогія беларускай мовы / В. П. Красней. – Мн. : Нар. асвета, 1982. – 143 с.

8. **Мелерович, А. М.** Фразеологизмы в русской речи / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – 2-е изд. – М. : Русские словари, 2005. – 853 с.

9. **Лепешаў, І. Я.** Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : вучэб. дапамож. для філал. фак. ВНУ / І. Я. Лепешаў. – Мн. : Вышэйшая школа, 1998. – 271 с.

Паступіў у рэдакцыю 23.12.2024 г.

Кантакты: lele4ko@rambler.ru (Карнеева Вольга Ігараўна)

Karneeva V. I. TRANSFORMED PHRASEOLOGICAL UNITS: A REVIEW OF CLASSIFICATIONS

The article considers different types of author's transformations of phraseological units and focuses on the debatable points of view. The article substantiates the necessity of refining the existing classifications taking into account some changes and additions indicated by the processed theoretical and factual material. It is concluded that the techniques of occasional change of phraseological phrases should be divided into three types – structural-semantic, semantic, and structural.

Keywords: usual phraseological unit, occasional phraseological unit, individual-authorial transformation, transformation techniques, transformation of a phraseological unit, classification.

УДК 81'233 Конфуций

ВОСПРИЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КОНФУЦИЯ В СОЗНАНИИ РУССКОГОВОРЯЩИХ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНКЕТИРОВАНИЯ

Сун Кэлинь

аспирант кафедры русской филологии

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Статья основана на результатах опроса 1000 русскоязычных респондентов, целью которого – выявить восприятие, понимание и интерпретацию языковой личности Конфуция и культуры конфуцианства у русскоговорящих. Конфуций хорошо известен в русскоязычных странах в основном благодаря научной литературе и социальным сетям, в сознании большинства русскоговорящих Конфуций – это философ, мудрец и мыслитель. Треть анкетированных знают афоризмы Конфуция и могут точно их воспроизвести. Около 50% опрошенных поделились информацией о биографии Конфуция. Более 80% респондентов положительно оценили Конфуция, назвав его мудрым и умным человеком.

Ключевые слова: языковая личность, Конфуций, анкетирование, опрос, русскоговорящий.

Введение

Языковую личность рассматривают как «человека говорящего» и изучают «язык, на котором говорит человек». Сфера изучения языковой личности охватывает широкий диапазон и, являясь объективным бытием общества, представляет собой неизбежный продукт развития национальной духовной и материальной культуры. Изучение языковой личности соответствует приоритетным направлениям исследований антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике. Многие ученые изучали теорию языковой личности, используя разные методы, например, Г. И. Богин [1], Ю. Н. Караулов [2], Т. В. Кыштымова [3], Д. Н. Шмелёв [4] и др. Целесообразно использовать опрос – «метод сбора первичной информации посредством обращения с вопросами к определенной группе людей (респондентам)» [5, с. 221]. Опрос может быть устным (интервью) и письменным (анкетирование). Ассоциация, как один из фундаментальных методов психологии, демонстрирует взаимосвязь между понятиями и элементами понятий не только в сознании языковой личности, но и дает возможность отобразить связи в глубинах ее подсознания [6, с. 179].

В процессе межкультурной коммуникации необходимость изучения языковой личности Конфуция особенно очевидна. Имеются филологические научные работы, посвященные конфуцианству, например, И. А. Бубнова [7], Лю Ядин [8] и др., однако впервые проведено исследование образа Конфуция и понимания его учения в русскоязычном языковом сознании на основе анкетирования.

Цель работы – провести опрос и выявить восприятие, понимание и интерпретацию языковой личности Конфуция и культуры конфуцианства у русскоязычных респондентов.

Опрос проводился на основе анкеты, созданной с помощью сервиса Google, и конструктора анкет «Анкетолог», состоял из 16 вопросов разного типа: на ассоциацию, множественного выбора, свободного письма. Были использованы следующие методы лингвистического исследования: описательный, анкетирование, метод компонентного анализа, интерпретации, количественные подсчеты.

Основная часть

1–3-й вопросы – социальный портрет реципиентов: пол, возраст, степень образованности. В анкетировании приняли участие 1000 респондентов, среди них 25% мужчин (250 человек) и 75% женщин (750). На основе теории психосоциального развития Эрика Эриксона [9] в опросе приняли участие респонденты школьного возраста – 0,5 % из 1000 (5 человек), 32,3 % – юношеского возраста (323), 39,2 % – от 19 до 39 лет (392), 25 % – зрелого возраста (250), 3 % – старше 60 лет (30). Из 1000 респондентов 3,4 % получили начальное образование (34 человека), 29,4 % – среднее общее (294), 14,7 % – среднее специальное (147), 47,5 % – высшее (475) и 5% – 2 и более высших образования (50). Так, в группе респондентов в 3 раза больше женщин, чем мужчин, больше подростков и молодых людей от 19 до 39 лет, а также людей с высшим образованием.

4–6-й вопросы – ассоциации, возникшие в сознании реципиентов в ответ на слово-стимул *Конфуций*.

На вопрос «Напишите первое пришедшее в голову имя существительное по отношению к Конфуцию» зафиксировано 127 лексем в 955 словоупотреблениях. Из 1000 респондентов 1,3% не ответили на этот вопрос (13 человек), 9,4% ответили *не знаю* (94). Из-за разницы в возрасте и в полученном образовании некоторые респонденты, возможно, только слышали о Конфуции, но не знают конкретной информации о нем. Можно распределить ответы респондентов по 4 категориям:

– **личность Конфуция** (418 ответов; 41,8%): *философ* (210), *мудрец* (61), *мыслитель* (43), *ученый* (24), *человек* (21), *учитель* (13) и др.;

– **значение личности Конфуция и его учения** (149 ответов; 14,9%): *Китай* (74), *конфуцианство* (11), *иероглифы* (4), *восток* (3), *высказывания* (3), *знание* (3) и др.;

– **образ Конфуция** (154 ответа; 15,4%): *мудрость* (84), *ум* (13), *мудрый* (6), *разум* (6), *умный* (5), *спокойствие* (4) и др.;

– **область деятельности** (172 ответа; 17,2%): *философия* (85), *учение* (17), *цитаты* (12), *мысль* (11), *наука* (8), *религия* (6) и др.

Самые частотные лексемы: *философ* (210), *философия* (85), *мудрость* (84), *Китай* (74), *мудрец* (61) и *мыслитель* (43). Единичные в употреблении: *поэт* (1), *теоретик* (1), *писатель* (1), *классика* (1) и др. Конфуций занимался обработкой древнекитайской классики в последние годы своей жизни. Поскольку китайская классика не была широко распространена на Западе, Конфуций мало известен как поэт и писатель. Это говорит о том, что в глазах русскоговорящих о личности Конфуция в основном мало что известно, кроме того, что он философ, мыслитель, мудрец, учитель.

Обнаружены в ответах лексемы *старый дед* (3), *умиротворение* (1), *борода* (1). Возможно, эти респонденты видели портрет Конфуция, поэтому возникли такие ассоциации. В трех анкетах зафиксирована лексема *гений* (3), что также свидетельствует о признании и высокой оценке Конфуция. Обнаружены лексемы *Андрей* (2), *Алиса* (1), *мама* (1). Пять респондентов ответили *Япония*.

Из 1000 респондентов 1,2% не смогли написать «первое пришедшее в голову имя прилагательное по отношению к Конфуцию»; 9,2% ответили *не знаю* (92), но зафиксированы 134 лексемы в 887 словоупотреблениях, положительно характеризующие Конфуция (88,7%): *мудрый* (242), *умный* (165), *китайский* (71), *древний* (56), *философский* (43),

великий (27), *красивый* (13), *спокойный* (13), *гениальный* (10) и др. Шесть лексем в девяти словоупотреблениях с отрицательной коннотацией (0,9%): *узкоглазый* (3), *страшный* (2), *несоизмеримый* (1), *странный* (1), *чудной* (1) и *придирчивый* (1). Зафиксированы лексемы *гениальный* (10), *логичный* (2), *эрудированный* (1), *здоровомыслящий* (1), *могущественный* (1), *красноречивый* (1).

На вопрос «Напишите первую пришедшую в голову информацию о Конфуции» ответы (271 лексема в 952 словоупотреблениях) можно разделить на 7 категорий:

– **личность Конфуция** (527 ответов, 52,7%): *философ* (125), *китайский мыслитель* (35), *основатель конфуцианства* (20), *мудрец* (18), *ученый* (17), *учитель* (12) и др.;

– **образ Конфуция** (82 ответа, 8,2%): *умный* (14), *мудрый* (10), *известный* (7), *замечательный* (6), *старик* (5), *хорошее образование* (2) и др.;

– **вклад Конфуция** (107 ответов, 10,7%): *основал конфуцианство* (16), *основал первый университет* (6), *мудрые мысли* (5) и др.;

– **учение Конфуция** (17 ответов, 1,7%): *почитание старших* (1), *любовь к людям* (1), *философское учение о жизни* (1) и др.;

– **биография Конфуция** (91 ответ, 9,1%): *из Китая* (45), *жил очень давно* (9), *древние времена* (5), *имя – Конфуций* (4), *пятый век до н.э.* (1) и др.;

– **область деятельности** (73 ответа, 7,3%): *философия* (26), *учения* (13), *цитаты Конфуция* (10), *религия* (7), *афоризмы* (4), *философское учение* (2) и др.;

– **афоризмы Конфуция** (12 ответов, 1,2%): *Не делай человеку того, чего не желаешь себе* (3), *Можно падать, главное – потом подняться* (1) и др.

Из 1000 респондентов 1,3% не ответили на этот вопрос (13 человек), 1,2% ответили *затрудняюсь ответить* (12 человек), 10% ответили *не знаю* (100 человек).

Категория, в которой было получено наибольшее количество ответов на вопросы о Конфуции, – это личность Конфуция (52,7 %). Русскоговорящие знают Конфуция как философа и мыслителя, мудреца и ученого. Были также респонденты, которые ответили, что Конфуций был японским и древнегреческим философом, что свидетельствует о недостатке знаний о биографии Конфуция. Некоторые путали афоризмы Конфуция. Например, *Знание есть сила* – афоризм, принадлежащий Фрэнсису Бэкону. Зафиксированы лексемы *духов-*

ний наставник (1), воїн мечты (1), гений и филантроп (1), банальный мыслитель (1).

7-й вопрос – об основных каналах получения информации о Конфуции. Из предложенных 7 вариантов ответов на этот вопрос респонденты выбрали следующие: 54,7% – *научная литература*, например, учебник (547 ответов), 36,9% – *социальные сети* (369), 20,3% – *художественная литература*, например, поэзия (203 ответа), 15,4% – *фильмы и/или сериалы* (154), 9,4% – *журналы и/или газеты* (94), 9% – *члены семьи, друзья и/или знакомые* (90), 19,6% – *не получаю такую информацию* (196) и 4% – *другое* (40). Так, основными источниками являются *научная литература и социальные сети*. В варианте *другое* 10 респондентов написали *интернет*, 2 респондента ответили на уроке истории.

8-й, 15-й, 16-й вопросы – о личности и биографии Конфуция.

Из предложенных 12 вариантов ответов на 8 вопрос о личности Конфуция были зафиксированы следующие ответы: *философ* (721 ответ; 72,1%), *мудрец* (661; 66,1%), *мыслитель* (603; 60,3%), *создатель учения* (283; 28,3%), *учитель* (208; 20,8%), *педагог* (111; 11,1%), *автор афоризмов* (108; 10,8%), *историк* (49; 4,9%), *литератор* (35; 3,5%), *политик* (35; 3,5%), *юрист* (11; 1,1%), *музыкант* (10; 1%), и *другое* (10; 1%). Так, в восприятии русскоговорящих Конфуций идентифицируется как *философ, мудрец и мыслитель*, менее всего – как *музыкант и юрист*. В варианте *другое* один респондент ответил *немаловажная фигура для истории, культуры и отчасти религиозного фонда Китая*.

Из предложенных вариантов на вопрос об образе Конфуция респонденты выбрали ответ *мудрец* (693 ответа; 69,3%), *знаменитая восточная личность* (458; 45,8%), *просветитель* (387; 38,7%), *знаменитая личность мирового масштаба* (371; 37,1%), *педагог* (150; 15%), *авторитетный человек* (127; 12,7%), *проповедник* (96; 9,6%), *реформатор* (52; 5,2%), *святой* (40; 4%), *политик* (33; 3,3%) и *другое* (20; 2%). Так, в восприятии русскоговорящих наиболее значимым образом Конфуция является *мудрец, знаменитая восточная личность*, наименее значимыми – *политик и святой*.

Ответы (199 лексем в 746 словоупотреблениях) респондентов на вопрос о биографии Конфуция можно распределить на 13 категорий:

– **имя Конфуция** (8 ответов; 0,8%): *настоящее имя Кун Цзю* (5), *его звали Конфуций* (2), *имя: Кун-фу-цзы* (1);

– **место рождения** (137; 13,7%): *Китай – место рождения* (85), *рожден в Цюйфу* (15), *в царстве Лу* (11) и др.;

– **место жизни** (32; 3,2%): *жил в Китае* (17), *жил в Древнем Китае* (14), *жил на Востоке* (1);

– **место смерти** (22; 2,2%): *умер в Китае* (8), *умер в Лу* (8), *умер в Цюйфу* (6);

– **место захоронения** (4; 0,4%): *захоронен в городе Лу* (1), *захоронили в Чжоу* (1), *Храм Конфуция* (1), *Кунлин, город Цзоу, провинция Шаньдун, Китай* (1);

– **семья** (35; 3,5%): *из обедневшего знатного рода Кун* (6), *из знатного рода* (4), *семья* (3), *бедная семья* (1), *из аристократического рода* (1) и др.;

– **брак** (18; 1,8%): *дети Конг Ли* (3), *2 детей* (2), *был женат и имел 3 детей* (1) и др.;

– **время рождения** (115; 11,5%): *551 год до н.э.* (73), *в 550 г до н.э.* (10), *родился 4 октября 551г. до н.э.* (10), *родился до нашей эры* (7) и др.;

– **время смерти** (62; 6,2%): *479 год до н.э.* (46), *умер 9 марта 479 г. до н.э., в 71 год* (9), *умер в 72 года* (2), *479 год до н.э. (71–72 года)* (2) и др.;

– **эпоха жизни** (38; 3,8%): *жил до нашей эры* (16), *6–5 вв. до н.э.* (11), *5 век до нашей эры* (6), *6 век до н.э.* (6) и др.;

– **работа Конфуция** (22; 2,2%): *он был учителем* (9), *работал чиновником* (7), *был советником* (1), *был министром правосудия* (1) и др.;

– **личность Конфуция** (117; 11,7%): *философ* (38), *мыслитель* (12), *основатель конфуцианства* (10), *учитель* (7), *был признанным педагогом* (3), *мудрец* (3) и др.;

– **значимые события и вклад** (68; 6,8%): *основал первый университет* (15), *основал конфуцианство* (9), *систематизировал летописи* (7) и др.

Из 1000 респондентов 7,2% не ответили на этот вопрос (72 человека), 1,4% ответили *затрудняюсь ответить* (14), 18,1% ответили *не знаю* (181), 23,8% ответили *ничего* (238), 3,3% ответили *забыл(а)* (33). Так, 53,8% респондентов (538 человек) не предоставили конкретной информации о биографии Конфуция. 463 респондента знают биографию Конфуция, частотны ответы о времени рождения Конфуция, его личности и месте рождения. Четыре респондента считают, что Конфуций родился в Греции, 1 – в Японии, 1 – в Южной Корее. 1 респондент ответил, что Конфуций является японским ученым. Больше всего отве-

тов было получено в следующих категориях: **место рождения Конфуция** (137), **личность Конфуция** (117), **время рождения** (115). Зафиксированы неверные ответы: *родился в Греции* (4), *место рождения Япония* (1), *в Сан-джу, Кенсан-Пукто, Южная Корея* (1).

Таким образом, можно представить основную биографическую информацию о Конфуции в сознании русскоговорящих: *Конфуций, настоящее имя которого Кун Цю, родился и умер в Цюфу (провинция Шаньдун), Китай, родился в 551 году до н.э., а умер в 479 году до н.э., в возрасте 72 лет, жил с 5 по 6 век до н.э. Он родился в семье мелкого чиновника из обедневшего знатного рода, его отец был воином. Конфуций женился в 19 лет, имел двух дочерей и сына. Работал учителем, государственным чиновником, советником и министром правосудия. Конфуций – философ, мыслитель, педагог, основатель конфуцианства, мудрец и др. Основал конфуцианство и создал первый университет в Китае, систематизировал летописи, сформулировал правила поведения, которые до сих пор актуальны для членов общества из разных социальных слоев, основал (или сформулировал) философское учение, лёгшее в основу китайского и вообще дальневосточного мировоззрения, религии, этики. Его мысли оказали глубокое влияние на китайскую культуру, политику и общественные нормы и остаются актуальными в современном обществе.*

9–10-й, 13–14-й вопросы о роли Конфуция в истории и культуре Китая и влиянии его в современном обществе.

На вопрос о вкладе Конфуция в развитие культуры анкетированные ответили следующее: *философское миропонимание* (600; 60%), *основание конфуцианства* (578; 57,8%), *формирование системы ценностей* (337; 33,7%), *развитие образования* (305; 30,5%), *развитие афористики* (64; 6,4%), *политическая реформа* (61; 6,1%) и *другое* (20; 2%). В *другое* один из анкетированных ответил *жизненная философия*.

Были зафиксированы следующие варианты определения «конфуцианства»: *философская система мысли* (662; 66,2%), *религиозное верование* (116; 11,6%), *этико-политическое учение* (105; 10,5%), *образ жизни* (60; 6%), *моральный кодекс* (41; 4,1%) и *другое* (16; 1,6%). В варианте *другое* один респондент ответил, что это *образ жизни, который для него был, скорее, религией, а для последователей был моральным кодексом*.

На вопрос о том, поучительны ли по-прежнему мысли Конфуция для современного общества, 29,8 % респондентов выбрали *полностью согласен* (298 анкет), 42 % – *согласен* (420), 2,8 % – *не согласен* (28), 0,5 % – *полностью не согласен* (5) и 24,9 % – *затрудняюсь ответить на этот вопрос* (249). Согласно данным исследования почти 72% респондентов считают, что мысли Конфуция актуальны и важны для современного общества.

На вопрос, в какой области мысль Конфуция наиболее известна, были зафиксированы следующие ответы: *философия* (908 ответов, что составляет 90,8%), *учение и образование* (389; 38,9%), *культура* (226; 22,6%), *история* (203; 20,3%), *религия* (189; 18,9%), *литература* (185; 18,5%), *повседневная жизнь* (149; 14,9%), *афоризмы* (143; 14,3%), *политика* (132; 13,2%), *право* (21; 2,1%), *музыка* (10; 1%), *другое* (9; 0,9%). Это вопрос с выбором из нескольких вариантов, поэтому статистика показывает, сколько человек выбрали этот ответ. Так, в восприятии русскоговорящих наиболее известной областью мысли Конфуция является *философия*, малоизвестен Конфуций в области *музыки*. В варианте *другое* был ответ *психология* поскольку, вероятно, учение Конфуция содержит часть принципов человеческого поведения, по которым можно судить о характере и нравственности человека.

11–12-й вопросы посвящены афористике Конфуция. На вопрос о знании афоризмов Конфуция 350 человек (35% респондентов) ответили *да*, а 695 (69,5%) – *нет*. Среди 305 ответов были обнаружены следующие афоризмы Конфуция, наиболее известные в восприятии русскоговорящих: *Если тебе плетут в спину – значит ты идешь впереди* (40 упоминаний); *Во всем есть красота, но не каждый её видит* (34); *Семья – это маленькое государство, а государство – большая семья* (31); *Не делай другим того, чего не желаешь себе* (17); *Мы видим многое, но не замечаем главное* (15). Таким образом, большинство респондентов не знают афоризмов Конфуция, что говорит о том, что данные тексты не слишком распространены в странах русскоговорящих.

Заключение

В результате проведенного опроса 1000 русскоговорящих респондентов подтвердилась гипотеза о том, что Конфуций хорошо известен русскоязычным, его философские убеждения получили широкое распространение, большинство русскоговорящих людей

признают и уважают Конфуция и его мысли. В группе респондентов были в основном женщины. Среди анкетированных больше всего подростков и молодых людей в возрасте от 19 до 39 лет, а также людей с высшим образованием. Из ответов респондентов видно, что большинство людей узнали о Конфуции из научной литературы и социальных сетей. В сознании большинства русскоговорящих Конфуций – это философ, мудрец и мыслитель, большинство респондентов считают, что философское мировоззрение Конфуция и конфуцианство как философская система мысли способствовали развитию культуры. Третья часть анкетированных знает афоризмы Конфуция и может точно их воспроизвести. Около 50% респондентов поделились информацией о биографии Конфуция, чаще всего речь шла о времени и месте его рождения. Более 80% респондентов положительно оценили Конфуция, назвав его мудрым и умным человеком, мысли которого по-прежнему поучительны для современного общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Богин, Г. И.** Языковая личность школьника как формат для определения успешности его филологической подготовки / Г. И. Богин. – Тверь : Просвещение, 1998. – 164 с.
2. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М : Наука, 1987. – 262 с.
3. **Кыштымова, Т. В.** Понятие «языковая личность» в современной лингвистике / Т. В. Кыштымова // Вестник ЧГПУ. – 2014. – № 6. – С. 237–244.
4. **Шмелев, Д. Н.** Язык и личность / Д. Н. Шмелев. – М : Наука, 1989. – 211 с.
5. **Вардомацкий, Л. М.** Современная ассоциативная лингвистика и ее приложение к решению практических задач / Л. М. Вардомацкий // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». – 2022. – Т. 36. – С. 176–181.
6. **Осипов, Г. В.** Социологический энциклопедический словарь : на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Г. В. Осипов. – М. : ИНФРА М – НОРМА, 1998. – 488 с.
7. **Бубнова, И. А.** Конфуцианство в русском языковом сознании / И. А. Бубнова, Y. Wang // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 14. – С. 120–127.
8. **Лю Ядин.** Трансформации образа Конфуция в России / Ядин Лю // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. – 2019. – № 7. – С. 5–26.

Поступила в редакцию 3.06.2025 г.

Контакты: songkelin96@gmail.com (Сун Кэлинь)

Song Kelin. PERCEPTION OF THE LINGUISTIC PERSONALITY OF CONFUCIUS IN THE MINDS OF RUSSIAN SPEAKERS ACCORDING TO THE RESULTS OF QUESTIONNAIRES

The article is based on the results of a survey of 1000 Russian-speaking respondents, which aimed to reveal the perception, understanding, and interpretation of the linguistic personality of Confucius and Confucian culture among Russian speakers. Confucius is well known in Russian-speaking countries primarily due to academic literature and social media; in the perception of most Russian speakers, Confucius is regarded as a philosopher, sage, and thinker. One third of respondents know Confucius's aphorisms and can accurately reproduce them. About 50% of those surveyed provided information about Confucius's biography. More than 80% of respondents positively evaluated Confucius, calling him a wise and intelligent person.

Keywords: linguistic personality, Confucius, questionnaire, survey, Russian speaker.

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я. В. Рубанава

Тэхнічны рэдактар *А. Р. Роскач*
Камп'ютарны набор і вёрстка *В. Г. Каленціонава*
Карэктар *Г. В. Карпянкова*

Падпісана да друку 27.08.2025 г.
Фармат 70x108¹/₁₆. Гарнітура Times New Roman.
Ум.-друк. арк. 9,7. Ул.-выд. арк. 11,2. Тыраж 30 экз. Заказ № 2901.

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова”, 212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў